

63.3(253)

А 65

А. Н. АНДРЕЕВ

ОЧЕРКИ
по
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
СИБИРИ

XVII
ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД · 1940

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА им. П. Г. СМИДОВИЧА

63.3(253)
А 65

А. И. АНДРЕЕВ

О Ч Е Р К И
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
С И Б И Р И

XVII ВЕК

-5841-аб ✓

Государственное учреждение
"Национальная
библиотека ЯНАО"

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД • 1939

ПРЕДИСЛОВИЕ

При том внимании, которое уделяется в настоящее время истории народов СССР, естественным является не только пересмотр всего, что было написано прежде, но и необходимость осветить по-новому историю народов СССР. К сожалению, на этом пути встречаются большие трудности, прежде всего заключающиеся в том, что источники, которые должны быть положены в основу нового построения истории народов, разбросаны в многочисленных архивных хранилищах, не выявлены в достаточной мере и, даже если они описаны или напечатаны, критически мало изучены. Без полного учета исторических источников, в особенности наиболее важных и ценных, невозможно, однако, серьезная историческая работа в дальнейшем.

В таком же положении находятся и историки народов Сибири. Лишь часть документальных материалов XVII в. более или менее известна; в отношении же XVIII и XIX вв. мы не знаем даже основных источников, необходимых для составления истории народов в эти века, которыми до 1917 г. почти совсем не занимались. Между тем, без срочного разрешения последней задачи — выявления и изучения источников по истории народов Сибири за XVIII—XIX вв. — невозможно понять и оценить надлежащим образом громадные перемены, наблюдаемые в советское время в жизни народов Сибири, историю которых мы знаем главным образом только до XVIII в.

Настоящие очерки имеют задачей хотя бы отчасти устранить отмеченные выше основные недочеты в области источ-

никоведения народов Сибири. Из печатаемых очерков два были опубликованы мною ранее в «Советском Севере», 1938, № 1, и в «Проблемах источниковедения», 1938, № 3, причем выводы, изложенные там, не всегда совпадают с заключениями, к которым я пришел при дальнейшей работе.

При написании отдельных очерков автор имел в виду не только многочисленных молодых историков Сибири, но и этнографов и географов, которым по характеру их научных работ приходится иметь дело с историческими трудами и материалами о народах Сибири.

В дальнейшем намечено издание очерков за XVIII—XIX вв., которые составят содержание второго и третьего выпусков.

Автор.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН—Архив Академии наук СССР; АИ—Акты исторические; в—выпуск; ГАФКЭ—Государственный архив феодально-крепостнической эпохи в Москве; Доп. к АИ—Дополнения к Актам историческим; ДРВ—Древняя Российская Вивлиофика; л—лист; оп—опись; Прод. ДРВ—Продолжение Древней Вивлиофики; РИБ—Русская историческая библиотека; Сиб. прик.—Сибирский приказ; ст—столбец; т.—том; ф—фонд.

1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СИБИРИ XVII ВЕКА

1. Источники, относящиеся к географическому описанию Сибири XVII в., состоят из нескольких групп. Наиболее ранние по времени мы находим в многочисленных «отписках» служилых людей, открывавших новые «землицы» в Сибири; нередко сведения, сообщенные ими, составляли содержание «отписок», посылавшихся из разных сибирских городов XVII в.; часто подобные расспросы производились в Москве в Казанском дворце и позднее, с 1637 г., в Сибирском приказе. Уже из опубликованных документов этого рода видно, какие богатые материалы по географии Сибири находятся в них. Для примера приведу несколько.

В 1622 г. в Казанском дворце томские казаки Ивашко Володимерец с товарищами сообщали: «Кузнецкой... острог стоит на Томи реке, а от Томского города до того острогу езды вверх водою 6 недель, а сухим путем из Кузнецкого острогу до Томского города 10 ден ходу. А около Кузнецкого острогу на Кондоме и на Брасе реке стсят горы каменные великие, и в тех горах емлют кузнецкие ясачные люди камень, да то камень разжигают на дровех и розбивают молотами намелко, а розбив сеют решеты, а просеяв сыплют понемногу в горн, и в том сливаетца железо, и в том железе делают пансыри, бехтерцы, шелома, копы, рогатины и сабли и всякое железное, опричь пищалей, и те пансыри и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы, а иные есак дают колмацким людям железом же. А кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три, и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело... А живут они в горах. А на горах растет всякой лес, и тот лес росчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячень, конопли...»¹

¹ Сборник князя Хилкова, СПб., 1879, стр. 191.

В 1640—1641 г. такому же расспросу были подвергнуты на Ленском волоке служилые люди Посничко Иванов с товарищами, приехавшие из Юкагирской земли; они должны были, между прочим, отвечать на вопросы: «скольдалече Юкагирская земля от Якутского острогу, и какие люди на ней живут, и многие ль...». В соответствии с этим Посничко рассказывает подробно о пройденном им пути до р. Янги, о встреченных им там народах («тунгусы именован ламутки», «якутские люди» и «тунгусы»), о невозможности держать на р. Янге аманатов, «для того что кормить нечем — река безрыбна». ¹

Аналогичные сведения имеются также в «доездах» служилых людей, которых посылали для досмотра тех или иных мест Сибири. В «доездной памяти» письменного головы Еналея Бахтеярова с товарищами, посланных в конце 1640 г. «на низ Илима реки к соляным росольным ключам», подробно описаны эти ключи. ²

Не менее ценные данные по описанию мест от верхнего Илимского порогу до Ленского волоку, а затем по рр. Куте и Лене до Якутского острога находим в «досмотрах» и «рописях» урочищ, представленных посланными туда служилыми людьми Потапкой Баландиным с товарищами в 1640—1643 гг. ³

Исключительный интерес представляет «Роспись против чертежу рекам и порогам от Енисейского острогу вверх до Ленского волоку, по которым шли на великую реку Лену в Якуцкой острог из Енисейского острогу стольники и воеводы Петр Головин, Матвей Глебов, дьяк Еуфимей Филатов во 148 году, и сколько до которой реки судового ходу, и сторонным рекам, которые пали в Тунгуску и в Илим реку», а равно подобная ей — «Роспись против чертежу от Куты реки вверх по Лене реке и до вершины», с присоединенными к последней «роспросными речами тунгусского князя Можеулка про брацких людей и про тунгусских людей и про Ламу и про иные реки». ⁴ Как видно из приведенного заглавия, «рописи» являлись приложением к чертежам.

Такого же типа и «Роспись о походе на киргиз с войною» 1683 г., ⁵ в которой дается подробное описание пути из Ени-

¹ Доп. к АИ, II, № 88, стр. 241.

² Там же, № 87, стр. 240—241.

³ Там же, № 90.

⁴ Там же, № 89, I—II, стр. 243—248.

⁵ АИ, V, № 104, I—II.

сейска и Томска в Киргизскую землю, с перечислением всех рек и речек, которые встретились в пути, и указанием живших на них народов.

Число подобных источников по географии Сибири XVII в. громадно не только в фонде Сибирского приказа, но и в фондах местных сибирских воеводских изб. Они сохранились в коллекциях актов (верхотурских, иркутских, кузнецких, нерчинских, туринских, тюменских и якутских) Института истории Академии наук и ГАФКЭ (фонды Верхотурского уездного суда и Якутского областного правления), а также в копийных книгах 21-го фонда Архива Академии наук (по описи 4). Никакого учета их до сих пор еще не сделано.

Чертежи вновь открытых земель и путей по рекам хранились в XVII в. в местных сибирских архивах, но уже давно погибла большая часть этих архивов и вместе с ними указанные чертежи.

С конца XVI в.¹ чертежи и росписи к ним в большом количестве поступали также в Казанский дворец, а с 1637 г. — в Сибирский приказ, но из них чертежи сохранились до нашего времени лишь в небольшом количестве.² Если наиболее ранние из чертежей погибли в московский пожар 1626 г., когда сгорели дела, книги и пр. материалы по Сибири, то отсутствие более поздних чертежей, вероятно, объясняется какой-либо аналогичной причиной. Во всяком случае, к началу XVIII в., как можем судить по современным описям,³ сохранилось лишь два общих чертежа Сибири; позже, при разборе дел Сибирского приказа, были найдены еще три чертежа.⁴

Таким образом до нас не дошли не только многочисленные чертежи отдельных мест Сибири, но и некоторые чертежи всей Сибири, составлявшиеся в XVII в., по крайней мере, четыре раза.

¹ Н. Оглоблин, Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, IV, М., 1902, стр. 123 (роспись и чертежи Сургута, основанного в 1594 г.).

² Там же, III, стр. 275, 303; IV, стр. 114 и др.

³ «Зап. отд. рус. и слав. археологии», т. II, стр. 27—28 (опись 1713 г.).

⁴ Перечень их у Оглоблина, Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова, СПб., 1891, стр. 5. Кроме этих трех, сохранился еще один (местности в устье Абакана 1655 г.), напечатанный в приложении к описанию путешествия Спафария («Зап. Рус. геогр. общ. по отдел. этнографии», 1882, т. X, в. I, стр. 190; также «Вестн. археол. и ист.», П., 1918, в. XXIII, стр. 39).

На основании одного из ранних русских чертежей Сибири, который в подлиннике до нас не дошел, составлена карта Исаака Массы, напечатанная им в 1609 г. вскоре по возвращении из Москвы в Голландию, а затем перепечатанная в приложении к его сочинению о Сибири, вышедшем впервые в 1612 г. на голландском языке и переведенном вскоре на другие языки. Заглавие труда Массы — «Описание страны самоедов в Тартарии, недавно присоединенной к Московскому государству. Переведено с русского языка в 1609 г.» — показывает, что одним из его источников явился какой-то русский документ типа указанных выше, использованный Массой для наиболее ценной части его труда, в которой он дает описание путей в Сибирь, описание местных народов, управления Сибирью и т. п.¹

2. До последнего времени первым чертежом всей Сибири считался составленный в 1667 г. при воеводе П. И. Годунове, по его имени называвшийся в XVII в. «Годуновским». Ныне можно утверждать, что еще ранее того была сделана попытка составить чертеж всей Сибири и дать к нему описание или «ропись к чертежу».

В отписке тобольского воеводы князя Андрея Хованского с товарищами, отправленной из Тобольска не ранее 24 сентября 1626 г. и полученной в Москве в том же году 4 декабря,² сообщается о получении государевой грамоты, по которой «велено Тобольскому городу и всех сибирских городов и острогов в Тобольску начертити чертеж, да распросити сибирских городов всяких людей, сколько недель и дней от которого городу до которого ездут и сухим и зимним и водяным путем, и сколько от которого города до которого ездят зимним путем на собаках или лошедми; и... государевы воеводы и приказные и всякие люди, как их посылают на... государеву службу в дальние сибирские города из Тобольска, какие люди до которого города дают под них подводы или гребцов, и от которого города до которого города на сколько дорог

¹ Подробная библиография о Массе у М. П. Алексеева, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, вып. I, Иркутск, 1932, стр. 236—248; у него же дан перевод (неполный) сочинения Массы и воспроизведена часть карты Сибири (стр. 249—266); об источнике карты там же (стр. 247 и 362); в полном виде карты Массы перепечатаны у В. А. Кордта, Материалы по истории русской картографии, Казань, 1906, вторая серия, в. I, стр. 16—17 и табл. XII—XIV.

² РИБ, VIII, ст. 410—412.

какие люди гоняют и сколько в которую сторону недель и дней гоняют, и водяным путем ходу и в каких судах которою рекою ходят, и сколько от сибирского от ближнего города от Верхотурья на Русь до которого городу или до яму и до Москвы верст или днищ водяным путем; и как из Мангазеи или из иных сибирских городов ездят, не занимая Тобольска через Камень, что до которого города и до Москвы порознь верст или днищ сухим и водяным путем и волоками ходу; и которою рекою до которого города ходят, и которыми реками от Тобольска и от иных сибирских городов ходят на Казань, и одною ль дорогою или не одною, и сколько порознь верст и днищ которою рекою на Казань ходят и на низ ли или вверх те все дороги ото всех сибирских городов до Москвы на все стороны».

Все эти сведения «по выпросу сибирских и иных городов» велено было «написать на роспись, да тот чертеж и росписи... прислати в Москву».

Получив этот указ, тобольский воевода «писал... во все сибирские города и остроги, а велел им тем городом и острогом и около тех городов и острогов рекам и урочищам начертити чертежи и написать на росписи против... государева указу, и прислать в Тоболеск...».

Видимо, выполнение этого сложного поручения — составления на местах чертежей сибирских городов, а на основании их чертежа всей тогдашней Сибири в Тобольске затянулось, почему в наказе следующему тобольскому воеводе с дьяками, которые в начале 1628 г. должны были ехать в Тобольск (князь Алексей Никитич Трубецкой и дьяки Семен Собакин и Емельян Евсеев), находим повторение указа 1626 г.¹

Повторение, надо полагать, было сделано для того, чтобы новый воевода ускорил составление чертежей и чертежных описаний отдельных уездов и всей Сибири.

Кажется, составление чертежей и чертежных описаний по уездам и сводного чертежа всей Сибири и росписи к нему было закончено только в 1629 г., когда все сибирские города были поделены между двумя разрядами — Тобольским и Томским.

Чертеж всей Сибири 1629 г. не сохранился, но имевшаяся

¹ К сожалению, сохранилось только начало приложенной к наказу 1628 г. «памяти», в которой идет речь о чертежах, а потому о содержании конца «памяти» приходится гадать. «Память» к наказу воеводам князю Алексею Трубецкому с товарищами 1628 г., ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 17, дл. 104, 105, 105 об., 107, 108.

при нем «Роспись» дошла до нас, как я думаю, в том памятнике, который имеется в единственном списке (к сожалению, без конца) в одном из сборников Погодинского древлехранилища в Гос. Публичной библиотеке в Ленинграде (№ 1604, лл. 858—865 об.); он напечатан в сборнике А. А. Титова, Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 10—22, и имеет заглавие, повторяющее основную часть приведенного выше указа 1626 г.: «Роспись сибирским городам и острогам, которой город или острог над которою рекою стоит, и сколько от которова города до города или до острогу зимним и летним сухим путем лошадьми езду и нартами на собаках и водяным путем в дощаниках и в стругах ходу, по сказке тобольских и иных сибирских городов служилых людей, и какие люди до коих мест ямскую гоньбу и на сколько дорог гоняют, и то писано в сей росписи порознь по статьям». Как и требовал указ 1626 г., «Роспись» начинается статьей о Верхотурье, где, как и в прочих статьях, указано, сколько дней ходу от этого города, стоящего «над... рекою», до следующего (в данном случае Туринска) города или острога «водяным путем» «вниз воды» в дощаниках и в легких судах и сколько дней ходу «назад... вверх воды» в тех же судах, а также сколько дней ходу «зимним и летним сухим путем» лошадьми. В этой же статье о Верхотурье, в соответствии с требованием того же указа 1626 г., указано, каким путем ездят гонцы из сибирских городов через Верхотурье к Москве и какие люди дают под них подводы, суда и гребцов.

В том же плане даны в «Росписи» сведения о городах «Тобольского разряда»: Туринске, Пелыме, Тюмени, Тобольске, Таре, Березове, Сургуте и Мангазее. Сведения о том, как налажена подводная повинность при посылке служилых людей из Мангазеи на «великую реку Лену», обрываются на полуслове, а потому приходится признать, что «Роспись» дошла до нас не в полном виде, а, видимо, лишь в одной своей части, заключающей описание городов и острогов Тобольского разряда.

Так как в «Росписи» упомянут «Тобольский разряд» (печ. изд., стр. 15), которому дано описание, и указано также, каким путем шла государева ясачная казна из Томска, Енисейска и Красноярска (стр. 20), — в ней, несомненно, была и другая часть — описание городов Томского разряда, но она в имеющемся единственном списке не сохранилась.

В 1863 г. Ф. Ф. Веселаго высказал предположение, что карта Тартарии, приложенная к известному труду Олеария,

появившемуся впервые в 1647 г., «составлена по сибирским чертежам». ¹ Правильнее полагать, что в основу ее мог быть положен тот общий чертеж Сибири 1629 г., который теперь утерян, но который мог оказаться в руках Олеария, проявившего, как известно, большой интерес к Сибири и лично беседовавшего в Москве в 1643 г. с теми самоедами, которые в то время оказались там; беседа эта послужила материалом для особой главы его книги: «О качествах северных народов и о народах, называемых самоедами». ²

О том, что еще до появления известной карты Сибири 1667 г. существовала уже южная карта Сибири, составленная русскими картографами, находим также указание в статейном списке посольства Вас. Богд. Лихачева к флорентинскому герцогу Фердинанду в 1659 г. Герцог, получив царские подарки — собольи и другие меха, расспрашивал в январе 1660 г. Лихачева про «Сибирское государство» и рассматривал при этом «Чертеж Сибирского государства», несомненно, данный ему тем же Лихачевым. ³

Но и независимо от последних двух известий не приходится сомневаться в существовании общего чертежа Сибири, составленного на основании указа 1626 г. Надо думать, что он послужил источником тех географических сведений о Сибири, которые находим в исправленном около 1627 г. тексте «Книги Большого Чертежа». ⁴ В последнем имеется особая глава (XX), в которой дано поверстное описание рр. Оби, Таза, Иртыша и впадающих в них рек и речек и расположенных на них «городов». Но, как и в упомянутой выше «Росписи», сведения о реках даны лишь в отношении тех, которые протекали по уездам Тобольского разряда; впрочем, в составлявшемся новом чертеже, как видно из предисловия к нему, предполагалось дать «города и реки и всякие урочища» «за реку за Обь морским берегом до реки Таза и реки Пура, до Мангазеи, и по Енисею реку», «а на полуденную сторону... от реки Таза и от реки Оби вверх по Оби, Обдорскую,

¹ Ф. Веселаго, Разбор сочинения П. Тихменева «Образование Российско-американской компании», СПб., 1863, стр. 13.

² М. П. Алексеев, Сибирь в известиях зап.-европ. путешественников и писателей, Иркутск, 1932, т. I, в. 1, стр. 278—290.

³ ДРВ, изд. 2-е, т. IV, стр. 351—352.

⁴ Редакция 1627 г. была издана трижды: 1) в 1792 г. И. Н. Болтиным под названием «Книга Большому чертежу или древняя карта Российского Государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 г.», СПб., 1792; 2) в 1838 г. под тем же заглавием, изд. 2-е, Д. И. Языкова; 3) в 1846 г. под ред. Г. И. Спасского.

Югорскую и Сибирскую землю до Нарыма, до Пегие Орды, и кочевую Казацкую», что в значительной степени и находим в тексте «Книги Большого Чертежа» в редакции 1627 г.

Разрядный приказ, занимавшийся исправлением и дополнением старого, пришедшего в ветхость, чертежа Московского государства, не располагал еще в 1627—1628 гг. общими географическими сведениями о той части Сибири, которая с 1629 г. перешла в ведение Томского разряда, чем, может быть, и объясняется отсутствие их в тексте «Книги Большого Чертежа» в редакции 1627 г.

Если мы не знаем многих подробностей, относящихся к составлению первого общего чертежа Сибири, то немного больше известно нам и о втором чертеже, который был сделан в Тобольске в 1667 г. при воеводе П. И. Годунове. До нашего времени сохранился и чертеж и приложенное к нему чертежное описание. Чертеж 1667 г. воспроизводился много раз по иностранной (шведской) копии его,¹ которую Л. С. Багров заменил русской копией, найденной им в одном из сборников чертежей Сибири, принадлежавшем С. У. Ремезову.² С воспроизведения Л. Багрова чертеж 1667 г. перепечатывался несколько раз,³ и можно считать, что теперь он довольно хорошо известен.

В найденном мною другом сборнике подлинных чертежей С. У. Ремезова⁴ оказалась еще одна копия того же чертежа, подобная той, которую нашел Л. Багров.

От Ремезова, который таким образом сохранил две копии чертежа 1667 г., относящиеся ко времени его усиленных занятий, в 1696—1700 гг., чертежами Сибири, идут и некоторые сведения об этом чертеже. На копии чертежа 1667 г., которая находилась в сборнике чертежей Ремезова, найденном Л. Багровым в собрании Воронцовых-Дашковых (ныне, кажется, утерянном), рукою С. У. Ремезова было написано:

«Глава 4. Список печатного подлинного чертежа. В лето 7176 по указу великого государя, по грамоте, в Тобольску

¹ В сборнике А. А. Титова, *Сибирь в XVII в.*, М., 1890, в конце книги; у В. А. Кордта, *Материалы по истории русской картографии*. Вторая серия. Вып. 1, Киев 1906.

² В трудах Л. Багрова: 1) *Карты Азиатской России*, II, 1914, 2) в предисловии к *Атласу Азиатской России*, 1914 и 3) в «Истории географической карты» — «Вестн. археол. и ист.», II, 1918, в. XXIII, стр. 40.

³ Например, Л. С. Бергом, *Открытие Камчатки*, Л., 1935, стр. 43.

⁴ Гос. Публ. библ., Эрмит. собр., № 237, лл. 30—31.

учинен сей чертеж снисканием и самотрудием и герографством¹ стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова печатным тиснением граду Тобольску и окресным сибирским градом, странам и землям, селения[м] по рекам и между ими расстояние[м] роспись кратким делом и мало прозвано писцами и старожильцами. А прежде сего печатного чертежа в Сибири граду Тобольску и Сибирской стране чертежу не бывало. И пребывает² сей первоначальный Годуновский печатный чертеж со 176-го году и по нынешней 206-й год без прилога селищ и волостей и немирных земель».

На основании этого текста можно утверждать, что чертеж 1667 г., по распоряжению из Москвы, был сделан лично П. И. Годуновым и отпечатан; на нем были отмечены Тобольск и другие сибирские города с их землями и селениями. В особой росписи было указано расстояние между ними, хотя и не всегда точное, так как тогда отсутствовали надлежащие писцовые описания и не были привлечены к делу старожильцы. Ранее этого печатного чертежа 1667 г. никакого общего чертежа Сибири не составлялось. После 1667 г. и до 1698 г., когда писал разбираемый текст Ремезов, будто бы не составляли новых общих чертежей Сибири.

Выше было уже указано, что, вопреки Ремезову, ранее 1667 г. был составлен общий чертеж Сибири; как увидим далее, после 1667 г., но ранее 1698 г., был составлен еще один общий чертеж. Таким образом в этой части сообщение Ремезова является неверным. Что касается остальных известий Ремезова, то следует отметить, что ни одного печатного экземпляра чертежа 1667 г. не сохранилось, и представляется мало вероятным, чтобы при отсутствии в эти годы печатных чертежей Московского государства, изданных Печатным двором в Москве, почему-то исключение было сделано в отношении чертежа Сибири. Прочие сообщения Ремезова могут быть приняты тоже с некоторыми оговорками. В другом месте, где ему приходится говорить об этом чертеже 1667 г. (в легенде к чертежу), Ремезов уже не отмечает, что чертеж обязан «самотрудию и изографству» стольника П. И. Годунова, а упоминает лишь кратко об его «тщании»: «в 176-м году... сбиран сей чертеж на лист в Тобольску тщанием стольника и воеводы П. И. Годунова с товарищи», т. е. хочет сказать, что Годунов «с товарищи» принял меры к со-

¹ Вероятно, следует «изографством».

² В рукописи: «бребывает».

ставлению сводного чертежа, умалчивая, таким образом, об его личном участии в деле составления чертежа. Осторожнее, повидимому, не настаивать на авторстве П. И. Годунова, о котором, впрочем, известно, как об одном из крупных деятелей XVII в., оставившем большой след в истории Сибири и, видимо, проявлявшем большой интерес к вопросам, не имеющим прямого отношения к его административным обязанностям.

Уже Г. Ф. Миллер в 1750 г. отметил, что с именем П. И. Годунова связана особая «Ведомость о Китайском государстве», позднее, по копии Миллера, напечатанная в 1791 г. в VII ч. Прод. ДРВ (стр. 198—224). В конце этого замечательного для своего времени описания Китая, составленного в 1668—1669 г., в списке Миллера сказано, что оно написано стольником П. И. Годуновым: «...и написал стольник Петр Иванович Годунов... И во 178-м году и пошел было он того места [о нем выше — оно находилось в вершинах Яика и Газны (Гатны) рек, где будто бы «скирцы» и «чудь» плавили золотую и серебряную руду] доходить, да судьбы божии постигли — смертью пресеклося». В начале же описания отмечено лишь, что «в 177-м году в Сибири, в Тобольске, изысканьем стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи о Китайском государстве ведомость подлинная взята». Эта «Ведомость» была известна С. У. Ремезову, о чем свидетельствует список с нее, который Ремезов собственноручно списал в свою «Служебную чертежную книгу».¹ Но в его списке начало «Ведомости» несколько отличается от печатного и читается так: «во 177-м прислано письмо к Москве в Сибирской приказ от стольника Петра Годунова подлинная ведомость о Китайской земле и о глубокой Индии», а конец печатного текста совсем отсутствует; он, вероятно, был приписан позже на месте, в Тобольске, и отсутствовал в том оригинале, с которого списывал Ремезов и писец Столяровского хронографа (в нем также нет последних слов печатного

¹ Гос. Публ. библ., Эрмит. собр., № 237, лл. 111—114 об. Ремезов дает лучший список по сравнению с печатным текстом. Другие списки имеются в рукописи 16.4.5 (лл. 550 об.—560) отд. рукоп. книги Библ. Акад. наук и в так называемом Столяровском хронографе Гос. Публ. библ., Ф. IV, № 595, лл. 716 об.—728 об.; по последнему списку «Ведомость» издана вновь в «Пам. древн. письмен.», 1899, СХХХІІІ, стр. 19—35. «Ведомость» вошла не только в Столяровский хронограф, но и в другие общерусские летописные своды конца XVII в. (Гос. Публ. библ., Эрмит. собр., № 401, лл. 210 об.—211 об., и № 522, ч. II, лл. 119—120 об.; здесь в сокращенной редакции).

текста). Ремезов не преминул бы отметить авторство Годунова, если бы к тому имел данные. Таким образом, и «Ведомость» составлена не лично Годуновым, а всего лишь его «снисканием», как первого тобольского воеводы, выполнявшего государев указ.

К чертежу 1667 г. приложено описание,¹ из заглавия которого можно заключить, что чертеж «збиран» в Тобольске 15 ноября 1667 г. по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича на основании свидетельств всяких чинов людей, которые бывали в сибирских городах и острогах и знают пути от города до города, в верстах и днях хода; на чертеже отмечены те пункты, где «по высмотру» Годунова должны быть в Тобольском уезде построены «крепости», с указанием количества драгун в них² и расстояния от них до Китая, причем для ответа на последние пункты были собраны «свидетельства иноземцов и приезжих бухарцов и служилых татар».

Таким образом упомянутая выше «Ведомость о Китайском

¹ Напечатано у А. А. Титова, Сибирь в XVII в., стр. 25—38, по списку Румянцевского собрания в сборнике № ССХСIV, лл. 19—24. Как видно из сличения этого списка с другим, найденным Н. Н. Оглоблиным в делах Сибирского приказа (ст. 867), Румянцевский список не полон: вместо 22 в нем только 20 статей, причем 19-я имеет пропуски в середине и в конце и слита с отрывками 20-й и 21-й статей, а ст. 20 Румянцевского списка является ст. 22 списка Сибирского приказа. Начало последнего списка читается иначе: «Роспись против чертежу 176 г. сибирских земель городом и острогом и слободам, и где меж Тобольского и Верхотурского уездов построить какие крепости, и реки и озера, и сколько где у крепостей, по высмотру стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи, посадить драгун, и к Китайскому государству ход, и китайские города и рубеж, и азбука, по чему знать города и остроги и слободы... за свидетельством всяких чинов людей...». В дальнейшем, по словам Н. Н. Оглоблина, список Сибирского приказа дает варианты в собственных именах, цифрах и пр., а в конце имеет следующую пометку: «а чертеж, каков прислан с сею росписью, к великому государю взнес в Верх (т. е. в комнаты государя) окольной Родион Матвеевич Стрешнев» (Н. Н. Оглоблин, Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова, СПб., 1891, стр. 4, 6—8, 11—12). Значит, «Роспись» в столбце 867 Сибирского приказа является подлинником чертежного описания 176-го года и, ввиду неполноты и не исправности печатного текста, подлежала бы изданию. Кроме отмеченных подлинника и списка описания чертежа 1667 г., имеется еще один список того же описания без начала (см. у Титова, стр. 25—26) в Гос. Публ. библ., Эрмит. собр., № 376, лл. 5 об. — 21 об. (это копия 1791 г. из сборника б. Моск. дух. акад., № 181, где также должен быть текст описания 1667 г.).

² ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 367, лл. 778—784 (дело 175 г. — О замене рейтарского и солдатского строя драгунами).

государстве» составлялась одновременно с «чертежом». В дополнение к сказанному выше, следует заметить, что в некоторых своих частях «Ведомость» является интересным источником для первоначальной истории Сибири (по представлениям XVII в.), а там, где в ней идет речь о калмыках, должна считаться источником, мимо которого не пройдет историк и этнограф этого народа.

Известия «Ведомости» о народах южной Сибири и о самом Китае имеют оригинальный характер и не стоят в связи с источником, которым едва ли располагали в Тобольске, когда со слов иноземцев, приезжих бухарцев и служилых татар составляли эту «Ведомость». Имею в виду статейный список посольства в Китай Федора Байкова 1654—1658 гг., представленный им в Посольский приказ.¹ В нем, помимо сведений географических о пути Байкова до границ Китая, имеем известия о самом Китае, которые в общем менее подробны и точны, чем сведения, сообщенные в «Ведомости», но в некоторых случаях (например, при описании внешнего вида китайцев и их одежд) служат ценным дополнением к «Ведомости».²

В отличие от первого общего сибирского чертежа, чертеж 1667 г. был составлен в Тобольске без всяких сношений с местами, а приложенное к нему чертежное описание было основано также на показаниях тобольских служилых людей, приезжих бухарцев и служилых татар, оказавшихся в то время в Тобольске. В связи с увеличившимся в последние 40 лет количеством слобод, острогов и пр. чертежное описание дает несравненно большее количество географических наименований, чем это было в росписи 1629 г., приложенной к общесибирскому чертежу этого года. В отличие от той же росписи, в росписи 1667 г. находим сведения не только об уездах Тобольского разряда, но и об уездах Томского разряда, который включал в 1667 г. также всю известную тогда Восточную Сибирь до Байкала, Шилки и Нерчи — «до Нерчинского острогу», где «ныне живет с служилыми людьми тобольской сын боярской Ларион Толбузин», далее до слия-

¹ ДРВ., изд. 2-е, ч. IV, стр. 120—142.

² Со времени Г. Ф. Миллера, давшего неправильную оценку статейного списка Байкова (*Sammlung Russischer Geschichte*, 1759, IV, S. 473 и след.), последний привлекал к себе слабое внимание историков, предпочитавших пользоваться другим описанием Китая середины XVII в., которое было составлено находившимися в Китае, одновременно с Байковым, «Голландской земли послами» (ДРВ, изд. 2-е, ч. II, стр. 139).

ния рр. Шилки и Аргуни, откуда «пошла река зовом Амур», о которой даются здесь подробные сведения. В росписи 1667 г. находим первую сводку сведений об Якутии и о реках к востоку от Лены до Колымы включительно. Равным образом впервые дано описание рек уездов Березовского, Сургутского и Мангазейского и пути по р. Оби, морю и р. Тазу. После описания пути вверх по р. Иртышу до Ямышевского озера, роспись переходит к Китайскому государству и к городам и государствам «за Китайским царством» (Тангутской и Индейской землям).

На основании изложенного ясно, что описание чертежа 1667 г. дает весьма подробный перечень городов, слобод и рек всей тогдашней Сибири, с указанием поверстного расстояния между слободами, описывает пути по рекам не только внутренним, но и внешним, которые вели в Китай и другие соседние государства.

На чертеже, к которому это описание было приложено, не находим и малой части всех приведенных географических сведений. На нем, как и на некоторых других русских чертежах XVII в., север изображен внизу чертежа, юг — наверху, восток — налево и запад — направо. Никакой градусной сетки нет. Внимание составителя чертежа направлено на реки, которые вычерчены весьма тщательно. Кроме рек и озер, на западе отмечены Уральские горы, кой-где волок, а также города и остроги; в разных местах чертежа стоят немногочисленные названия народов Сибири; на восточном берегу Сибири находятся устья рр. Лены, Камчатки и Амура. В левой части чертежа внизу в четырехугольнике (в форме ромба) помещена приведенная выше легенда к чертежу. В общем, географических названий на чертеже очень мало.

Являясь всего лишь эскизом к подробному чертежному описанию, чертеж 1667 г. интересен лишь как первый русский чертеж всей Сибири, сохранившийся до наших дней и являющийся самым ранним образцом местного сибирского творчества в области картографии. Его приходится рассматривать, как слабую иллюстрацию к тому богатому географическому материалу, который был собран в те же 1667—1668 гг. и обработан в виде упомянутых выше «чертежного описания» и «Ведомости о Китайском государстве».

Усиленный интерес к Китаю, проявленный в эти годы в Москве и нашедший отражение в обоих памятниках, составленных в Тобольске, конечно, не был случайным: именно, в эти годы наши дела в Даурии, прежде всего деятельность

там в 1656—1661 гг. Афанасия Пашкова с сыном и сменившего их тобольского сына боярского Лариона Толбузина, приведшими вскоре к сношениям с китайцами, вызывали тот интерес к Китаю, который нашел отражение в обоих разбираемых памятниках, написанных в Тобольске «по указу великого государя» и полученных тогда же в Сибирском приказе, который не преминул на одном из них сделать любопытные примечания.¹

Если чертеж 1667 г. не может быть признан отвечающим своему назначению с нашей точки зрения, то, видимо, и Сибирский приказ конца 60-х годов XVII в. не признавал его таковым, что и повело очень скоро, уже через 5 лет, в 1718 г., к составлению нового чертежа всей Сибири, более отвечавшего требованиям приказа.

Как и в первые два раза, наряду с чертежом, было составлено в 1718 г. чертежное описание, которое и сохраняло значение географического описания Сибири в приказной практике того времени до самого конца XVII в., до составления общего чертежа Сибири в 1698 г. С. У. Ремезовым.

Текст чертежного описания 1718 г. был напечатан еще в XVIII в.,² а затем переиздан дважды в XIX в., в последний раз в известном сборнике «Сибирь в XVII в.» (стр. 41—54), оба раза по списку, принадлежавшему Г. И. Спасскому. Где находится этот список в настоящее время — неизвестно, но сохранились другие списки того же памятника,³ которые вполне могут заменить утерянный список Г. И. Спасского.

¹ В тексте «Ведомости о Китайском государстве», как в списке Миллера (изд. в «Прод. ДРВ»), так и в списке Ремезова, а также в списке Столяровского хронографа имеются вставки, не принадлежащие первоначальному тексту (печ. изд., стр. 205): «а железо варят они на камени добро», у Ремезова — «... на камени добром»; далее слова: — «да по ведомости из Тобольского разряду в Березовском уезде по Обереке такое железо есть; да в Тобольском же уезде в Мурзинской слободе сыскан камень дебелекум, и из Китая привозят в Тоболеск такие каменья, и цену им дорожат, дороже изумруда и лала, а немецким языком аметис» (последних четырех слов нет в списке Ремезова), — считаю вставкой (вероятно, на полях), сделанной в Сибирском приказе. То же дальше, на стр. 211: «а по ведомости ис Тобольского разряду на Ижме реке, куды ходят к Руси через Камень, его (горящего камня) много и на Урале» (текст в списках неисправный; ясно, что переписчики не разбирали вставки, написанной, вероятно, очень плохим почерком). Упоминаемая здесь «Ведомость Тобольского разряда» — какой-то список месторождений полезных ископаемых в Сибири, который пока неизвестен по делам Сибирского приказа.

² «Российский Магазин», 1791—1792 г., т. I, стр. 403—420.

³ Гос. Публ. библ., Ф. IV, № 76; там же, собр. б. СПб. дух. акад. № 313.

Сведений о том, чем было вызвано составление чертежа и чертежного описания 181-го года, пока не отыскано. В заглавии, которое дано чертежному описанию,¹ тоже не указывается, где и при каких обстоятельствах составлен этот ценный географический источник. Из того, что Ремезов, работая в Тобольске, не знал о существовании этого чертежа и чертежного описания, можно заключить, что он сделан не в Сибири, а, вероятно, в Москве, и до Тобольска не дошел. О нем не знали на месте — в Тобольске и в 1686—1690 гг., когда, по распоряжению тобольского воеводы боярина А. П. Голovina, был составлен в Тобольске интересный сборник исторических и географических известий о Сибири до 1690 г.² В нем для статьи о расстояниях между сибирскими городами, острогами и т. п. использовали не чертежное описание 181-го года, а более раннее, именно 175-го года, конечно, по той причине, что первого (181-го года) в Тобольске не было.

Неизвестный автор чертежа и чертежного описания 181-го года положил в основу своей работы чертеж и чертежное описание 1667 г., в которые он внес дополнения и изменения. Весь текст описания он разделил не на статьи, а на «грани», которых у него оказалось восемь.

По сравнению с описанием 1667 г., в описании 181-го года больше систематичности: так, например, оторванно стоящее в ст. 3 описание слобод по Туре в описании 181-го года отнесено на свое место — в грань 1; описание пути из Тобольска на Ямыш, сделанное в ст. 19, в описании 181-го года следует после описания степных дорог; находящиеся в разных статьях «Росписи» 176-го года (ст. 9, 13, 14 и 16) известия об Амуре в описании 181-го года соединены в одной «грани» (пятой); если автор описания 176-го года отводил большое место в своей работе Китаю (статьи 20—22), то в описании 181-го года о нем также говорится в четырех «гранях» (конец 2-й, начало 3-й, в конце 4-й и в 5-й), но в связи, главным образом, с вопросом о путях, которые вели в Китай.

Опуская ненужные в 181-м году подробности (например,

¹ «Лета 7181-го году написан сей чертеж Сибирские земли о городе Тобольске и окрестных городех и острогах и о слободах и о погостех и урочищах, и по скольку езде от города до города, и от которых до которых мест, и то в сем чертеже написано которые земли и царства и грады и урочища и реки и озера».

² Сборник № 181 б. Моск. дух. акад. (ныне, вероятно, в Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина в Москве); копию 1791 г. этого сборника составляет № 376 Эрмит. собр. Гос. Публ. библ.

все известия об острогах, которые надо поставить в Тобольском уезде, и о количестве драгун в них), автор кое-где сокращает свой источник (например, опускает известие о занятиях даурских людей, о монастыре между рр. Леною и Киренгою, о зимовьях на р. Колыме, о путях по рр. Ваху и Елогую и др.), но чаще всего дополняет его новыми известиями (например, о том, что гиланские люди «ездыт на медведях»); в соответствии с происшедшим построением острога в устьях рр. Бии и Катунь сообщает перечень окрестных народов, кочующих около Телесского (Алтына) озера; дает подробное описание пути через Камень по р. Соби и другим рекам; приводит перечень притоков р. Нижней Тунгуски и сообщает впервые сведения о р. Вилуе и особенно о реках к востоку от Колымы «кругом земли», «до каменной преграды», причем в грани 8 дает ранние известия об р. Анадыре и его притоках, а также о Камчатке и о «носе каменном».

Таким образом, чертежное описание 181-го года является дальнейшим шагом в географическом описании Сибири, сообщая много новых и ценных географических известий о ней.

Автор чертежного описания 181-го года располагал источниками, относящимися ко всем частям тогдашней Сибири и в этом отношении, несомненно, опирался не на устные показания, какими располагал автор росписи 176-го года, а на данные официальных источников, какими являлись отписки сибирских воевод и служилых людей, росписи и чертежи новых земель, ясачные и дозорные книги и т. п. материалы, поступавшие в Сибирский приказ, где автор описания 181-го года вероятнее всего и работал.

Чертежное описание 181-го года служило одним из основных руководств в работе Сибирского приказа в последующие годы.

В 1697 г. был составлен в Сибирском приказе свод всех основных материалов о Сибири (так наз. «Окладная книга»),¹ необходимых для практической работы приказа. В этот свод, наряду с повестью о завоевании Сибири, выписками из книг о Китае и другими источниками, вошел и «Список чертежа Сибирской земли» 181-го года.

Чертежное описание 181-го года являлось приложением к общему чертежу всей Сибири, составленному в том же году; этот чертеж долго считался утерянным.

¹ Она сохранилась в списках: 1) Гос. Публ. библ., ф. IV, № 76, список XVIII в. на 254 лл. с 2) Гос. истор. муз. в Москве, собр. Щукина, по описи Яцимирского, № 169 на 195 лл.

В 1908 г. И. И. Лаппо, в отзыве на первый выпуск второй серии «Материалов по истории русской картографии»,¹ изданных В. А. Кордтом и посвященных, между прочим, и картам Сибири, обратил внимание на хранившуюся в Военно-ученом архиве Главного штаба карту Сибири XVII в., которую И. И. Лаппо довольно подробно описал в том же отзыве, признав в этой раскрашенной карте, того же типа, что и упомянутый выше чертеж 176-го года, — копию XVIII в. с неизвестного чертежа Сибири XVII в. И. И. Лаппо затруднился признать в этой копии чертеж 181-го года, главным образом потому, что на карте не нанесены некоторые (вернее многие) названия, упоминаемые в чертежном описании того же 181-го года. Однако, если основываться на этом, то придется отрицать, что так называемый Годуновский чертеж является чертежом 176-го года, так как на нем отсутствует большинство названий, имеющих в чертежном описании 176-го года. Только на этом основании отрицать связь неизвестной карты Сибири, найденной И. И. Лаппо, с чертежным описанием 181-го года, конечно, нельзя. Все же другие соображения И. И. Лаппо, которые он приводит против отождествления найденного им чертежа с чертежом 181-го года, должны быть признаны не особенно серьезными и убедительными. Вероятно, ввиду этих обстоятельств, в работах Л. С. Багрова, появившихся позднее, без всякого упоминания об И. И. Лаппо, утверждается уже, что карта Военно-ученого арх., хранившаяся в VII отделе под № 342, и есть тот чертеж 181-го года, который долго не удавалось найти. Мысль эта не встретила возражений и у других исследователей Сибири.² Следует заметить, однако, что чертеж б. Военно-ученого архива, относимый к 181-му году, уже в те годы, когда на него обратили внимание исследователи, не был единственным, который с известным основанием можно было считать чертежом 181-го года.

В 1898 г. был опубликован альбом Пальмквиста,³ шведского военного агента, бывшего в составе шведского посольства 1673 г. в Москве. Кроме разных материалов о России, Пальмквисту удалось получить 16 географических карт и планов городов, а среди последних — 2 карты Сибири, из них

¹ Юрьев, 1908, оттиск из «Учен. зап. Юрьев. унив.».

² Ср. в книге Л. С. Берга, Открытие Камчатки, стр. 41.

³ Его шведское название: *Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Czaren i Muscou glorde, Observationer öfver Russland*, Stockholm, 1898.

одна 1667 г., а другая — тоже общая карта Сибири — без указания года, но, конечно, не позднее 1673—1674 г.

В посвящении Пальмквист рассказывает, что он «не без трудностей и усилий» собрал свои материалы; «я сам, — говорит он, — в разных местах тайно наблюдал и рисовал, рискуя собою, а также получил за деньги некоторые сведения от русских подданных».

Ю. В. Готье, давший научную оценку сочинения Пальмквиста, правильно указывает, что только подкупами «можно объяснить появление в рукописи снимков и карт, которые, по собственным словам Пальмквиста, были изготовлены по повелению царя. Зная, что иностранца, да еще члена посольства, ни в коем случае не могли допустить к копированию государственных чертежей, остается предположить, что какой-нибудь подьячий осмелился рискнуть головой, чтобы заработать деньги от шведского военного агента».¹

Л. С. Багров, которому были известны оба чертежа — б. Военно-ученого архива и чертеж, напечатанный в альбоме Пальмквиста, не приводя никаких доказательств, утверждает, однако, что оба они являются копиями чертежа 181-го года; из легенды же к воспроизведению чертежа б. Военно-ученого арх.,² напечатанной в работе Л. С. Багорова о географической карте, можно заключить, что обе «копии» вполне сходны между собою. Изучение их действительно подтверждает заключения Л. С. Багорова.

Остановлюсь прежде всего на копии б. Военно-ученого архива.

Не касаясь ошибок в названиях, происшедших по вине малограмотного или невнимательного копииста XVIII в., этот чертеж того же типа, как и чертеж 176-го года. Сетки и разлиновки на нем нет. Названия городов, рек и пр. написаны крупными русскими буквами, а над ними или под ними — латинскими, обыкновенно помельче. Север обозначен внизу, юг — наверху, запад — справа и восток — слева, т. е. расположение стран света на чертеже такое же, как и на чертеже

¹ Ю. В. Готье, Известия Пальмквиста о России, «Археол. изв. и зам.», 1899, № 3—5, стр. 65—98; цитата взята со стр. 81.

² Чертеж б. Военно-ученого арх. был впервые напечатан в работе Л. С. Багорова, Карты Азиатской России, П., 1914, затем в предисловии к Атласу Азиатской России, стр. 2, и, наконец, в «Истории географической карты» Л. С. Багорова, «Вести. археол. и ист.», вып. XXIII, стр. 41, откуда перепечатан Л. С. Бергом в «Открытии Камчатки», Л., 1935, стр. 47.

176-го года. Справа наверху написано: «Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никанского». Слева (восток), на зеленой краске, обозначающей море, стоит: «Море Ледовитое и летом лед по нем ходит». Названий городов на чертеже довольно много; несмотря на ошибки копииста, почти все названия их легко переводятся на известные по описанию 181-го года. Наверху чертежа обозначены «царство Никанское», «царство Китайское» и «города Бухарские». На чертеже имеются и позднейшие (XIX в) надписи, интересные, между прочим, в том отношении, что еще до И. И. Лаппо делались попытки приурочить карту к известным годам XVII в. (1650 г.) и к определенному лицу (Ремезову), но эти попытки приходится признать неубедительными.

Сличение чертежа б. Военно-ученого архива с тем, который воспроизведен на л. 31 в альбоме Пальмквиста и имеет надписи на немецком языке, не оставляет сомнений, что копиисты, снимавшие эти чертежи, имели дело с одним и тем же оригиналом: очертания берегов, рек, озер и пр. сходны на обоих чертежах, а отдельные замечания на русской копии повторены и на немецкой (например, на русской копии имеется сбоку от Иртыша надпись: «река Кишким,¹ пали в нее 33 реки», чему в немецкой копии соответствует: «von oben bis unten fallen 33 Revieren», и др.). Различие между чертежами заключается в том, что русская копия, при всех ее недочетах, уже отмеченных И. И. Лаппо, все же сделана более тщательно; на ней больше географических названий, которые на немецкой копии, принимая во внимание условия, вероятно, спешной работы по снятию ее, опущены.

Таким образом, мы располагаем двумя сходными копиями, снятыми с недошедшего до нас оригинала чертежа 181-го года. Последней даты нет ни на одной из копий, но перед нами несомненно чертеж 181-го года, что видно из следующего: Пальмквисту известен более ранний чертеж Сибири, именно 176-го года, и копию его он приводит в своем альбоме, но после того и ранее приезда Пальмквиста в Москву, в 1674 г. был составлен только один общий чертеж Сибири, именно чертеж 181-го года. Пальмквист помещает его в своем аль-

¹ Как эта ошибка (вместо Иртыш — копиист прочел «Кишким»), так и другие (вместо Маковский — «острок Московской», вместо Собачья — «Собачка» и т. д.) — показывают, что копиист плохо разбирался в географических терминах, механически воспроизводя непонятные ему названия; вероятно, он не был русским, а был кем-либо из «немцев», живших в Москве.

боме ранее чертежа 175-го года и сопровождает его на л. 32 пояснениями, недавно переведенными на русский язык.¹ Это описание обычного пути из Москвы в Сибирь, до Киргизской земли на р. Верхнем Енисее, с указанием расстояний между отдельными городами, лежащими на пути, и перечнем народов, живущих там.

Кроме этих двух общих чертежей Сибири, необходимо отметить теперь еще один, найденный мною в «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова, который он обозначил как чертеж А. А. Виниуса.² А. А. Виниус, сначала переводчик Посольского приказа, где он занимался, между прочим, географическими вопросами,³ а позднее — дьяк Сибирского приказа (1695—1703), друг известного голландского бургомистра, географа, этнографа и историка Сибири Н. Витзена, которому он сообщил много известий о ней. О карте Сибири Виниуса имелись глухие указания в литературе, но самая карта до сих пор не была известна. В процессе первоначального изучения ее я прихожу к заключению, что она составлена не позднее 1689 г.,⁴ а *terminus post quem* пока для меня неясен; впрочем, по указанию на ней «града Турухана или Новой Мангазеи» — она могла появиться лишь после 1672 г. В отличие от чертежей, о которых шла речь выше, по образцу западно-европейских карт Сибири того времени, карта Виниуса имеет градусную сетку и выполнена по всем правилам картографической техники того времени. Помимо многочисленных географических названий, на карте Виниуса любопытно отметить такие указания, как: «жилья пустые Золотой Орды» при впадении Волги в Хвалынское море, на восточном берегу которого — «бывшие калмыцкие кочевья», и далее к востоку — «земля Казахской орды, в сей орде живут с 8 тысяч человек», «земля

¹ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях зап.-европ. путешеств. и писат., Иркутск, 1936 г., т. I, ч. 2, стр. 46—47.

² Гос. Публ. библ., Эрмит. собр., № 237, лл. 32—33.

³ «Описание расстоянию столиц нарочитых градов славных государств и земель, також и знатных островов и проливов, водным и сухим путем, по размеру книги, именуемые водной, и иных принадлежащих, к тому описание Росейского государства от первого престольного его царского величества града Москвы, сколько до которого города и проливы верст, по алфавиту, яко подлежащей тетради лист ниже сего предъявляет. Росписано переводчиком Андреем Андреевым сыном Виниусовым» (Н. Барсуков, Рукописи Археографической комиссии, СПб., 1882, стр. 7, № 20, лл. 247—256).

⁴ На ней отмечен Албазин, окончательно разрушенный русскими в этом году.

Тангутска, в сей орде всего 32 города», к северу от них (на карте ниже, к югу) — «кочевья мугальские», «кочевья калмыцкие степи», к востоку от р. Волги — «кочуют калмыки», по рр. Аргуни и Шилке — «земля Даурская», по р. Иртышу — «жилья татарские»; кроме того, на карте отмечены «киргизы», «жилья остяцкие», «самоядь», «тунгусы оленные», «тунгусы конные», «земля Якутская» и др.¹

Как по технике своей, так особенно по своему содержанию карта Виниуса стоит неизмеримо выше других современных русских чертежей Сибири, и, надо полагать, именно через нее западноевропейская картография второй половины XVII в. обогатилась многими географическими сведениями о Сибири. При тесных связях Виниуса с Витзенем (трудно думать, что последнему была неизвестна эта карта Виниуса, хотя в предисловии к своему труду о Северной и Восточной Тартарии, вышедшему впервые в 1692 г., он уверяет, что пользовался лишь чертежом 1667 г.; впрочем, о своих отношениях к Виниусу Витзен вообще молчит, но сравнение его карты Сибири, вышедшей, как я думаю, позднее той даты, которая на ней была проставлена (1687), не оставляет сомнений, что Витзен использовал для своей карты Сибири не только чертеж 1667 г., но и какие-то другие чертежи Сибири или картографические источники о ней. Вопрос о карте Витзена будет рассмотрен в связи с русскими чертежами последней четверти XVII в.

3. В ряду источников, особо ценных для географии Сибири XVII в., следует поставить также дозорные книги, называвшиеся изредка писцовыми. Дозорные книги главным своим предметом имеют описания земель. Подобные описания производились в первой половине XVII в. несколько раз, но самым ранним, видимо, следует считать описание 131—133-го годов, которое происходило во всех пашенных уездах Западной Сибири при тобольском воеводе Юрии Яншеевиче Сулешове. Нам известны дозорные книги уездов Верхотурского 132-го года,² Пелымского 133-го года,³ Тар-

¹ В так называемой «Книге Виниуса» отдела рукоп. книги Библ. Акад. наук СССР, описанной М. В. Доброклонским («Изв. Акад. наук», 1929 г., № 3, стр. 215—230), среди гравюр, которые принадлежали А. А. Виниусу и собраны в «Книге» (альбоме), отмечены описателем какие-то «географические карты». Карт Сибири в «Книге» не оказалось; в ней имеется, впрочем, любопытный рисунок XVII в., на котором изображен мамонт с соответствующей русской надписью над ним.

² ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 5, лл. 181—269.

³ Там же, лл. 270—313.

ского 132-го года,¹ Туринского 132-го года,² Тюменского 132-го года³ и Тобольского 131-го года.⁴

Большую территорию Сибири охватило писцовое описание 188-го и следующих годов. Присланный из Москвы писец-стольник⁵ Лев Миронович Поскочин⁶ должен был описать упомянутые выше уезды Тобольского разряда, а в уезды Томского и Енисейского разрядов был отправлен тогда же дворянин Артемий Герасимов сын Дурной. Первый из них, по видимому, описал все уезды Тобольского разряда. Но из составленных им писцовых книг сохранились только две книги: Верхотурского уезда 188-го года и Тюменского уезда 193-го года,⁷ прочие же надо считать утерянными. Из писцовых книг Артемия Дурного дошли до нашего времени енисейские дозорные книги 193—195-го годов,⁸ и иркутские 194-го года.⁹ Прочие же, как, например, Красноярского уезда, не сохранились. Но они были, как это видно из грамоты от 30 мая 1699 г.¹⁰ Наконец, в конце XVII в. было предпринято еще одно писцовое описание пашенных уездов Сибири. В уездах Тобольского разряда описание производил «московский» дворянин Иван Родионович Качанов; он работал с 1698 по 1705 г.; в составленных им книгах подробно описываются уездные земли и даются обстоятельные перечни людей. Из книг этого описания сохранились книги Тобольского уезда 1698 г.,¹¹ Тюменского уезда 1698 г.¹² и 1700 г.,¹³ Тарского уезда 1701 г.¹⁴ и Туринского уезда 1707 г.¹⁵

¹ ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 5, 314—399.

² Там же, лл. 541—647.

³ Там же, лл. 451—539.

⁴ Там же, кн. 3, лл. 76—128, 130—159, 160—181; кн. 5, лл. 140—153, 153 об. — 179; кн. 1207, лл. 64—119, 123—133.

⁵ В летописных сводах он назван стряпчим, но «стольником» Поскочин называет себя в книге Тюменского уезда 193-го года, ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 968, л. 1.

⁶ ДРВ, III, изд. 2-е, стр. 238.

⁷ ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 697, лл. 1—929; кн. 968, лл. 1—329. Копия тюменской книги имеется в Институте истории Академии наук, собр. Словцова, по описи № 75, на 282 лл.

⁸ ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 942.

⁹ Там же, кн. 941, лл. 80—242.

¹⁰ ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 1504, лл. 1—3. Упоминается описание Марка Вындомского.

¹¹ ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 1161, лл. 1—271.

¹² Там же, кн. 1173, лл. 1—218.

¹³ ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 1276, лл. 1—730; копия этой книги в Инст. ист. Акад. наук, собр. Словцова, по описи № 114.

¹⁴ Там же, кн. 1182, лл. 1—425.

¹⁵ Там же, кн. 1183, лл. 1—404.

В те же годы происходили подобные описания в уездах Томского и Енисейского разрядов, но из них сохранились также только некоторые описания, а именно: Илимского уезда 207—208-го годов,¹ Красноярского уезда 1700 г.² и Томского уезда 1703 г.³

Кроме отмеченных выше описаний 20-х, 80-х, 90-х годов XVII века и начала XVIII века по отдельным уездам сохранились также описания, относящиеся к другим годам XVII в. Так, по Енисейскому уезду известны книги 181-го, 183-го и 188-го годов,⁴ по Илимскому уезду 180-го и 184-го⁵ годов и др, которые, в связи с книгами общесибирских описаний, дают не менее ценные географические сведения по этим уездам. К сожалению, ни одной дозорной книги сибирских уездов до сих пор не опубликовано, а существующие издания относятся только к городам, не касаясь описания уездов.⁶

Относясь к пашенным уездам, дозорные книги отсутствуют для уездов непашенных, какими являлись уезды так называемого крайнего севера Сибири. В отношении их источником географических сведений являются, прежде всего, я с а ч н ы е к н и г и.

Ранние ясачные книги, до 134-го года, когда погиб во время пожара архив Казанского дворца, в основной своей массе до нас не дошли; впрочем, во время пребывания в Туруханске летом 1739 г. Г. Ф. Миллер нашел в тамошнем архиве мангазейские ясачные книги ранее 134-го года и из них поручил одному из сопровождавших его студентов сделать «экстракт», в который вошли выписки из мангазейских ясачных книг, начиная с 1607 г.,⁷ а во время работы Миллера

¹ ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 1227, лл. 1—178.

² Там же, кн. 1504, лл. 4—150.

³ Там же, кн. 1371, лл. 11—590.

⁴ Там же, кн. 580, лл. 1—363; кн. 618, лл. 360 и след.; кн. 619, лл. 439 и след.

⁵ Там же, кн. 580, лл. 364—469; кн. 633, лл. 191 и след.

⁶ В 80-х годах XIX в. издавались Н. А. Найденовым—Материалы по истории городов XVII—XVIII вв.; в этой серии изданы писцовые и переписные книги XVII—XVIII вв. по Иркутску, Тобольску, Якутску, Нерчинску и Селенгинску. Имеются аналогичные издания по Тюмени (Тюмень в XVII столетии, М., 1903; здесь извлечения из дозорных 1624 и 1700 гг.) и по Томску (Томск в XVII веке, Материалы для истории города, со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в., без года и места издания; здесь, между прочим, извлечения из писцового описания 1626 г.).

⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 13—25 об.

в Енисейске были сняты копии с древнейших ясачных книг этого уезда за 1619—1623 гг.¹ Кроме этих выдержек и копий с енисейских ясачных книг, других ясачных книг ранее 134-го года мы не имеем.

По уездам Березовскому, Мангазейскому, Сургутскому, Нарымскому, Кетскому, Енисейскому, Якутскому и др. в архиве Сибирского приказа сохранилось довольно большое количество ясачных книг за 133-й год—1700 г.,² которые дают имена всех ясачных людей уезда, количество ясака, взятого с каждого ясачного, количество поминков, поднесенных государю и воеводам, оценку всей собранной мягкой рухляди и пр., но в них же находим и чисто географические сведения. Так, в ясачной книге Мангазейского уезда 137-го года³ запись собранного ясака ведется по «зимовьям», а в них по «родам» мангазейской «самояди» («роды» Хантайского зимовья, «самояди», живущей «в Леденкине шару», Туруханского зимовья, зимовий Верхотазского, Кудасейского, Инбачского и др.). Ясачная книга Кетского уезда того же 137-го года⁴ дает, кроме того, сведения о движении населения: сколько было ясачных в 136-м году, сколько бежало, умерло, крестилось и т. п. и сколько состоит к 137-му году.

Ясачные книги пашенных уездов, например, Верхотурского и Пелымского, служат ценным дополнением к сохранившимся дозорным книгам этих уездов, сообщая сведения об «юртах» ясачных вогул и остяков и о местоположении этих «юртов», или же, подобно тарской «Дозорной ясачной книге» 132-го года,⁵ перечисляют ясачных не только по ясачным «волостям», но и по «деревням»; аналогичные сведения дают также тюменские ясачные книги разных годов XVII в.⁶

4. Отмеченные выше группы материалов являются наиболее ценными источниками по географии Сибири XVII в. Нельзя не остановиться, однако, и на тех материалах, которые нередко в значительной мере дополняют их.

Если данные летописных повестей и других повествовательных источников дают лишь скудные географические све-

¹ ААН, ф. 21, оп. 4, № 27.

² Перечень их см. у Оглоблина, Обзорение, I, стр. 320—333.

³ ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 19, лл. 1—52.

⁴ Там же, кн. 19, лл. 486—497.

⁵ Там же, кн. 11, лл. 231—283.

⁶ Кроме фонда Сибирского приказа в ГАФКЭ, несколько тюменских ясачных книг имеется в Институте истории Академии наук, собр. Словцова, по описи книг: 5, 6, 11, 12, 13, 16, 23 (1632—1665 гг.) и др.

дения о Сибири XVII в., то немного больше географических данных о ней находим и в географиях XVII в., так называемых космографиях и т. п. источниках, сведения которых носят обычно лишь общий характер, не давая конкретных географических подробностей.

От этих сочинений выгодно отличаются некоторые описания Сибири, составленные русскими авторами, по той или иной причине жившими в Сибири или проезжавшими через нее. Здесь прежде всего следует назвать «Описание новые земли Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство, и какое той земле положение», составленное, как я полагаю, в 1686 г. подьячим Посольского приказа Никифором Венюковым,¹ дважды проезжавшим через Сибирь по пути в Китай и обратно.

На основе рассказа о завоевании Сибири Ермаком, которому из «боязни» перед ним и его товарищами помог «мужик» Строганов, в «Описании» приводится прежде всего довольно

¹ Список «Описания новые земли Сибирского государства», кроме известных четырех: из собр. Толстого (отд. I, № 236 и отд. II, № 281), собр. Румянцева (№ 294) и б. собр. Общ. люб. древн. письмен., ныне в Гос. Публ. библ., по описанию Лопарева, № Q. LXIV, лл. 2—36; имеется также в Берлинской гос. (б. корол.) библ. Этот список позволяет датировать наш памятник. В той части его, где рассказывается о приезде в Китай иезуитов, в печатном тексте (Сибирские летописи, стр. 393) читаем: «и с тех пор, как иезуиты в Китайское государство приехали, по нынешнее время», — в Берлинском списке вместо подчеркнутого стоит: «по нынешней 194-й год», — на основании чего «Описание» может быть отнесено к 1685—1686 г. (А. И. Яценковский, Описание южнославянских и русских рукописей зарубежных библиотек, П., 1921, I, стр. 481). Автор «Описания», составленного в 194-м году, был лично в Китае (ср. в конце «Описания»: «...вся же сия... списавшего очеса видеша и за государским делом у них идолопоклонников бывшего тогда», т. е. в 194-м году). Надо полагать, что он входил в состав известного посольства 194-го года окольного Федора Алексеевича Головина; с последним ехали «стольник Алексей Сидоров сын Синявин да 5 человек дворян московских жильцов да двое подьячих: один Государственного Посольского приказу, другой — Большой Казны» («Сибирский летописец», стр. 34). Имена последних двух: Никифор Данилов Венюков и Иван Авксентьев Поваров, которые, проезжая через Тобольск, «сказывали, что де и лист у них к царю есть» (ДРВ, изд. 2-е, III, стр. 255). Никифор Венюков уже во второй раз ехал в Китай (первый раз в 1675 г. в составе посольства Спафария) и, как человек наиболее грамотный и образованный в составе посольства, которому несомненно были известны работы его прежнего начальника по посольству в Китай — Спафария, давшего, как будет отмечено, не только описание пути, но и описание Китая, — мог по этому образцу с своей стороны составить описание Сибири и Китая.

подробный перечень рек уездов Тобольского разряда, указываются, вместе с тем, города, урочища и деревни, которые встретились на пути Ермака или возникли позже, приводятся данные о протяжении рек, расстоянии отдельных географических пунктов, находящихся в Западной Сибири и т. п. Автор «Описания» сообщает подробные сведения об образе жизни, занятиях и пр. того ясачного населения, которое живет «по обе стороны великой реки Оби и Иртыша и иных всяких рек», «от Самаровского яму вниз великою рекою Обью», и эта часть его «Описания»¹ заслуживает особого внимания не только географа, но также и этнографа Сибири. Автор столь же подробно описывает южную и восточную Сибирь, обращая не меньшее внимание на пограничные земли и народы, и заканчивает свой труд обстоятельным описанием Китайского государства, в частности «диавольских действий и волшебств» духовных лиц китайцев, которые «списавшего очеса видеша и за государским делом у них идолопоклонников бывшего тогда...» (в Петров пост 1686 г.).

Дав географическое описание Сибири по более широкому плану, чем это делали его предшественники, в частности, авторы чертежных описаний 1667 и 1673 гг., Венюков стал известен не столько у нас,² сколько на Западе, где, благодаря тому, что его труд использован уже в первом издании сочинения Витзена (1692 г.), «Описание» получило широкую известность. Иностранцы, жившие в Немецкой слободе в Москве, видимо, также интересовались трудом Венюкова, о чем свидетельствует, например, немецкий перевод «Описания», ныне хранящийся в Берлинской Гос. библиотеке. Он принадлежал Эрнсту Готлибу фон Берге, воспитателю сына известного генерала Патрика Гордона. Этот немецкий перевод был напечатан в 1785 г. Бюшингом в его «Magazin für d. neue Historie u. Geographie», XVIII, SS. 83—110. Судя по списку «Описания», принадлежавшему б. Обществу любителей древней письменности, в котором над малоупотребительными русскими словами вставлен латинский и немецкий перевод их, сделанный, судя по почерку, немцем, кроме перевода Берге, подготовлялся еще другой перевод того же «Описания».³

Если труд Венюкова, дающий географическое описание

¹ Сибирские летописи, стр. 378—379.

² Сохранилось всего четыре списка его.

³ М. Алексеев, Сибирь в известиях зап.-евр. путеш. и писат., т. I, ч. I, стр. XIII—XIV.

всей Сибири, получил известность уже в XVII в., то труды некоторых других авторов, которые ставили себе аналогичные задачи, постигла иная участь. Так, сочинение неизвестного писателя второй половины XVII в. под названием «Подлинное описание Сибирского государства» не было известно даже до недавнего времени, когда мне пришлось случайно встретить его в одной из рукописей б. Археографической комиссии.¹

Неизвестный автор этого любопытного описания второй половины XVII в. сообщает географические сведения о городах и уездах Западной Сибири, занятиях живших там народов и пр.

5. Упомянутое «Подлинное описание Сибирского государства», как уже отмечено, не получило широкой известности в свое время. Но его судьбу разделили также некоторые труды русского посланника в Китай Николая Спафария,² относящиеся к 1677—1678 гг., когда Спафарий вернулся в Москву и представил прежде всего — «Книгу, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского». В «Книге» Спафарий давал прежде всего географическое описание Сибири, особенно подробное и ценное для тех мест, через которые он лично проезжал из Тобольска по рр. Иртышу, Оби, Кети, Енисею и Ангаре до Китайской границы. В частности, приводимые им перечни деревень, которые он видел на берегах этих рек, являются пока единственным источником по географии тех мест. Менее точны и ценны сведения Спафария о тех местах, где он сам не был и о которых он сообщает только на основании письменных (например, чертежного описания 1673 г.) и устных источников. Этот труд Спафария, сохранившийся в единственной рукописи, оставался почти 200 лет погребенным в архиве Посольского приказа и только в 1882 г. был, наконец, напечатан.³

Непосредственным продолжением этого сочинения является статейный список посольства Спафария, названный им «Китай-

¹ Составитель описания рукописей Археогр. ком. Н. П. Барсуков (СПб. 1882, стр. 174) при описании рукописи № 227 не обратил внимания на то, что на лл. 153—163 этой рукописи находится не летописная повесть Саввы Есипова, как он думал, а совсем другое сочинение.

² Биографические сведения о нем у М. П. Алексеева, назв. соч., т. I, ч. 2, стр. 135—137. Биография Спафария — Р. Р. Panaitescu, напечатанная в «Mélanges de l'Ecole roumaine en France», 1925, I partie, pp. 35—181, в библиотеках Ленинграда отсутствует.

³ «Зап. Рус. геогр. общ. по отд. этногр.», т. X, в. I.

ской книгой». ¹ Подобно первому и этот труд Спафария долгие годы оставался вне научного оборота, и только с недавних пор им начинают пользоваться географы и этнографы Сибири.

Несравненно больше известен труд Спафария, носящий название — «Описание первые части вселенной, именуемой Азия; в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями»; ² он сохранился в большом количестве списков XVII—XVIII вв. и имеется почти во всех наших хранилищах рукописей. ³ К нему присоединены обычно приложения, названные Спафарием «Татарской книжицей». Эти оба сочинения лишь отчасти касаются Сибири, именно ее пограничных областей.

Но знакомство с этими сочинениями Спафария позволяет утверждать, что «Сказание о реке Амуре», напечатанное в 1858 г. в «Вестн. Русск. геогр. общ.» и оттуда перепечатанное в сборнике «Сибирь в XVII в.» (стр. 105—113), принадлежит также Спафарию и составляет в некоторых списках «Описания Китайского государства» одну из его глав, ⁴ в других же присоединено в виде отдельной статьи к основному тексту описания. ⁵ Следует, впрочем, заметить, что печатный текст «Сказания» является вольным пересказом текста Спафария. ⁶ Автор пересказа, надо думать — первый издатель его

¹ Она напечатана дважды Ю. В. Арсеньевым: 1) в неполном виде в «Изв. Оренб. отд. Рус. геогр. общ.», Оренбург 1896, в. 9, стр. 18—47 и 2) в более полном виде (но также с пропусками) в «Вестн. археол. и ист.», СПб., 1906, в. XVII, стр. 167—339.

² По одному из списков напечатано в Казани в 1910 г. О том, что Спафарий представил в Посольский приказ по возвращении в Москву «Китайскому государству описание в особой книге... и чертеж» (Сибири и Китая?), см. «Вестн. археол. и ист.», XVII, стр. 166. Карта Спафария пока не найдена, но полагают (Cahen, *Les cartes de la Sibirie au XVIII-me siècle*, Paris 1911, p. 81), что карта Авриля (см. ниже) скопирована с карты Спафария.

³ Только в Гос. Публ. библиот. имеется до 10 списков этого сочинения; описание пяти списков этого собрания и перечень других даны в работе И. Н. Михайловского, *Важнейшие труды Николая Спафария*, Киев 1897. Списки того же труда имеются так же в Лен. отд. Инст. ист. Акад. наук СССР, в собр. Воронцовых, № 290/201 и 289/410, и др.

⁴ Гос. Публ. библиот., Ф. IV, № 141, лл. 332—340, гл. 60.

⁵ Там же, Q. IV, № 1, лл. 277 об.—283, и Q. IV, № 384, лл. 195 об.—200 об.

⁶ Это отчасти отмечено уже Ю. В. Арсеньевым в его статье «О происхождении Сказания о великой реке Амуре» в «Изв. Рус. геогр. общ.», 1882, т. XVIII, в. 4, стр. 245—254, но статья эта осталась неизвестной составителям сборника — *Сибирь в XVII в.*, СПб., 1890, где «Сказание» напечатано без тех поправок к тексту, которые привел Ю. В. Арсеньев.

Г. И. Спасский, сокращает текст Спафария, опуская много ценных подробностей. Статью необходимо издать вновь, как весьма ценное и едва ли не самое раннее географическое и отчасти этнографическое описание Приамурья.

В тексте труда Спафария, носящего название «Книга, а в ней повесть, как в нынешнем веце богдойские татаровя одолели и завладели чюдь не все Китайское государство, также и обычаи их татаров и бои описуютца», называемого им кратко «Татарской книжицей», имеется самостоятельная часть,¹ посвященная описанию народов пограничных с Китаем областей — богдойцев, гиляков, мунгалов, калмыков, и тангутов;² эта статья до сих пор не напечатана, и если вошла в нашу литературу, то не из прямого источника, каким является упомянутая «Татарская книжица», а через писателя, использовавшего труды Спафария, именно, иезуита Филиппа Авриля.

В своем, *Voyage en divers états d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine*, вышедшем в Париже в 1692 г., Авриль, бывший в Москве дважды, в 1687 и 1688 гг., приводит не только описание путей в Китай,³ но и описание народов, живущих около Китая.⁴ Приступая к описанию дорог, Авриль говорит, что оно взято из тех «*relations qu'on garde dans la Chancellerie* (без указания, какой именно) *de Moscou*» (р. 165), с которой (с которых?) он в своем труде приводит «*une fidelle copie*» (р. 173); сведения же о пограничных народах, по его словам, он взял из другой «*relation, qui nous fut communiqué par une personne fort sûr qui l'avoit tirée de la Chancellerie de Moscou*».

Сравнение текста Авриля (стр. 165 и след.) с соответствующими главами описания Китайского государства Спафария, где он говорит о путях в Китай,⁵ устанавливает полное тождество между ними по содержанию, за исключением одного пункта, и не оставляет сомнений, что описание путей в Китай заимствовано Аврилем из описания Китайского госу-

¹ Основной текст этого труда является переводом сочинения Мартини, *De bello tartarico historia*, Coloniae 1645. Об этом см. B a d d e l e y, *Russia, Mongolia, China*. London, 1919, vol. II, pp. 208—212.

² См., например, в рукописи Гос. Публ. библ. Q. IV, № 384, лл. 252 об. — 260 об.

³ Назв. соч., стр. 165—175.

⁴ Там же, стр. 175—184.

⁵ По печ. изд. (Казань 1910), стр. 15—19.

дарства Спафария; что же касается описания пограничных народов, которое приводит тот же Авриль, то оно является таким же изложением соответствующих мест «Татарской книжицы». Авриль прямо не называет автора этих трудов, но он знает, что пятый путь в Китай, это тот, которым ехал «Spartarius, envoyé de Moscovie à la Chine» (р. 173). Впрочем, сообщив Аврилю копию трудов Спафария, ему, видимо, дали неполный текст «Описания Китая», так как Аврилю остался неизвестен самый короткий путь из Сибири в Китай — седьмой путь, который, по словам Спафария, «ныне объявился новой». ¹

В 1698 г. вышел в Париже труд де-ла-Невилля, дипломатического агента французского правительства, бывшего в Москве во второй половине 1689 г. ² В последней главе своей книги Невилль рассказывает о беседах с Спафарием, служившим в 1689 г. переводчиком в Посольском приказе, о путешествии его через Сибирь в Китай. Рассказ Невилля дает кое-какие подробности, отсутствующие в названных выше трудах Спафария. Во всяком случае, благодаря Аврилю и Невиллю, ³ кое-что из трудов Спафария стало известно на Западе значительно раньше, чем в печатном виде оно появилось у нас.

К сочинению Авриля приложена карта, носящая название — *Nouvelle Carte de la Sibirie et du Kitay avec les differentes Routes qu'ont tenues les Moscovites et les Tartares, pour aller à la Chine, tirée de l'original de la Chancellerie de Moscou*. Как видно из этой легенды, карта является будто бы копией, снятой с оригинала, хранившегося в одном из московских приказов. Так как Авриль весьма много пользовался Спафарием, то вполне естественным было упомянутое выше предположение, что карта Авриля является копией чертежа Спафария, представленного им в Посольский приказ в 1677 г. Но против этого определенно говорит сама карта Авриля, на которой

¹ Гос. Публ. библ., Ф. IV, № 141, л. 34 и след.

² «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, contenant l'état présent de cet Empire, les expéditions des Moscovites en Crimée en 1689, les causes de dernières revolutions, leurs mœurs et leur religion, le récit d'un voyage de Spartarus par terre à la Chine». Русский перевод труда Невилля дан А. И. Браудо в «Русской Старине» 1891 г., тт. LXXI и LXXII.

³ Отрывки из труда Авриля даны в новом переводе в работе М. П. Алексеева, Сибирь в известиях зап.-евр. путеш. и писат., т. I, ч. 2, Иркутск, 1936, стр. 86—94, но описание народов Приамурья в переводе отсутствует; там же перепечатан перевод последней главы труда Невилля (стр. 131—134).

имеем такие ошибки, которые невозможно приписать чертежу Спафария. Так, на карте Авриля «Genessai» является левым притоком «Tongusi», а «Tachin» — правым, «Tongusi» — вытекает из Байкала. Река Лена берет начало к востоку от «Iac de Kitay», восточнее р. Лены в «mer de Tartarie» впадают «Anibi fl.» и «Echart fl.». Реки Шилка и «Argus» являются левыми притоками «Iamou», который вытекает с запада, причем в начале его стоит острог (город) «Iamou», несколько ниже Албазина. Сургут и Нарым лежат не на р. Оби; «Макоу, Bratsko, Irkutsko» находятся на одном из путей в Китай, но «Genessia» значительно севернее их и на этом пути не лежит. «Pega Horda» в среднем течении р. Оби на левом берегу, а «Ostiaski» находятся на правом берегу «Tongusi», в устьях которой на востоке «Barda» (Baida?), «Kawoina» между реками «Anibi» и «Echart» и др.

Чертеж Спафария пока не отыскан, а потому трудно судить, насколько карта Авриля близка к своему предполагаемому оригиналу. Вероятнее всего, что оригиналом ее был не чертеж, будто бы хранившийся в одном из московских приказов (ср. в легенде карты Авриля — «...tirée de l'original de la Chancellerie de Moscou»), а другой источник, о котором находим известие у П. Пирлинга. Он рассказывает,¹ что король польский «Ян Собесский... дозволил Аврилю снять копию с карты китайских дорог, составленной д'Абланкуром по указаниям думного дьяка Протасия Никифорова, бывшего недавно в Польше, а перед тем посещавшего Китай. Эту карту Авриль напечатал впоследствии в своей книге, сознаваясь, однако ж, что она не точна, и жалея, что не мог ее проверить».² Думный дьяк Протасий Никифоров был в Польше в составе посольства Б. П. Шереметева. Посольство прибыло во Львов 26 сентября 1686 г. и оставалось там до января 1687 г.³ В Китае П. Никифоров никогда не был; его спутали с подьячим Посольского приказа Никифором Венюковым, о путешествии которого в Китай в 1685—1686 г. и представленном им описании могла идти речь в Польше во время бесед о Китае. Карту д'Абланкура найти пока не удалось, но она, вероятно, была составлена по образцу западноевропейских карт Сибири, в чем карта Авриля и близка с ней.

¹ Исторические статьи и заметки, СПб., 1913, стр. 133.

² Этот рассказ, в сущности, повторяет известие, приводимое самим Аврилем (*Voyage en divers états...*, p. 241).

³ Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России, М., 1897, ч. III, стр. 158.

6. Но в том же году, когда появился труд Авриля, сочинения Спафария о Китае стали известны Европе через другого писателя, которому наука о Сибири обязана очень многим, — я имею в виду известного амстердамского бургомистра Николая Витзена¹ и его труд: *Noord en Oost Tartarye*, вышедший первым изданием в 1692 г.; тому же автору принадлежит карта Сибири, о которой первые сведения у нас сообщил Г. Ф. Миллер, много сделавший для популяризации трудов Витзена в России.

Карта Витзена, — представляющая большую редкость, имеется в Гос. Публичной библиотеке в Ленинграде,² а снимок с нее — в величину оригинала — прекрасно воспроизведен в издании — *Remarkable Maps of the XV-th, XVI-th and XVII-th centuries reproduced in their original size, Amsterdam 1897, in f^o*, выпуск четвертый которого содержит карту Витзена с замечаниями Крэмпа. Все надписи карты Витзена перепечатаны в книге G. Cahen, *Les cartes de la Sibirie au XVIII-me siècle*, Paris 1911, pp. 61—76.

Как уже отмечено Крэмпом, карта Витзена, хотя имеет в легенде дату 1687 г., не может быть отнесена к этому году: на ней к западу от Новой Земли показан остров, который, по имеющейся на карте надписи, открыт шкипером Фламингом 28 июня 1688 г. Вместе с тем, из посвящения карты царю Петру Алексеевичу, а не двум царям, как неправильно отмечает Крэмп, нужно отнести ее появление к более позднему времени.³ Витзен сам считал ее лишь первоначальным опытом и принимал все меры к тому, чтобы карта его не получила широкого распространения.⁴ Но несмотря на это, карта Витзена стала известна. Она появилась в свет не ранее 29 января 1696 г. (начало единодержавия Петра), а, вероятно, еще позже — после личного знакомства Витзена с Петром, что

¹ Двухтомная биография Витзена на голландском языке написана Гебгардом (Utrecht, 1881—1882). Из русских биографий Витзена — см. А. Н. Пыпин, *История русской этнографии*, т. IV, стр. 213—214, а также М. П. Алексеев, *Сибирь в известиях зап.-евр. путеш. и писат.*, Иркутск, 1936, т. I, ч. 2, стр. 60—67.

² Описание карты дано Г. Ф. Миллером в 1732 и 1761 гг. в *Sammlung Russische Geschichte*, I, SS. 203—212; VI, SS. 29—31; G. Cahen, *Les cartes de la Sibirie au XVIII-me siècle*, Paris, 1911, pp. 61—76.

³ Миллер относит ее к 1690 г. (*Sammlung Russischer Geschichte*, I, 204, 206).

⁴ Письмо его к Куперу от 24 сентября 1709 г. напеч. у I. Gebhardt, *Het even van Nicolaes Cornelius Witsen*, Utrécht, 1882, vol. II, p. 322.

относится к августу 1697 г.,¹ когда Витзен, по словам нашего посланника в Гааге А. А. Матвеева, сделался «нашим истинным и верным служителем во всем». ² При таких отношениях нет ничего удивительного, что Витзен получал легко и свободно многие материалы по географии и истории России, в частности Сибири, которые были другим недоступны. В своем труде о Северной и Восточной Тартарии, вышедшем первым изданием в 1692 г., а вторым — в 1705 г., перечисляя всех, оказавших ему помощь присылкой нужных материалов, Витзен странным образом ничего не говорит о своих сношениях с А. А. Виниусом, дьяком Сибирского приказа с 1695 г., в ведении которого находились многие интересные Витзену материалы о Сибири; не говорит, может быть, потому, что не хочет навлечь на Виниуса какие-либо неприятности, ввиду трудного положения Виниуса после увольнения его в 1703 г. из Сибирского приказа. Но эти сношения были многолетними и сопровождались посылками Витзену соответствующих материалов о Сибири. Во всяком случае, в распоряжении Витзена были также чертежи Сибири русского происхождения, кроме того чертежа П. И. Годунова 1667 г., о котором он говорит и в предисловии и в тексте второго издания своего труда.³

В литературе о карте Витзена уже отмечались ошибки, имеющиеся на ней и происшедшие от плохого знания Витзенном русского языка. Так, Л. И. Шренк заметил,⁴ что указанная на карте Витзена в начале р. Амура провинция с странным названием «Otsel poshel» несомненно непонятое им русское название или надпись на каком-то русском чертеже. Крэмп указал, кроме того, несколько других неточностей, объясняемых плохим знанием русского языка, отчего появились на карте Витзена такие наименования, которые вызывают улыбку: «Otmore» и «Wostock» — как названия провинций, «Skaya Powerko» на месте земли Сургутской — взамен «Soogootskaya» и «werkh» и др.

Количество этих неточностей весьма большое. Укажу только некоторые.

¹ Соловьев, История России, III, ст. 1173; но здесь неточность: издание Витзенном «Избранидесова путешествия в Китай» относится к 1704 г. Экземпляр этой карты в Национальной библиотеке в Париже помечен 1698 г. (Сажен, р. 57).

² Соловьев, III, ст. 1314.

³ Назв. соч., пред., стр. 755 и след., 859, 961 и след.

⁴ Л. И. Шренк, Об инородцах Амурского края, СПб., 1883, т. I, стр. 97, прим.

Река Кровавая превратилась у Витзена в «Кровавую землю»; Мангазея стоит на р. Мангазее; Енисейск и Маковский острог находятся на какой-то одной реке — «Orsolka»; между Хатангой и Пясидой живут какие-то «Jasakken»; ниже Туруханского зимовья по обоим берегам р. Енисея «Piasi», к западу от них «Piakki»; на р. Тазу «Malwaseiskoe»; в ряде мест на карте рассеяно слово «wolock», где часто никакого волока нет и не могло быть; иногда «wolock» название реки; Томск на левом берегу р. Оби выше р. Томи; «Kusnetskoy oste Smits-stadt» на р. Томи, но он же («Kusnetskoy sive Kousni») и южнее на р. «Bereswa sive Tagan fluv. sive Soulousma»; в устьях р. Катунь стоит какой-то город «Mangansiskoy», причем р. Катунь и левый и правый приток р. Оби; на р. Бии — какой-то город или острог под названием «Katounao». В системе р. Чулыма тоже все перепутано: «Орга или Великая Лука» на р. Чулыме на карте Витзена превратилась в «Iorgoet insul» на р. Оби; между рр. Чулымом и Кетью появилась «Mgaas». Далее находим две реки Кети, впадающие в р. Обь, на одной из них, южной, стоит Кетский острог, далее р. Нарым, затем опять «Tsoulum» и т. д. Не меньшая путаница и в системах других рек. Перечень подобных ошибок можно значительно увеличить.

Являясь, в сущности, первой иностранной картой всей Сибири, для которой использованы русские источники, чертежи и чертежные описания 1667 и 1673 гг.,¹ и некоторые другие географические описания Сибири (труды Спафария, Венюкова и др.) карта Витзена внесла все-таки более правильные представления в западноевропейскую картографию Сибири, стоявшую до ее появления на невысоком уровне.² Но, вместе с тем, через ту же карту вошли в географическую науку Запада те многочисленные ошибки, о которых отчасти сказано выше и для исправления которых потребовалось много времени.

¹ О том, что Витзен, кроме чертежного описания 1667 г., о чем он сам говорил, пользовался также чертежным описанием 1673 г., см. у Л. С. Берга. Открытие Камчатки, Л., 1935, стр. 50. К приведенным там доказательствам можно присоединить еще одно: у Витзена ниже впадения р. Вилюя в р. Лену отмечено: «Brandende Poel», но этот «огнь горящий», несомненно, тот же, что в чертежном описании 1673 г.: «с левой стороны от реки Вилюя огонь исходит зимою, а летом, как вода разольется, и то место водою покрывает и будет незнато; а как вода сойдет, и огонь попрежнему, только не пламенем; а дерево, на том месте положенное, углем изгорит, а пламени нет» (Сибирь в XVII в., стр. 53).

² См., например, карту Сибири Шлейсинга, 1692 г., являющуюся в основном копией (немецкой) с чертежа 1667 г.

Что касается труда Витзена, посвященного описанию «Северной и Восточной Татарины», то источники его к настоящему времени установлены с достаточной ясностью. Сам Витзен, за время пребывания в Москве в течение 1664—1665 гг., не мог, конечно, собрать те многочисленные материалы о Сибири, которые находим в его труде, вышедшем в 1692 г., и вторично, в значительно дополненном виде в двух томах, еще при жизни автора в 1705 г.¹ Из предисловия к труду видно, что автор имел в Московии многочисленных корреспондентов, с помощью которых им собраны многочисленные материалы, вошедшие в издание 1692 г. Среди этих материалов — чертеж и чертежное описание 1667 г., такое же описание 1673 г., сочинение Крижанича о Сибири,² «Описание новые земли, сиречь Сибирского государства» 1685—1686 г.,³ некоторые труды Спафария, в частности, его — Сказание о реке Амуре, дословно воспроизведенное Витзеном,⁴ и др. Но сверх этих трудов, известных и в русских списках, у Витзена находим и такие источники, русские оригиналы которых пока неизвестны. Так, от «некоего господина, проживавшего в Архангельске», Витзен получил «описание самоедов Новой Земли», из Соликамска — сведения о путях из Сибири, из Тобольска — сообщение о русском христианстве в Китае и о калмыцком государе Бушухте хане, из Селенгинска — о проезде через Байкал, из Мангазеи — известие о самоедах; описание некоторых областей Сибири было для него написано «одним знатным русским боярином, объехавшим их в 1689 г.» (Ф. А. Головиным?) и др. Во втором издании своего труда Витзен мог поместить еще большее количество материалов о Сибири, среди них такие официальные документы, как статейные списки посольств в Китай Ф. Байкова и Ф. А. Головина, «сказки» Владимира Атласова о Камчатке, грамоты китайского императора Кан-Си и др., которые в русском тексте или совсем

¹ Третье издание 1785 г. отличается от второго тем, что к целиком перепечатанному тексту последнего прибавлены: «Введение», подписанное Р. Boddaert'ом, карта российских владений в Европе и Азии, «посвящение» Витзеном сочинения своего Петру I и около 100 гравированных на меди таблиц рисунков, которых нет в первом и втором изданиях. Отсутствующие в первом и втором изданиях указатели составлены Г. Ф. Миллером и напечатаны им в первом томе *Sammlung Russischer Geschichte*, St. Petersburg, 1732, SS. 222—272.

² Белокуров, Юрий Крижанич в России, М. 1902, стр. 7—8.

³ Об использовании Витзеном «Описания» см. С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 180—181.

⁴ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, стр. 99, прим.

не появились или были изданы значительно позже. Приток известий о Сибири продолжался и после 1705 г., когда вышло второе издание, как о том свидетельствуют отрывки из переписки Витзена с Купером, частично опубликованной в русском переводе В. В. Радловым.¹

Создав своего рода энциклопедию о Сибири, включившую в себя прежде всего многочисленные русские источники, ставшие доступными Витзену особенно в период 1695—1703 гг., когда во главе Сибирского приказа стоял думный дьяк А. А. Виниус, один из культурнейших людей своего времени, Витзен использовал для нее также иностранные известия о Сибири, причем в текст последних нередко вставлены им современные русские сообщения.²

К сожалению, это драгоценное собрание материалов о Сибири XVII в. не переведено не только на русский язык, но и на языках наиболее распространенных оно также отсутствует. Имеющиеся же на русском языке переводы отрывков,³ конечно, не могут восполнить тот пробел в географической, этнографической и исторической литературах о Сибири XVII в., который происходит от того, что труд Витзена написан на языке малодоступном. Если, как думают некоторые,⁴ полный перевод монументального труда Витзена невозможен «да и едва ли необходим», то перевод тех частей труда, русские

¹ Сибирские древности, т. I, в. 3, стр. 127—134 (последний отрывок 1716 г.); 83 письма Витзена опубликованы в его биографии, составленной Гебгардом, но это лишь часть четырех объемистых портфелей переписки Витзена, которые хранятся в Амстердамской университетской библиотеке; из них далеко не исчерпаны как раз материалы, относящиеся к Московскому государству и Сибири. Между тем, эта переписка представляет большой интерес, так как Витзен рассказывает здесь подробно о ходе своих занятий по подготовке к изданию «Северной и Восточной Татари». Изучавший эту переписку (портфель первый) А. М. Ловягин (Посольство Кунраада фан-Кленка, СПб., 1900, стр. XXVI) отметил в ней неопубликованные выдержки из посланий Келлера (резидента Голландии в Москве), известия о Сибири и Китае 1686 г., послания де-Би о калмыках, догадки о происхождении названия Сибири, о Крестовой горе близ деревни Писаницы Верхотурского уезда, о древних сибирских письмах и др. (Алексеев, I, ч. I, стр. XIV—XV).

² Такого характера, например, статья о ненцах (самоедах), переведенная в 1732 г. на русский язык и напечатанная Г. Ф. Миллером в 1732 г. в «Примеч. к СПб. Ведом.»; в основу ее положены сообщения Джонсона, напечатанные в «Principal Navigations» Гаклюйта, и известия Дж. Флетчера, которые дополнены известиями конца XVII в., несомненно, русского происхождения.

³ Сибирские древности, т. I, вып. I.

⁴ Алексеев, т. I, ч. I, стр. XIV.

источники которых неизвестны, не только желателен, но безусловно нужен.

7. С именем Витзена связано еще одно научное предприятие, относящееся к изучению Сибири XVII в. Витзен был первым издателем описания путешествия в Китай в 1692—1695 гг. прусского посланника Эверта Избранда Идеса, «иноземца Датской земли», «голстейнца»,¹ которого русские документы называют «Елизарием Елизарьевым сыном Избрантом».²

Он вернулся в Москву 1 января 1695 г. и по обыкновению представил в Посольский приказ статейный список своего посольства³ и, вероятно, тогда же или вскоре по возвращении краткое описание своего путешествия. Во всяком случае, уже в следующем 1696 г. в труде Хр. Менцеля — *Kurtze chinesische Chronologie*, в приложении к нему (стр. 141—145), напечатана «реляция», в которой говорится о том, как «московский посол Избранд Идес совершил путешествие в Китай, и какие народы он встретил на своем пути туда и обратно в 1693, 1694 и 1695 гг.», причем издатель отмечает, что Избранд Идес в будущем намерен издать это описание в более обработанном виде.

Текст напечатанный Менцелем на немецком языке в 1696 г., а затем в латинском переводе еще раз изданный Лейбницем в 1697 г., является всего лишь канвой того подробного описания путешествия, которое, будучи написано по-немецки около 1700 г.,⁴ появилось в голландском переводе в Амстердаме, под редакцией Н. Витзена, в 1704 г. (переиздан в 1710 г.)

¹ Письма и бумаги Петра Великого, СПб. 1887, т. I, стр. 329.

² Список трудов посвященных посольству Избранда Идеса, у *Fran tišek Kurfürst, K česko ruským stykům concem století XVII a posalcem století XVIII*. Praha 1931, čast. II, стр. 35—116.

³ Он хранится среди книг китайского двора б. Моск. архива Мин. ин. дел (ныне в ГАФКЭ) под № 15; напечатан не был, но использован в работе К. В. Базилевича, В гостях у богадыхана, Л., 1927, стр. 169—213.

⁴ В гл. 19 своего описания Избранд Идес говорит, между прочим, о том, что еще «около пяти лет тому назад» можно было ездить свободно с товарами по местам, лежащим около Студеного моря, но ввиду злоупотреблений «пред недавним временем реченной тракт... запрещен и притом повелено, дабы впредь все из тех морских краев прибывающие... товары токмо через город Березов в Сибири пускать, откудава чрез каменные горы, называемые Пояс, дале, куда надлежит, препровождался». Речь здесь идет, несомненно, о боярском приговоре 21 сентября 1695 г. (Полное собрание законов, т. III, № 1518) о непропуске всяких чинов людей из сибирских городов сторонними дорогами мимо Верхотурья. На

под заглавием: *Dreijahrige Reize naar China te Lande gedaen door den Moscovitischen Abgesant E. Isbrants Ides. 4°*, с приложением 29 листов рисунков и карты; с этого голландского перевода были сделаны затем новые переводы на английский (1706 и 1716), немецкий (1707) и французский (1715, 1718 и 1727). Г. Ф. Миллер, который первый у нас использовал Избранда Идеса в своей Истории Сибири, вышедшей в 1750 г., пользовался французским переводом Избранда Идеса, помещенным в VIII томе «*Recueil des voyages au Nord*», Amsterdam, 1715, а русский перевод (как показывает сличение текстов), сделанный с голландского 1704 г., стал ему известен, видимо, позже. Этот русский перевод отыскался в двух рукописях Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде¹ и, вероятно, сделан еще в первой половине XVIII в. Сообщенный Н. И. Новикову Г. Ф. Миллером, он был в 1789 г. напечатан в ДРВ, изд. 2-е, тт. VIII и IX.

Недавно этот перевод привлек внимание М. П. Алексеева, который признал его «совершенно неудовлетворительным, так как перевод не только значительно сокращает голландский подлинник, но и систематически искажает его».²

Действительно, в печатном русском тексте нет тех подробных оглавлений каждой главы, которые имеются в голландском; текст не разделен на 20 глав; в печатном тексте имеются и другие пропуски (например, в тексте гл. 1), легко, однако, восстанавливаемые по рукописям этого перевода, где этих пропусков нет, но существенных среди них я не нашел. «Искажения», да еще систематические, едва ли удастся найти, именно, в русском переводе, так как все они восходят к тому голландскому оригиналу, с которого сделан наш перевод. Я думаю, что перевод надо переиздать по имеющимся рукописям, внося дополнения и исправления, о которых сказано.

Как видно из приведенного выше неполного перечня пере-

основании этого, время составления описания я определяю около 1700 г., но не позднее 1701 г., так как автор еще не знает (гл. 20 по тексту ДРВ, изд. 2-е, IX, стр. 447), что Камчатка «не город», а полуостров. В гл. 20 Избранд Идес ссылается также на упомянутый труд Менцеля; значит, время составления описания—после 1696 г. и даже после 1697 г. (ср. ДРВ, изд. 2-е, IX, стр. 448); см. далее о привилегии Избранду Идесу на печатание его описания путешествия в Китай, упоминаемой в жалованной грамоте 10 февраля 1700 г.

¹ Шифр их: Q IV. № 519, и Погод. № 1548.

² Сибирь в известиях зап.-евр. путеш. и писат., Иркутск, 1936, т. I, ч. 2, стр. 142.

водов Избранда Идеса, его «Описание» путешествия получило широкое распространение прежде всего за границей, но было известно и у нас.

При наличии упоминавшихся выше описаний пути по Сибири в Китай, труд Избранда Идеса в своей географической части уже не представляет особенной ценности, поскольку путь, которым он ехал, был неоднократно описан в XVII в. Интерес географа к этому труду основан, главным образом, на той карте Сибири, которая была приложена к голландскому изданию описания путешествия Избранда Идеса. По словам Витзена в одном из писем его, приведенных у Гебгарда, карта Избранда Идеса «большею частью взята из его карты... но он ее исправил». На основании этого замечания карту Избранда Идеса считают исправленной копией карты Витзена.

Карта Избранда¹ воспроизведена В. А. Кордтом в 1906 г. в выпуске первом второй серии «Материалов по истории русской картографии» № XXVI (почти в величину подлинника), стр. 27—28.

Но даже при беглом сличении карт Витзена и Избранда Идеса видно, что сходство между ними небольшое: прежде всего, карта Избранда Идеса более точная, и все те ошибки, которые отмечены у Витзена, здесь исправлены: исчез с карты «Otsel poshel», р. Кеть имеет более правильное очертание (их не две, а одна), многочисленные Мангазеи исчезли, появилась одна на своем месте; на карте много названий народов: «populi Pestraia orda», «populi altirzi», «populi durbetsi» и др. На карте Избранда Идеса имеется Камчатка, но не как полуостров, а как река с городом на ней, на восточном берегу под 72°, т. е. на том же месте, где она отмечена, как увидим далее, на общем чертеже Сибири С. У. Ремезова, составленном в 1698 г.

Но и на карте Избранда Идеса не обошлось без курьезов: выше р. Томи по р. Оби показаны какие-то «populi limzini», вероятно — чулымцы, а еще выше «populi» превращены в острог, а сама р. Обь вытекает из озера, названного здесь «osero Kankisan», и др.

Труд Избранда Идеса был использован его первым издателем Витзеном для некоторых дополнений его собственной—

¹ О карте Избранда у Миллера, *Nachricht von Land- und See Carten die das russische Reich u. die zunächst angränzende Länder betreffen*, Samml. Russ. Gesch., 1761, VI, SS. 31—33; А лек сее в, назв. соч., т. I, ч. 2, стр. 142.

Noord en Oost Tartarye,¹ вышедшей через год после издания Избранда Идеса в 1705 г., в новом, значительно дополненном и расширенном виде. Как справедливо отмечалось неоднократно, появлением второго издания труда Витзена завершается первый и важный момент географического изучения Сибири западноевропейской наукой.

¹ G. Henning, Die Reiseberichte über Siberien von Herbestein bis Ides, «Mitteill. des Vereins f. Erdkunde zu Leipzig», 1905, SS. 315—316.

II. ТРУДЫ С. У. РЕМЕЗОВА ПО ГЕОГРАФИИ СИБИРИ XVII В.

1. Биография Семена Ульяновича Ремезова до недавнего времени заключала немного фактов: мы знали, что он был тобольский дворянин, живший в конце XVII в., автор «Истории Сибирской» и «Чертежной книги Сибири 1701-го года»; годы его рождения и смерти были неизвестны. Изучая его «Историю», написанную неизвестно когда, изображали обычно Ремезова типичным писателем XVII в., закончившим свою деятельность в начале следующего века, когда была представлена им в Сибирский приказ «Чертежная книга Сибири 1701-го года» и составлена переписная книга Тобольского уезда 1710 г. Если не отмечать попыток дать генеалогию сибирских служилых людей Ремезовых за XVII в., то изложенным, в сущности, и ограничивались наши сведения о Семене Ремезове, как писателе XVII века, которому в его исторических и географических работах помогали его сыновья: Леонтий, Семен, Иван и Петр.¹

На основании вновь найденных материалов мы можем значительно дополнить эти скудные известия о Семене Ремезове.

Сохранилась «выписка» Сибирского приказа о службе деда и отца Семена Ремезова, а равно его самого, составленная в 1698 г.; копия ее находилась в семье Ремезовых, и сам Семен Ремезов и его дети дополнили эту выписку известиями после 1698 г.

Как уже догадывались исследователи, Ремезов был младшим представителем семьи Ремезовых, тобольских служилых

¹ Биографические сведения о Семене Ремезове в «Рус. биограф. словаре», том «Рейтерн—Рольцберг», СПб., 1913, стр. 48—50 (статья Л. Соколова). Ср. С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928, стр. 17—24, 169, 180.

людей XVII в. (его дед Моисей, по прозвищу Меньшой, и его отец Ульян — служили также в Тобольске). Семен Ремезов был «верстан в чин из неверстанных детей боярских» в Тобольске в 190-м году, надо полагать, в возрасте 18—20 лет, значит, он родился около 1664 г. Год его смерти в продолжении выписки не указан, но в «Служебной чертежной книге» семьи Ремезовых, откуда извлечена эта выписка, имеются об этом косвенные указания. Ремезов оставил в этой книге не только авторские копии многих своих чертежей, но и некоторые другие рисунки и записи. На рисунке этой книги, носящем название — «имены числом всех тобольских в Сибири воевод», в 60 листочках генеалогического древа даны имена всех тобольских воевод до 60-го включительно, именно А. Л. Плещеева, сибирского губернатора в 1730—1735 гг.; имена и фамилии воевод и губернаторов писаны до 52-го включительно самим Семеном Ремезовым, а с 53-го и до конца — другим почерком, кажется, его сына Леонтия; 53-й вступил в должность в 1718 г.; при 52-м — губернаторе Матвее Петровиче Гагарине не указан, как во всех других случаях, конец его губернаторства, т. е. 1718 г., — не указан потому, что Семена Ремезова, очевидно, уже не было в живых, так как он умер ранее 1718 г., вероятно в 1715 г., как это видно из другой его записки. В той же «Служебной чертежной книге» имеется интересный перечень сибирских архиереев, оканчивающийся Иоанном Максимовичем, скончавшимся в июле 1715 г.; в перечне рукою Семена Ремезова проставлен затем год 7224 (1715—1716), когда должен был начать свое служение новый митрополит, но имя его так и осталось не вписанным, потому что автор перечня уже не видел этого митрополита;¹ из этого можно сделать заключение, что Семен Ремезов умер в последние месяцы 1715 г.

За время с 1681 г., когда он был «поверстан в дети боярские», и по 1715 г. в выписке о службе Ремезова записано много фактов его служебной деятельности. Но наше внимание останавливается, главным образом, на тех, которые связаны с его работой, как он сам ее обозначает — «сверх служеб». Оказывается, эта последняя началась в 202-м году (1693—1694) тем, что Ремезов «написал выносную часовню для поставле-

¹ Им был тот же Филофей Лещинский, о котором в росписи имеется весьма злая характеристика; указ об его вторичном назначении был получен в Тобольске осенью 1715 г. (Буцинский, Крещение остяков и вогулов при Петре Великом, Харьков, 1893, стр. 76).

ния на реке Иртыше иорданного освящения воды»,¹ а в следующем 203-м году «сверх служб сработал, сшил и написал мастерски х конным и пешим полкам седмь камчатых знамен...». Этими работами живописца и знаменщика началась затем деятельность Семена Ремезова — «чертещика» — составителя чертежа части Сибири, чертежа каменного Тобольска, чертежа всей Сибири и других, а равно чертежных описаний к ним и разных других работ, которые были выполнены им на основании приговора Сибирского приказа 10 января 1696 г.

Этот приговор, напечатанный в Полном собрании законов, т. III, № 1532, под названием «боярского приговора», как видно из текста его, является приговором Сибирского приказа «боярина князя Ивана Борисовича Репнина с товарищами». «Приговор» состоял в следующем: решено было «послать великих государей грамоты во все сибирские города, велеть всем сибирским городам и с уезды... написать чертежи на холстине, и сколько верст или дней ходу города от города, также и русские деревни и волости и ясачные волости от того города, и на каких реках те города и уезды и ясачные волости стоят, и то описать на чертеже именно».

Далее, в том же приговоре находилось особое постановление, которое выполнить надлежало в Тобольске: «а в Тобольску велеть сделать доброму и искусному мастеру чертеж² всей Сибири и подписать внизу, от которого города до которого сколько верст или дней ходу, и уезды всякому городу определить, и описать, в котором месте какие народы кочуют и живут, также с которой стороны к порубежным местам какие люди подошли». Приказ мотивировал необходимость производства всех этих работ тем, что «в Сибирском приказе сибирским городам чертежей нет, и ведать не по чему». В заключении приговора отмечалось, что чертежи следовало сделать «тотчас, безо всякого мотчания», и прислать затем в Москву, причем указывался размер этих чертежей: «а те чертежи... велеть сделать мерою в длину трех аршин, в ширину двух аршин..., а большой всей Сибири чертеж сделать в вышину трех аршин, а поперег четырех аршин».

2. Задуманная работа не являлась чем-то совершенно новым: и до 1696 г., как известно, предпринимались трижды

¹ Здесь в выписке ошибочно поставлен 204-й год, но это было в 202-м году (ДРВ, изд. 2, ч. III, стр. 286—287).

² В Полном собрании законов, III, стр. 213, ошибочно напечатано «чертежей»; исправлено по тексту в конце того же приговора: «а большой всей Сибири чертеж».

работы по составлению чертежа всей Сибири и чертежного описания к нему того же типа, какой требовал приговор 1696 г. Эти три предшествующих чертежа — чертежи всей Сибири 1629, 1667 и 1673 гг., к которым приложены соответствующие чертежные описания.

Новым было то, что на местах, как и в 1626 г., предписывалось составить чертежи уездов, но «границы уездов» предполагалось наметить в Тобольске. Новым являлось также то, что в Тобольске должны были составить описание сибирских и порубежных народов: сведения о них, как известно, почти отсутствуют в чертежных описаниях 1629, 1667 и 1673 гг.

Как выполнялся приговор 10 января 1696 г. в сибирских городах, кто делал там чертежи, когда они были закончены работой — неизвестно,¹ но в отношении Тобольска мы имеем более определенные сведения.

Выполнение всего того, что на основании приговора 1696 г. нужно было сделать в Тобольске, как главном городе Сибири, было возложено здесь в том же 1696 г., в апреле, на Семёна Ремезова, который, как мы знаем на основании отмеченных выше новых материалов, был известен уже как рисовальщик и знаменщик.

Надо думать, что чертежное дело Ремезов изучал на практике и составлял свои чертежи, примеряясь к тем образцам, которые имелись в Тобольской приказной палате. В предисловии к «Чертежной книге Сибири 1701-го года» он указывает некоторые из чертежей, которыми он пользовался: им назван общий чертеж всей Сибири 1667 г. или «Годуновский», как он именует его в другом месте; кроме того он упоминает восемь чертежей 192—204-го годов города Тобольска, которые предшествовали его девятому чертежу, составленному в 1699—1700 гг. Но надо думать, что в той же Тобольской приказной палате имелись и некоторые другие чертежи, о которых Ремезов не упоминает, может быть, потому, что они

¹ На «Чертеже Енисейской земли» («Чертежная книга Сибири 1701-го года», лист 14) имеется, впрочем, указание, что «в 205-м году чертеж написан в Енисейску при стольнике и воеводе Михаиле Игнатьеве сыне Корсакове». Грамота о сочинении чертежа Иркутскому уезду была получена в Иркутске 2 ноября 1696 г., а готовый уже чертеж был отправлен в Москву 28 мая 1697 г. (Инст. истории Академии наук, иркутские акты, картон 1-й, № 47, ссавы 2, 4—5); вероятно к тем же 1696—1697 гг. следует относить географическое описание Иркутского уезда и подчиненных Иркутску острогов, сохранившееся без начала и конца на 24 сставах, дающее очень ценные сведения по географии края (Инст. истории Академии наук, иркутские акты, картон 1-й, № 1386).

ему мало пригодились. Во всяком случае, к своей работе он приступил в том же 1696 г., не имея еще того богатого собрания чертежей, которое позднее, в 1698 г., он нашел в Сибирском приказе.

О большой работе, которую ему пришлось проделать в 1696 г. и следующем 1697 г., Ремезов рассказывает в предисловии к «Чертежу земли Тобольского города» (лист 2 «Чертежной книги Сибири 1701-го года»). Грамота Сибирского приказа была получена в Тобольске 17 апреля 1696 г., и тогда же Ремезову было поручено «написать самым добрым мастерством на холстине чертеж трех аршин двух поперег», т. е. того размера, какой приказ предписывал делать во всех сибирских городах, но не чертеж всей Сибири, для сочинения которого в Тобольске не было еще материалов. Для собирания материалов для чертежа Ремезов был послан 28 октября 1696 г. в Тобольский уезд — «по наказу и по послушной памяти допрашивать и описать» расстояния сел, деревень, рек, озер и ясашных волостей. «И в посылке Семен Ремезов многих людей русских и иноземцов, старожилов, бывальцов и ведомцов про урочища допрашивал и остроги и волости описал». Когда он вернулся в Тобольск — неизвестно, но к 15 августа 1697 г.¹ чертеж был готов, в начале сентября был сдан в воеводскую канцелярию и 18 сентября «послан из Тобольска с тобольским сыном боярским с Офонасьем с Денисовым к Москве, в Сибирской приказ». О дальнейшей судьбе этого чертежа узнаем из того же предисловия: «и на Москве (тот чертеж) свидетельствован и по описке явился похвален паче иных протчих в полностью мастерства чертежей, и о том в Тоболеск к стольнику Андрею Федоровичу Нарышкину того же году декабря в 15 день похвальная грамота [прислана]». ²

Чертеж Ремезова действительно отличается от прочих русских чертежей того времени: в нем применен, едва ли не впервые в русских чертежах, «церкильной розмер в линиях и в гранех», причем в особом пояснении к чертежу, озаглавленном «миллиарии розмер», дан масштаб. В предисловии указано подробно не только то, что изображено на чертеже, но и подчеркнуто дважды, что все «достоверные свидетель-

¹ Дата не в печатной «Чертежной книге Сибири 1701-года», а на авторской копии в «Служебной чертежной книге», л. 29.

² «Служебная чертежная книга» Ремезовых, л. 28. В печатном предисловии к листу 2 текст сокращен и в некоторых местах непонятен.

ства», на основании которых составлен чертеж, он, Ремезов, «описал подробно в сведении многих писцов, памятливых старожил, бывальцов в непроходимых местах и каменех безводных, на степех и на морех, по различным землям подлежащих жительству языков». Если бы на чертеже был изображен только Тобольский уезд XVII в., как он известен по писцовым и переписным книгам, то пришлось бы считать эту часть предисловия всего лишь риторическим оборотом писателя XVII в., как уже отмечено про Ремезова, любившего употреблять такие выражения, за которыми не всегда находили определенное содержание. В данном случае этого нет, и приведенное предисловие отражает действительную работу Семена Ремезова.

Прежде всего составленный им чертеж явился не только чертежом Тобольского уезда, но, как правильно отмечено на нем, он давал чертеж «части Сибири» — всех уездов так называемого Тобольского разряда, и ввиду этого на нем имелись чертежи не только «Тобольской земли», но также «земель» Сургутской, Березовской, Пелымской и других к западу, а на юге Тарской, Калмыцкой, Дюрбетской, Казачьей орды и др. Конечно, для этих чертежей Ремезову пришлось искать «свидетельства» не только людей, знавших Тобольский уезд, но и те далекие земли, которые граничили на севере с морем, а на юге примыкали к безводным степям. Впрочем, эти последние земли составили содержание другого чертежа. Я имею в виду «Чертеж земли всей безводной и малопроезжей каменной степи» (лист 20 «Чертежной книги Сибири 1701-го года»), который Ремезов должен был сочинить на основании другой грамоты приказа, полученной в Тобольске 14 февраля 1697 г.

В этой грамоте предписывалось допросить бывавших в Казахской юрте у Тевки хана тобольских детей боярских Федора Скибина с товарищами: «сколь далеко от Тобольска до Казачьей орды и каким путем ход бывает и много ль дней идти будет сухим путем, горы каменные есть ли и летним путем ратным людем... в кормах скудости не будет ли, и сколь рек и те реки велики ль и переправы какие через те реки, от Тевки ханова города до Бухарии сколько пути, и сухой ли путь или водяной, и буде сухим путем можно ехать, и в сколько дней поспеть можно; также от Бухарии до Яика куда ближе: в Хиву или в Астрахань и каким путем сухим или водяным, горы или камень в тех местах есть ли — [и] тому всему учинить чертеж по три аршина и на том чер-

теже написать все подлинно и подписать имянно... и тот чертеж прислать к Москве не замотчав».

На основании этого указа в Тобольской приказной палате были допрошены многие сведующие лица, и на основании их показаний составлено подробнейшее описание пути из Тобольска до Казахской орды, Бухары и Хивы, которое было использовано для сочинения чертежа, автором которого был С. У. Ремезов. Кроме данных «допроса», для сочинения чертежа «степи от Тобольска до Казахьей орды и до Бухареи Большой и до Хивы и до Еика и до Астрахани» и путей в эти области, Ремезов использовал также данные, собранные им у «Тобольского города и иных городов всяких чинов людей, старожиллов, ведомцов, бывальцов, выходцов и полонянников, русских и иноземцов: бухар и татар и калмыков и новокрещенных»; от них он «выведывал и описывал», между прочим, «немирных владельцев земли и всякие урочища, реки, речки и озера и каменные горы и пески и меж ими расстояние и до которого урочища сколько ходу». В частности, Ремезов расспрашивал про «славный Алтай камень», который «искони... создан во основании главою всех великих рек: Иртыша, Енисея, Селенги, китайской Корги, индейской Ганга и калмытских... многих рек», а также про «путь в Китай». На основании собранных таким образом свидетельств был сочинен к 3 марта 1697 г., т. е. почти в трехнедельный срок «Чертеж земли безводной и малопроездной каменной степи», который является первым чертежом Ремезова, отправленным в Москву. Как первый опыт, этот чертеж выполнен по старым образцам, без масштаба, но дает не менее ценные данные, чем и чертеж «части Сибири», которые были широко использованы в западноевропейской картографии XVIII в., хотя имя автора чертежа осталось неизвестным.¹

После отправления обоих чертежей в Москву чертежные работы Ремезова временно приостановились: общий чертеж всей Сибири, как предписывал приговор в 1696 г., он не сделал, видимо, по отсутствию нужных материалов в отношении земель, которые не были подчинены Тобольску, а может потому, что был отвлечен другой работой — составлением

¹ Сведения о составлении этого чертежа см. в «Сыском деле 1697 года о дороге в Хиву», «Рус. Архив», 1867, ст. 395—402, и в предисловии к этому чертежу. Об этом чертеже см. также Л. С. Берг, Аральское море, СПб. 1908, стр. 41—43 (автор, однако, не знает, что чертеж Ремезова на л. 22 «Чертежной книги Сибири 1701-года» составлен в силу упоминаемой в «деле» 1697 г. государевой грамоты).

чертежа Тобольского каменного города, что потребовало от него немалых трудов. Но он выполнил также другое задание, которое было поставлено Сибирским приказом перед Тобольском — составил 1) описание всей Сибири «и уезды всякому городу определил» и 2) дал описание народов Сибири.

Первая из этих работ оставалась до сих пор неизвестной. Мне не удалось отыскать ее в целом виде, но я нашел оглавление ее и несколько отрывков из нее. Они сохранились в копии, снятой для Г. Ф. Миллера,¹ и в рукописи не носят прямого указания на то, что перед нами труд Ремезова. Но ближайшее ознакомление с найденными материалами не оставляет сомнения в авторстве Ремезова. В копии чертежа Тобольской земли в «Чертежной книге Сибири 1701-го года» на л. 2 приведен в правом углу «миллиарии розмер», против него имеется надпись на голландском языке, которая в русском переводе значит: «Это объяснено в особом описании». На основании этого примечания на голландском языке А. Ф. Миддендорф в свое время обратил внимание на существование «особого описания» или «доезда» к чертежу.² Но замечание Миддендорфа осталось без внимания.

Между тем, в упомянутом выше оглавлении труда неизвестного автора имеется особая статья (глава), носящая именно такое название: «Мильлиарии размер». В оглавлении приводятся, кроме того, названия до 30 чертежей, среди них такие, о которых из других источников мы знаем, что они сделаны Семеном Ремезовым; между прочим и тот «Чертеж... Тобольской земли до Казачьей орды», о котором упомянуто выше. По поводу этого чертежа имеется в оглавлении отметка, что он «послан к Москве, а в пример в Тобольску таков оставлен в приказе в 206-м году». Как уже отмечено, чертеж Тобольской земли, сданный Ремезовым 1 сентября 1697 г., был действительно направлен в Москву в 206-м году (18 сентября 1697 г.).

В том же оглавлении под № 4 отмечен «Годуновский чертеж», который трижды воспроизводился Л. С. Багровым³ по рукописи из собрания Воронцовых-Дашковых. Эту рукопись

¹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 38, л. 58 и след.; ГАФКЭ, портф. Миллера, № 505, I, тетр. 6, лл. 1—8.

² Вестн. Русск. геогр. общ., 1857, № 5, смесь, стр. 3.

³ Карты Азиатской России, П., 1914; Картография Азиатской России, в предисловии к Атласу Азиатской России, изд. Пересел. упр., и в его «Истории географической карты» в «Вестн. археол. и ист.», 1918, в. XXIII, стр. 40.

(«небольшую тетрадку») Л. С. Багров неудачно обозначил, как «вариант» «Чертежной книги Сибири 1701-го года» Семена Ремезова.¹ На «Годуновском чертеже» этой рукописи находим тот же № 4 (писанный буквенной цифирью), под которым этот чертеж занесен в оглавление труда, о котором идет речь. Но примечательно не только это совпадение, но и то, что в «Годуновском чертеже» по рукописи Воронцовых² имеется отмеченная выше легенда, писанная рукою Семена Ремезова, из которой видно, что перед нами копия, сделанная им с «печатного подлинного чертежа... в нынешнем 206-м году», т. е. когда он уже закончил составление чертежа части Сибири.

Географический труд, оглавление и отрывки которого оказались в бумагах Миллера, видимо, состоял из оглавления, введения и двух частей: текста описания всей Сибири и приложений к нему — чертежей. Оглавление этого труда читается в рукописи Миллера так: «Оглавление: количество статьи и рукодельство зная и в дело приводит и от разума не зазор, а службы», но тем же начинается оглавление «Служебной чертежной книги» Ремезовых, где, однако, дается вполне понятный текст: «Оглавление количеству статей в книге сей, и по сей книге по указу рукоделье чертежное знати и в дело поводити образно, не в зазор службы». В обеих рукописях

¹ Кроме этого «варианта», у него же отмечены два других: 1) хранящаяся в б. Румянцевском собрании (ныне Библиот. Союза ССР им. В. И. Ленина) «Чертежная книга Сибири 1701-го года», с которой «рукописная копия», по словам Л. С. Багрова, «находится в рукописном отделении Библиотеки Академии наук» (ныне в отделе особых фондов Библиот. Акад. наук СССР под шифром—«роск. д/29»,—копия в красках, в величину Румянцевской копии, сделана в 1858 г. в С. Петербурге Сунгуровым; другая копия с той же чертежной книги Ремезова Румянцевского собрания, не отмеченная Л. С. Багровым, была получена в 1861 г. Археографической комиссией от С. Ф. Лыткина («Прот. Археогр. ком.», СПб. 1892, вып. 3, стр. 314—315), где и хранилась до 1929 г., но ныне оказывается утерянной), 2) подлинный чертеж Сибири, переданный в 1907 г. из Екатерингофского дворца в Геогр. общ. в Петербурге. Основываясь на этом неточном сообщении Л. С. Багрова, М. П. Алексеев говорит уже (Сибирь в известиях зап. евр. путеш. и писат., I, ч. 2, стр. 63) о «четырех вариантах рукописного атласа Ремезова», в одном из которых, «хранящемся в Археографической комиссии», Л. С. Багров будто бы нашел «Годуновский чертеж».

² Рукопись из собр. Воронцовых, кажется, и является той рукописью. Оглавление которой находится в бумагах Г. Ф. Миллера; оно было получено им, надо думать, от Воронцовых, с которыми Миллер был в близких отношениях; рукопись ныне считается утерянной. Сношения Археогр. ком. в 1928 г. с М. А. Цветковым, который, как редактор карт Атласа Азиатской России, был последним, пользовавшимся этою рукописью, не дали положительных результатов.

можно найти далее сходные статьи.¹ Это также дает основание утверждать, что перед нами работа Ремезова, но относящаяся ко времени более раннему, чем «Служебная чертежная книга», заведенная им в 1699 г., как книга авторских копий с тех чертежей, которые он отправил в Москву в 1701 г. и в следующие годы. Впрочем, и помимо этого сходства, рукопись является ответом на те вопросы, которые были поставлены перед Ремезовым в 1696 г. Он собрал тот разнообразный географический и иной материал, о котором говорит оглавление этого не сохранившегося в целом труда, посвященного в основном географическому описанию Сибири.

Во введении к нему (главы 1—18) Ремезов давал некоторые рассуждения и материалы, часть которых сохранилась в его «Служебной чертежной книге». Здесь, кроме отмеченных уже сходных статей, были статьи: «Писание о Сибири», (ст. 13) (объяснение названия Сибири), «О значении имени Тобольского града» (ср. в «Служебной чертежной книге», л. 14 об.), «Описание дороги Московской» (ст. 18) и др.

В книге было дано также описание рр. Тобола, Мияса, Исети, Синары, Уфы, Пышмы, Туры, Ницы, Тавды, Конды, Иртыша «со всеми жильми и град Тобольск и до вершины Иртыша до калмыцких жилищ», реки «Демьяна», степи Барабинской с урочищами до р. Оби, степи Калмыцкой, рр. Вагая, Ишима, степи до Казачьей орды, р. Яика, моря Мангазейского, рр. Оби, Сосвы, Ваха, Васюгана, Кети, Чулыма, Томи, Бии и Катунь, Енисея, «поморья» Туруханского, трех рек Тунгусок, р. Илима, моря Байкала, рр. Селенги, Амура, Лены, Вилюя, Алдана и Колымы. Описание, таким образом, производилось по основным путям Сибири — рекам, и на них отмечались волости, деревни и юрты и пр. и расстояния между ними. К описанию рек были приложены чертежи, сначала тобольские (ст. 63—74), а затем, как и требовал приговор 10 января 1696 г., «чертежи граней уездов» Тюменского, Тарского и других уездов не только Западной, но и Восточной Сибири, надо полагать, всего лишь с указанием границ уездов.

¹ Рукопись Миллера — оглавление: № 1 «доезд по грамотам великого государя...», в «Служебной чертежной книге», № 1 «указание московского доезда»; № 2 «крузи вселенные на пример чертежа», в «Служебной чертежной книге», то же на л. 5 об., № 3 «лист чертежем греческой печати», то же в «Служебной чертежной книге», л. 22; № 4 «Годуновской чертеж», в «книге», лл. 30—31; № 10 «матка по знакам ветров», № 11 «мильарин размер» и № 12 «знаки урочищам» имеются также в вводной части «Служебной чертежной книги» и др.

В книге, с которой для Миллера снята была копия с оглавления и части книги, — было 175 листов, из которых в копии Миллера приведена лишь небольшая часть: 1) о значении слова Сибирь (ст. 13), 2) о дороге Московской (ст. 18) и 3) часть описания р. Тобола (ст. 19). Впрочем, часть статей введения, как уже отмечено, сохранилась в «Служебной чертежной книге» Ремезова, а некоторые чертежи приводятся в печатной «Чертежной книге Сибири 1701-го года» и в той же «Служебной чертежной книге».

Таким образом, как и при сочинении общих чертежей Сибири 1629, 1667 и 1673 гг., было и теперь составлено описание всей Сибири.

Кроме отмеченных выше чертежей, в оглавлении к книге названо еще несколько чертежей, из них некоторые повторяются в «Служебной чертежной книге» («чертеж каменного городского строения», «чертеж городского валового строения и обрубку» и др.), о других же Ремезов упоминает в предисловии к «Чертежной книге Сибири 1701-го года» («во 192 и 3-м годах чертеж в дополнение к прежнему, кой писан во 176-м году про знание жилья» и др.). В той же книге было 18 чертежей граней уездов, которые были бы интересны потому, что были составлены Ремезовым еще до того, как в Сибирском приказе были получены из сибирских городов чертежи их земель; ни один из этих 18 чертежей до нас не дошел.

Что касается еще одной работы, которую приговор 10 января 1696 г. предписывал выполнить в Тобольске — именно, составить описание народов Сибири, то о ней скажу далее при обзоре этнографических работ С. У. Ремезова; отмечу лишь, что и она была исполнена им в 1696—1697 гг.

По выполнении работ, указанных выше, Ремезов должен был приняться за новую работу.

3. Известно, что в течение XVII в. Тобольск несколько раз горел, причем в огне не один раз погибали казенные здания. В связи с неоднократными большими расходами на восстановление сгоревшего города, в 1697 г. в Москве, в Сибирском приказе, возникла мысль о построении вместо большого деревянного города, каким был Тобольск в то время, небольшого каменного города, который вместил бы все казенные учреждения, сделанные в этом новом городе не из дерева, а из камня по тем образцам, которые имелись в Москве. Соответствующая грамота из Сибирского приказа была получена в Тобольске в мае 1697 г., и еще до оконча-

ния чертежа «части Сибири» Ремезов должен был приступить к новой работе: составлению проекта и сметы нового каменного города в Тобольске. Об этих его трудах мы до сих пор ничего не знали, хотя соответствующая переписка тех лет была известна Г. Ф. Миллеру, по поручению которого были сняты копии со всех грамот Тобольской губернской канцелярии, касающихся построения каменного Тобольска (в 1699—1706 гг.).¹ Интересная своими техническими подробностями, эта переписка должна бы привлечь внимание историков строительной науки, которые лучше неспециалистов разберутся в тех многочисленных чертежах и справках, которые имеются по этому делу также в «Служебной чертежной книге» Ремезовых (лл. 20—21 об., 135 об.—142, 147 об.—154). Во всяком случае, Ремезов встает перед нами в новой роли проектировщика, архитектора и строителя города. Выписка об его службе («Служебная чертежная книга», лл. 37 об.—38) отводит этой работе Ремезова, занимавшей его в течение семи лет, весьма большое внимание и сообщает много подробностей об отдельных моментах работы. Сам Ремезов, видимо, очень близко входил во все подробности дела и, по его словам, «будучи у того каменного строения с 205-го года мая в 18 день, работал усердно, по вся дни безпокойно, с начала розмеру земли под город сажень и розметной росписи и письма и чертежей и во всех припасах городского всякого строения, и бывши у земельных, судных и сыскных земельных и описных дел семь лет, по 214-й год июня по 20-е число будучи работал, обнищал и обезножил». Упомянутые выше проект и смета к нему были закончены Ремезовым в июне 1698 г., когда, для защиты своего проекта, он был отправлен 5 июля в Москву, куда прибыл 14 августа. В тот же день он «подал в Сибирском приказе отписку и доезд и наличной чертеж со всякою отповедью. И дано ему Семену и с сыном Семеном великого государя жалованье в оклад и в приказ корм и выход в довольство и указано быть на Москве в доме ближнево боярина Михаила Яковлевича Черкасского в пропитаньи...» Во время пребывания в Москве Ремезов был «в научении в Оружейной палате», в ведении которой находилось «каменное строение всяких дел», а когда он отправился обратно в Тобольск, то ему «в пример» была дана «строения

¹ ААН, ф. 21, оп. 4, № 13, лл. 131 об. — 142 об., № 48—54; опись этого дела там же, № 14, лл. 25 об. — 27.

печатная книга фряжская». Грамотой 4 декабря 1698 г.,¹ которую вез с собой Ремезов, предписывалось поставить его во главе каменного строения в Тобольске «для того что ему всякие чертежи делать за юбычай, и как сваи бить и глину разминать, и на гору известь и камень и воду и иные припасы втаскивать, и о том ему на Москве в Сибирском приказе пространно и довольно сказано, и мельничные колеса на пример ему на Москве показывали».

Но изучение всех этих вещей не являлось все же главным занятием Ремезова во время пребывания его в Москве с середины августа до начала декабря 1698 г., и лестная оценка его работы, как «чертещика», была основана на других его работах, которыми он занялся сразу же по приезде в Москву.

4. Обстоятельства составления общего чертежа Сибири, которым Ремезов стал заниматься в первые же дни по приезде в Москву, описаны им в предисловии к этому чертежу. Но в его изложение вкралась неточность, довольно обычная для Ремезова, если только она не принадлежит тому лицу, которое делало копию с этого чертежа для «Чертежной книги Сибири 1701-го года». На основании предисловия выходит, что Ремезову, бывшему в Москве, 20 сентября 1697 г. было приказано сделать два общих чертежа Сибири, один на белой китайке, другой на лощеной бязи, размером 6×4 аршин, что и было выполнено им при помощи сына Семена к 8 ноября 1697 г., — между тем, в заглавии общего чертежа Сибири сказано, что он «писан на Москве в Сибирском приказе со всех городских чертежей в 1698-м году сентября 18». Очевидно, правильной является эта последняя дата, т. е. окончание работы Семена Ремезова и сына его Семена должно быть отнесено к 18 сентября 1698 г., так как в 1697 г., в сентябре и позже, Ремезов находился в Тобольске, а в Москву был послан только 5 июля 1698 г., в Сибирский приказ явился 14 августа, после чего и приступил к работе.

Требование приговора 10 января 1696 г. сделать в Тобольске общий чертеж всей Сибири, как уже отмечено выше, не было выполнено: на основании имевшихся в Тобольске материалов Ремезов мог на месте сделать лишь чертеж «части Сибири», городов и уездов Тобольского разряда, и «чертеж степи безводной», — для остальной же части материалы были получены им только в Москве. По прибытии туда он сразу же принялся за выполнение этой работы: как отмечает то же

¹ ААН, ф. 21, оп. 4, № 13, л. 136—136 об.

предисловие к листу 21 «Чертежной книги Сибири 1701-го года», «Семен Ремезов, бывши на Москве с сыном Семеном, снявши переводы (т. е. копии) с парчей со всех городских чертежей 18-ти, привезенных к Москве», сделал прежде всего «обращатой» чертеж бумажный.

В послужном списке о своей работе 207-го года Ремезов записал так: «в 207-м, будучи на Москве, по указу снял образцы со всех городских чертежей, с парчей, и в Сибирском приказе написал с тех парчей всех городов обращатой чертеж на китайке белой и другой в Кремль государю шти аршин на лощеной бязи в верх, в дубовую палату». Размер «обращатого чертежа» здесь не указан, но в другом месте своей «Служебной чертежной книги» (л. 21 об.) Ремезов говорит об этом определенно: «и живучи на Москве... ис тех (городовых) чертежей выбрал и написал на белой китайке длины 4 аршина, поперек 2 аршина; таков образец в сей книге на листу 37». Этот чертеж, сделанный вопреки мнению А. В. Григорьева и Михова (см. далее) не в Тобольске, а в Москве, сохранился и поступил в 1907 г. в Русское географическое общество в Петербурге. Внимательно изученный А. В. Григорьевым в его работе — Подлинная карта Сибири XVII в. (Работа Семена Ремезова),¹ чертеж был неправильно отнесен им к 1697 г., ко времени пребывания Ремезова в Тобольске; А. В. Григорьев основывался, между прочим, на известии Черепановской летописи, где сказано под 1697 г., что «чертеж тобольский сочинял тобольский сын боярский Семен Емельянов (ошибка — Ульянов) Ремезов с детьми своими Леонтьем, Семеном и Иваном, который послан в Москву с тобольским сыном боярским Афанасьем Даниловым сего лета (7206, от Р. Х. 1697) сентября 18»,² но, как уже отмечено выше, в этот день был послан в Москву не чертеж всей Сибири, а всего лишь чертеж «части Сибири». И указ Петра I, которому, по догадке А. В. Григорьева, казалось нетерпимым дальнейшее «мотчанье» в исполнении предыдущего указа от 10 января 1696 г., состоялся не через два дня по отсылке из Тобольска чертежа «части Сибири», а спустя год после того, т. е. 20 сентября 1698 г.; приезд же Ремезова в Москву последовал «не вскоре» после 18 сентября 1697 г., когда он был еще в Тобольске, а тоже почти через год, 14 августа 1698 г. Таким образом первый «обра-

¹ «Журн. Мин. нар. просв.», 1907 г., октябрь, стр. 374—381.

² Гос. Публ. библ. Ф. IV, № 324, л. 100.

щатой чертеж» всей Сибири был составлен Ремезовым при содействии его сына Семена в Москве между 14 августа и 20 сентября 1698 г., когда состоялся новый указ: по составленному образцу сделать другой чертеж большего размера; этот второй чертеж, законченный к началу ноября того же года, до нас не дошел.

В эти же месяцы Ремезовым были сняты копии на александрийской бумаге со всех городских чертежей, а также с «обращатого» чертежа, составленного им самим; эти копии были взяты им с собой при отъезде в Тобольск в декабре 1698 г.

5. По окончании работы и представлении общего чертежа Сибири, предназначенного для Кремля, 18 ноября 1698 г. состоялся новый государев указ: «велено тобольскому сыну боярскому Семену Ремезову писать вновь в Тобольску на александрийской бумаге с привезенных к Москве сибирских городских чертежей..., подобно привозным образцам, в 206-м году свидетельствованным многими достоверными писцы и ведомцы и старожилы», и, кроме того, «вновь писати (чертеж)... Великопермские и Печерские Поморские Двинские страны по допросам... и написавши, привести к Москве...».

Прибыв в Тобольск 1 января 1699 г., Семен Ремезов, по его словам, «о чертежах вновь допрашивал всяких разных чинов русских людей и иноземцов и иностранных жителей, пришельцев в Тобольск, старожилы, уроженцы, памятливых бывальцов, казанцев, уфимцев, пермяков, усольцов, хеврольцов, яренчан, устюжан, мезенцев, колмогорцев, корельцов, пинежан, новгородцов (т. е. жителей тех мест, которые нужно было дать на чертеже Великопермской и Двинской земель — А. А.), пословно выпрашивал меру земли и расстояние пути городов, и сел и волостей, про реки, речки и озера и про поморские берега, губы и острова и промыслы морские, про горы и леса и про всякие урочища, кои в прежних чертежах (т. е. в составленных в сибирских городах и в копиях, снятых в Москве — А. А.) издавна не написаны, всякого человека про свой город и урочища».¹ Ремезову предстояло сделать удобную для пользования книгу чертежей всех сибирских городов, предварительно сочинив еще новый чертеж или, вернее, даже не один. «И по таким допросам, — продолжает

¹ Цитирую по тексту «Писания до ласкового читателя», приведенному в «Служебной чертежной книге» Ремезовых, который отличается от текста того же «Писания», находящегося в «Чертежной книге Сибири 1701-го года».

он, — зачал работати... книгу в 207-м году генваря с 30-го числа со всяким прилежанием з детьми и по допросам написал вновь семь листов да с прежних образцов городских сибирских низовых чертежей, которые были присланы и сняты на Москве, 17 листов. И писал с прилежанием по 209-й год, от Рождества Христова 1701-й, генваря по 1-е число». Такой сравнительно большой промежуток времени, который потребовался Ремезову для составления чертежной книги, объясняется не только тем, что работа по составлению новых чертежей потребовала много времени, но также и тем, что, одновременно с поручением составить чертежную книгу, государева грамота от 4 декабря 1698 г., как уже сказано выше, предписывала тобольским воеводам «приставить» Семена Ремезова «к каменному строению Тобольска» по тому плану и чертежу, который был сочинен им же. Эта работа сильно отвлекала его от чертежных и иных научных работ. Но, несмотря на неоднократный отрыв от работы по составлению чертежной книги, Семен Ремезов, при помощи сыновей, окончил ее, как сказано, к 1 января 1701 г., т. е. спустя почти два года после того, как он к ней приступил по возвращении из Москвы.

6. Эта чертежная книга Ремезова давно уже известна в исторической литературе: первые сведения о ней даны в описании рукописей Н. П. Румянцева, составленном А. Х. Востоковым и вышедшем в 1842 г.¹ К сожалению, ни в описании, ни в переписке и литературе о Н. П. Румянцеве нет сведений о том, откуда получил он рукопись чертежной книги. Востоков опустил при описании предисловия к некоторым из чертежей этой книги, и они были позднее, в 1862 г., напечатаны в Архиве исторических и практических сведений Н. В. Калачова (кн. 4), а вся книга — размером оригинала — была воспроизведена в 1882 г. фотолитографским способом, как издание Археографической комиссии, исполненное на средства П. И. Лихачева. Изданию предшествует предисловие, составленное Л. Н. Майковым.² В нем последний, полагая, что «ход картографических работ Ремезова обстоятельно описан им самим в его предисловии и в примечаниях к отдельным

¹ Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым, СПб., 1842, стр. 483—487. Во второй раз чертежная книга была описана в труде Н. А. Попова, Татищев и его время, СПб., 1860, стр. 577—581.

² Предисловие не подписано, но об авторстве Л. Н. Майкова см. «Летоп. зан. Археогр. ком.» 1893, IX, прот., стр. 10.

чертежам», не признал необходимым повторять содержание его сообщений, но все же кой-какие подробности привел, причем сообщил, что «еще в 1695 г. (Ремезов) представлял в Сибирский приказ карту Сибири, за которую и получил одобрение». В известных мне источниках и литературе это сведение не находит подтверждения.

Тот же Л. Н. Майков пишет о дальнейшей работе Ремезова: «Затем на него было возложено поручение свести в одно целое все присылаемые из Сибири карты, и он исполнил этот труд в 2 экземплярах на листах александрийской бумаги, по 14 футов длины и 9 с третью футов ширины каждый». Несомненно, это известие взято из «Писания до ласкового читателя» — предисловия Ремезова к «Чертежной книге Сибири 1701-го года», но экземпляры общей карты Сибири, впервые сделанные Ремезовым в Москве в 1698 г. на китайке и на бязи, превратились здесь в экземпляры на александрийской бумаге невероятного для этой бумаги размера. В основном же Л. Н. Майков повторил буквально замечания о чертежной книге А. Ф. Миддендорфа, сделанные им в письме в Русское географическое общество в 1851 г.¹ и в части I его Путешествия на север и восток Сибири. СПб., 1860, стр. 38—39. А. Ф. Миддендорф дал общую оценку карт Ремезова и их значения для картографии Сибири и признал, между прочим, что «древнейшие карты» Сибири Витзена и Избранда Идеса были заимствованы у «нашего» Ремезова. Как и Востоков, Миддендорф обратил внимание на голландские надписи, приписанные наряду с русскими почти на всех картах атласа; по его мнению, надписи «доказывают, что атлас этот послужил, между прочим, для позднейших пополнений Витзеновой карты Сибири».

Но ни один из упомянутых исследователей не остановился на вопросе о происхождении Румянцевской рукописи чертежной книги: является ли она той чертежной книгой, которую сделал Ремезов с сыновьями в 1699—1700 гг., или же она всего лишь копия с той и тогда какого времени, кем и по чьему поручению сделана эта копия, а в связи с этим — кому же принадлежат эти голландские надписи на карте; если же это копия, то какое ее отношение к своему оригиналу: повторяет ли она его буквально, или неизвестный копиист проявил здесь самостоятельность и сделал отступления от своего оригинала.

¹ «Вестн. Рус. геогр. об-ва», 1857, вып. V, смесь, стр. 1—4.

В последующей литературе мы также не найдем ответа на все эти вопросы, имеющие большое значение для научной оценки «Чертежной книги Сибири 1701-го года», изданной в 1882 г. по рукописи неизвестного происхождения, оказавшейся в собрании Н. П. Румянцева. К тому же и литература об этом памятнике весьма небольшая. Стоит отметить лишь работы Н. Н. Оглоблина — Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова, СПб., 1891, известные Материалы по истории русской картографии В. А. Кордта, Киев 1906, серия II, вып. I, и весьма ценный отзыв о них И. И. Лаппо, напечатанный в «Учен. зап. Юрьев. унив.», Юрьев, 1908, а также упомянутую выше работу А. В. Григорьева и статью известного немецкого исследователя древнерусских карт Г. Михова, напечатанную в «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1908, стр. 36—41, и посвященную, как и статья А. В. Григорьева, переданной из б. Екатерингофского дворца в Русское географическое общество подлинной карте всей Сибири Ремезова и сына его Семена; следует указать также на упомянутые выше труды Л. С. Багрова.

7. Располагая лишь теми материалами о работах Ремезова, которые мы имели до сих пор, трудно было дать более или менее удовлетворительный ответ на поставленные выше вопросы. В поисках нужных материалов я нашел недавно новые данные о Ремезове, которые позволяют по иному осветить его работу по картографии Сибири и значительно расширят наши сведения о нем, как географе и этнографе Сибири.

В ходе работ о Ремезове мне казалось, что составленные им чертежи «части Сибири», а затем и всей Сибири, должны были сопровождаться чертежным описанием: за это говорила своего рода традиция в этой области. Первый русский чертеж всей Сибири 1629 г. имел при себе и чертежное описание, давно уже напечатанное. Чертежные описания всей Сибири 1667 и 1673 гг. были также приложением к чертежам этих лет. Казалось, что и чертежи Ремезова должны сопровождаться таким же чертежным описанием. Как отмечено, эту работу Ремезов выполнил в 1696—1697 гг., но это чертежное описание до сих пор не было найдено. Ныне удалось отыскать часть его, о которой сказано выше.

Но, что более важно, удалось обнаружить подлинные Ремезовские чертежи, с которых им были сняты в 1699—1700 гг. копии для «Чертежной книги Сибири 1701-го года», удалось найти, наконец, и часть того описания народов Сибири, которое приговор 10 января 1696 г. предписывал соста-

вить в Тобольске; к этой последней работе в 1699—1700 гг. была сочинена этнографическая карта Сибири.

8. Но прежде чем приступить к изучению подлинных чертежей Ремезова, следует остановиться еще на некоторых вопросах, которые тесно связаны с той же «Чертежной книгой Сибири 1701-го года», о которой уже отчасти шла речь выше.

В рукописи «Чертежной книги Сибири 1701-го года», находящейся в Румянцевском собрании, единственной известной до сих пор, на большей части чертежей, наряду с русскими названиями, под ними или рядом, сделаны голландские надписи, причем эти последние не всегда являются простым переводом русских. Они заставляли думать, что атлас Ремезова послужил, между прочим, для позднейших пополнений Витзеновой карты Сибири. Следы такого же заимствования у Ремезова находим и на карте Избранда Идеса.

Не касаясь вновь общей оценки карты Витзена, сделанной уже выше, следует остановиться на вопросе о том, знал ли Витзен «Чертежную книгу Сибири 1701-го года», как полагают некоторые старые исследователи.

Как известно, карта Витзена помечена 1687 г., а фактически вышла значительно позже, но едва ли позднее 1696—1697 гг., чертеж же всей Сибири был составлен только в августе-сентябре 1698 г., а вся «Чертежная книга Сибири» поступила в Сибирский приказ только в 1701 г.; потому нет оснований полагать, что чертежи Ремезова были известны Витзену, когда он выпускал свою карту.

Следует заметить, кроме того, что голландские надписи, имеющиеся на некоторых чертежах «Чертежной книги Сибири», не имеют сходства в транскрипции с теми, которые при тех же географических объектах имеются на карте Витзена и, что самое главное, на карте Витзена, как отмечено мною выше, столько нелепостей и ошибок, которых не было бы, если бы речь шла здесь о заимствовании в узком смысле слова. На основании произведенного сличения, я думаю, что невозможно говорить о влиянии Ремезовских чертежей на карту Витзена. Впрочем, более осторожные исследователи говорят о влиянии чертежей Ремезова не на карту Витзена, а на последующие издания его карты, подразумевая под этим те карты на иностранных языках, которые считаются в основном повторяющими карту Витзена (сама карта Витзена вторично не издавалась); к числу их прежде всего относят карту Избранда Идеса, впервые напечатанную в 1704 г. в приложе-

нии к голландскому изданию его описания путешествия в Китай, изданному Витзенем.

Сам Витзен писал в 1704 г., что в основу карты Избранда Идеса положена его карта, в которую Избранд Идес внес дополнения и исправления, но источник их не указывает. Выше уже отмечено, что карта Избранда Идеса, по существу, является совершенно новой картой, с которой исчезли многочисленные ошибки и нелепости, имеющиеся у Витзена. Указания же на места жительства различных народов Сибири, изображения Камчатки в виде реки с городом на ней и пр. ведут нас к основному источнику Избранда Идеса — общему чертежу Сибири 1698 г., составленному Ремезовым в Москве. При своих связях с Виниусом Избранд Идес легко мог получить не только этот чертеж, но и чертежи сибирских уездов, из которых кое-что также попало на его карту. Из того, что карта Избранда Идеса оказалась в копии в «Служебной чертежной книге» Ремезова,¹ возможно, что она была уже готова к концу пребывания последнего в Москве (т. е. к ноябрю 1698 г.), что вносит любопытную подробность в историю редактирования ее Витзенем, который в 1704 г. знал уже (так как имел в руках сказки Атласова), что Камчатка полуостров, но оставил ее на карте Избранда Идеса в прежнем виде.

Таким образом, если говорить о влиянии «Чертежной книги Сибири 1701-го года» на западноевропейскую картографию, то следует оставить в стороне карту Витзена и считать вполне возможным, что не через нее, а через карту Избранда Идеса, представляющую нечто вполне самостоятельное по сравнению с картой Витзена и притом несколько раз переиздававшуюся, в западноевропейскую картографию стали проникать более правильные географические известия о Сибири.

Вопрос о влиянии Ремезовской «Чертежной книги Сибири 1701-го года» на карту Витзена, несомненно, зародился в связи с наличием на экземпляре этой книги в Румянцевском собрании голландских надписей, причем один из исследователей (Г. Михов) даже склонен был считать их принадлежащими самому Витзену. Но и теперь, когда отношение Витзена

¹ Гос. Публ. библ., Эрмит. собр., № 237, л. 4 об., под № 27: «Чертеж посланника Елизара Избранта», лист. 31. В тексте книги этот чертеж оказался утерянным, как и тот «Чертеж земли всей Сибири, писан с немецкого печатного листа», № 25 на листе 29, под которым, может быть, следует разумеать карту Витзена.

к чертежам Ремезова должно представляться в ином виде, все же остается неразрешенным вопрос о голландских надписях на экземпляре «Чертежной книги Сибири 1701-го года», имеющейся в Румянцевском собрании. Этот вопрос стоит в тесной связи с вопросом о происхождении Румянцевской рукописи.

9. Вопрос о происхождении рукописи «Чертежной книги Сибири 1701-го года», которая имеется в собрании Румянцева и по которой она издана в 1882 г., не получил до сих пор того или иного решения. У одного лишь А. Ф. Миддендорфа¹ имеем определенный взгляд по этому вопросу. Он полагает, что «чертежная книга... снята самим Ремезовым с составленного им при содействии сыновей и представленного в Сибирский приказ в Москве чертежа...», но против этого легко возразить указанием на то, что первоначальная чертежная книга, составленная Ремезовым с сыновьями к 1 января 1701 г., была иного размера, на ней не было голландских надписей, и затем, самое главное, надо еще доказать: принадлежат ли Ремезову или кому-либо из его сыновей те русские надписи, которые имеются в «Чертежной книге Сибири» в собрании Румянцева; ведь они все сделаны одним почерком и, несомненно, писаны одним лицом, которое выставило также при этих русских надписях арабские цифры, надо полагать, для включения географических названий в тот «каталог», который должен был сопровождать чертежную книгу. Вместе с тем, остается невыясненным, кем же и для чего сделаны голландские надписи на всех почти чертежах чертежной книги, причем эти надписи не всегда являются простым переводом соответствующих русских надписей, а иногда переводом неправильным. Впрочем, у того же А. Ф. Миддендорфа имеется некоторое объяснение появления на русском чертеже, наряду с русскими, голландских надписей. «Славная карта знаменитого Витзена, вышедшая впервые в 1692 г.,² составлена на основании материалов, имевшихся в Сибирском приказе и вошедших в состав атласа Ремезова,³ а переводы надписей этого атласа на голландский язык... и некоторые замечания на голландском языке в экземпляре Румянцевского

¹ «Вестн. Рус. геогр. об-ва», 1857, вып. V, смесь, стр. 1—4.

² Мы видели выше, что она появилась позже; к 1692 г. относится появление первого издания — Noord en Ost Tartarye.

³ Выше было указано, как плохо использовал Витзен те материалы Сибирского приказа, которые были в его руках.

музея доказывают, что этот экземпляр в особенности служил источником дальнейших поправок карты Витзеновой».

Значит, если правильно понять мысль Миддендорфа, то следует думать, что голландские надписи потребовались для одной из голландских переработок карты Витзена (сама она вторым изданием не выходила). Последней весьма условно можно признать карту Избранда Идеса, но на ней надписи не на голландском, как у Витзена, а на латинском языке. Но, может быть, наша рукопись служила лишь пособием для того голландца, который перерабатывал карту Витзена на основании русских чертежей, надписи которых были переведены на голландский язык, причем результат этой переработки появился только на латинском языке (карта Избранда Идеса), так как переработанных карт Витзеновского типа с надписями на голландском языке неизвестно. Нельзя не признать такое допущение возможным, но мало вероятным. Между тем, может быть дано иное и более простое объяснение происхождения экземпляра «Чертежной книги Сибири 1701-го года» с голландскими надписями.

Прежде всего несколько слов о русских надписях экземпляра чертежной книги из собрания Румянцева. Они действительно принадлежат одному лицу, но писаны не Семеном Ремезовым, почерк которого известен. Однако почерк надписей в Румянцевской копии чертежной книги неожиданно оказывается весьма сходным с тем, которым писан текст вставных листов Ремезовской летописи (статьи 5, 6, 7, 8, 49, 50, 51, 52, 73—80, 99—102, 140—147), а также вставки, нумерация и колонтитулы («История сибирская») других листов той же летописи. С. В. Бахрушиным высказано предположение,¹ что вставки в основной текст Ремезовской летописи сделаны самим Ремезовым или одним из его сыновей. Почерк «Чертежной книги Сибири 1701-го года» по списку Румянцевского собрания и почерк вставных листов Ремезовской летописи не встречается, однако, в «Служебной чертежной книге» Ремезова и его сыновей, где имеются почерк Ремезова и несколько почерков, несомненно принадлежащих его сыновьям.

Обстоятельства, при которых выполнена большая работа по снятию копии с некоторых листов «Чертежной книги Сибири 1701-го года», мне пока неизвестны, но я думаю, что можно определенно говорить, когда и для какой цели была сделана

¹ Очерки по истории колонизации Сибири, стр. 27, прим.

эта копия, в которой другое лицо, знавшее голландский язык, сделало во многих случаях голландские надписи.

Работа по снятию копий с чертежей, вошедших в чертежную книгу, была начата еще до получения в начале 1701 г. от Ремезова чертежной книги: некоторые листы в экземпляре чертежной книги Румянцевского собрания не похожи на те, которые имеются в «Служебной чертежной книге» Ремезова, например, «чертеж Енисейского города», который в «Служебной чертежной книге» не имеет, между прочим, даты его составления и вычерчен значительно тщательнее, чем в Румянцевской чертежной книге 1701 г.; таким же отличным от соответствующих им чертежей в «Служебной чертежной книге» являются чертежи «земли Тюменского города», а особенно Нерчинского и Якутского города, причем в «Чертежной книге Сибири 1701-го года» эти два последние чертежа резко отличаются от чертежей «Служебной чертежной книги». Эти отличия объясняются тем, что они являются копиями тех чертежей, которые имелись в архиве Сибирского приказа уже к приезду Ремезова в Москву в августе 1698 г., а им впоследствии были включены в чертежную книгу в несколько измененном виде, причем в его «Служебной чертежной книге» осталась копия этих исправленных чертежей, в Румянцевской же рукописи копия с неисправленных чертежей.

Таким образом снятие копий с чертежей сибирских городов могли начать уже в 1697 г., когда в Сибирский приказ начали поступать с мест такие чертежи, но, вероятнее всего, за это дело принялись не ранее следующего года, о чем скажу несколько далее. Во всяком случае работа не могла быть закончена, пока от Ремезова не поступили чертежи, сделанные им в дополнение к полученным в Москве в сентябре — декабре 1698 г.; эти вновь составленные им чертежи были получены в Москве только в начале 1701 г. и все имеются в копии с чертежной книги, представленной в Румянцевской рукописи. Можно предполагать, что работа по снятию копий была закончена ранее 1703 г., для этого имеется следующее доказательство: по грамоте 12 апреля 1703 г. Семену Ремезову и его сыну Леонтию было поручено составить описание и чертеж Кунгура и Кунгурского уезда, что и было выполнено ими летом 1703 г.; копия с «чертежа Кунгурской земли» имеется в «Служебной чертежной книге» (лл. 67—68 об.), причем в объяснении к нему, между прочим, читаем: «написан вновь сей лист в чертежную книгу к прочим 23-м чертежам, кото-

рая книга зделана... по указу великого государя 1701-го году генваря в 1 день на александрийской бумаге». В чертежной же книге, которою пользовались для снятия копий, этого чертежа еще не было, а потому его нет и в Румянцевской рукописи, для которой *terminus ante quem* будет 1703 г. Таким образом копия «Чертежной книги Сибири 1701-го года», по рукописи Румянцевского собрания, не являясь, в сущности, точной копией чертежной книги Ремезова, по времени составления ее может быть отнесена к 1698—1702 гг. Эта датировка в полной мере совпадает по времени с теми обстоятельствами, которые вызвали приготовление этой копии.

10. Итак, для какой же цели потребовалось сделать копию с чертежей сибирских городов и уездов и с других чертежей, вошедших в «Чертежную книгу Сибири 1701-го года» и снабдить их не только русскими, но также голландскими надписями? Догадку Миддендорфа о том, что все это делалось для какого-то переработанного издания карты Витзена пришлось оставить. Перед нами, несомненно, нечто большее: мы имеем перед собой рукопись чертежной книги Сибири 1701 г. на русском и голландском языках, с приложением, если судить по нумерации географических пунктов на некоторых чертежах, чего-то похожего на «каталог», который имеется по краям первого чертежа этой книги — «чертежа града Тобольска...»; в других чертежах это описание на русском и голландском языках должно было, повидимому, войти в особое приложение — описание чертежной книги, причем по тому, как расположены, например, номера на чертежах всей Сибири и Великопермской и Двинской земли (реки, на них занумерованы их притоки и населенные пункты, причем нумерация по каждой реке идет с № 1), можно догадываться, что это описание было построено по тому же плану, который был в «Описании Сибири», представленном Ремезовым в 1698 г., т. е. являлось описанием речных систем. Так как только на некоторых чертежах мы имеем нумерацию географических пунктов (из них к четырем, составленным Ремезовым), надо думать, что перед нами незаконченная работа, причем из городских чертежей обработаны для «каталога» или описаны только три чертежа: Верхотурского, Якутского и отчасти Иркутского уездов.

Все эти подробности легко объяснить, если знать, для чего производилась вся эта работа. Мы не располагаем прямыми свидетельствами источников об этом, но, я думаю, что

и косвенные указания помогут объяснить дело составления копии «Чертежной книги Сибири 1701-го года» и описания к ней.

10 февраля 1700 г. жителю города Амстердама Ивану Андрееву сыну Тессингу была дана царем Петром жалованная грамота, в которой, между прочим, читаем: «... пожаловали его, поволили в том городе Амстердаме печатать земные и морские картины и чертежи и листы и персоны и математические и архитектурские и городостроительные и всякие ратные и художественные книги на славянском и на латинском языках вместе, також и славянским и голландским языком по особно»; по отпечатании в Голландии привозить в Архангельск и иные места и торговать «сроком на 15 лет»; «и мы... пожаловали (продолжает грамота), повелели ему в том городе Амстердаме печатать европейские, азиатские и америцкие земные и морские картины и чертежи... на славянском и на голландском языках вместе, также на славянском и голландском языках порознь по-особну, с подлинным размером и с прямым известованием, кроме церковных славянских и греческого языка книг... и что по нашему же великого государя... указу, до вышеупомянутого его Иванова челобитья (1698 г. — А. А.), повелено и дана наша царского величества Московского государства жителю голстейнцу Елизарью Избранту о печатании в Голландской земле и о вывозе в наше царского величества Московское царство таблиц с написанием в чертежах и книгах Сибирскому нашему царствию и Китайскому владению городам и землям и рекам под нашим великого государя именованьем, на славянском и на голландском языках...».

Текст этой грамоты, напечатанный в Полном собрании законов, т. IV, № 1751, и перепечатанный оттуда в Письмах и бумагах Петра Великого, I стр. 328—331, давно уже обратил на себя внимание. В частности, то место, где говорится о привилегии, данной Избранту Идесу ранее 14 мая 1698 г. (просьба Тессинга о привилегии была подана в Нимвегене в этот день),¹ Евгений Болховитинов толкует,² как «привилегию на продажу в России ландкарт своего путешествия в Сибирь и Китай»: по словам того же автора, «некоторые (ландкарты) он (Избранд Идес — А. А.) и напечатал в Голландии». С. М. Соловьев, отсылая за подробностями к труду

¹ Памятники дипломатических сношений, VIII, ст. 1298—1302.

² Словарь светских писателей, т. I, М., 1845, стр. 244.

П. П. Пекарского — Наука и литература при Петре Великом, все же пишет: «ясно, что Избранду было дано только право на издание описания Сибири и Китая, а не всех книг, как думают некоторые», — под этими «некоторыми» разумеется прежде всего П. П. Пекарский, который весьма кратко и притом неточно излагает (I, стр. 12) содержание привилегии, данной Избранду Идесу. Не знаю, имеется ли какая-либо другая литература о привилегии, данной Избранду Идесу, но во всяком случае можно полагать, что привилегия ему была дана еще до того, как Ремезову было поручено в конце 1698 г. составить чертежную книгу Сибири, удобного для пользования размера, а потому в привилегии Избранду Идесу речь шла не об этой еще не существовавшей книге, а об издании его собственного труда, который он начал составлять по возвращении в 1695 г. в Москву — описание пути по Сибири в Китай и пребывания в Китае, в котором, видимо, предполагалось приложить чертеж или карту на подобие той, которая имеется, например, при описании того же путешествия, сделанном спутником Избранда Идеса, Адамом Брандом в 1699 г.¹ Задуманное в таком плане издание описания Сибири и Китая не осуществилось, так как издание на голландском языке 1704 г. Витзен приписывает целиком себе; по его словам, он обработал те записки, которые прислал Избранд Идес,² надо думать, к тому времени уже умерший.

Но совершенно ясно, что в план изданий, которые предусматривались привилегией Тессинга, могли входить издания, подобные труду Избранда Идеса. Дело у Тессинга не пошло успешно, но все же типография его в Амстердаме до смерти своего основателя в 1701 г. успела выпустить несколько книг и одну карту на русском языке. Вполне возможно, что готовились и другие издания, в числе их, как можно думать, и издание чертежной книги Сибири на русском и голландском языках, с приложением к ней описания, о котором говорится выше. Подготовка этого издания, видимо, началась вскоре же по получении Тессингом привилегии, т. е. во второй половине 1700 г., еще до того, как был получен от Ремезова текст

¹ Relation du voyage de Mr. Evert Isbrand envoyé de Sa Majesté Czarienne à l'Empereur de la Chine en 1692, 93 et 94. A Amsterdam, 1699, с приложением карты Витзена (ввиду малого размера ее, названия на карте заменены числами, объяснение же числам дано в особом указателе).

² Gebhardt, назв. соч., II, стр. 322.

чертежной книги: вот почему в копии чертежной книги оказались не те чертежи, которые были в чертежной книге 1701 г., присланной Ремезовым в Москву, и которые в авторских копиях сохранились в его «Служебной чертежной книге». Изучение чертежной книги по экземпляру Румянцевского собрания не оставляет сомнений, что работа по подготовке издания не была закончена: на большей части листов отсутствуют числа при названиях рек, селений и пр., именно на тех, для которых у лица, подготовлявшего издание, не было описания чертежей — это все те листы, в основу которых были положены чертежи, поступившие из городов, а не от Семёна Ремезова. Работа не закончилась и потому, что со смертью Тессинга издание книг и чертежей в Голландии, в Амстердаме, ввиду целого ряда обстоятельств, приняло совершенно случайный характер. Впрочем, причина была не только в этом. Душой этого дела — издания чертежной книги Сибири на русском и голландском языках — с самого начала, несомненно, был дьяк Сибирского приказа А. А. Виниус. Об его близком участии в деле составления чертежей и чертежного описания Сибири Ремезов говорит в предисловии к чертежной книге — «Писании до ласкового читателя» — в таких выражениях: «совершился сия чертежная книга изволением и повелением царского пресветлого величества и снисканием и трудолюбием Сибирского приказу думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса...», а возникновение ее обязано, по словам того же «Писания», «указу великого государя и приказу думного дьяка А. А. Виниуса...».

Обзор жизни и деятельности А. А. Виниуса, ближайшего сотрудника Петра и дьяка Сибирского приказа в 1695—1703 гг., дан в труде И. П. Козловского — Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве, Варшава, 1913, т. I, стр. 176—297. В этой биографии далеко не все моменты деятельности Виниуса выявлены достаточно ясно, и, в частности, по интересующему нас вопросу — о роли Виниуса в деле составления и издания чертежей и описания Сибири — изучение переписки Виниуса, хранящейся в «Делах почтовых», карт. № 6 за 1695—1702 гг., вероятно, даст некоторые подробности, кроме тех, которые имеются у И. П. Козловского. Во всяком случае, из приводимых им и другими исследователями данных ясно, что, наряду с заботами об изыскании руд, упорядочении управления Сибирью и пр., Виниус, отвечая не только практическим, но и своим научным интересам и на запросы Витзена, с которым он в течение мно-

гих лет поддерживал дружескую переписку и сношения,¹ — проявлял большой интерес к работам по составлению чертежей Сибири и ее описания. Через год по вступлении его в должность дьяка Сибирского приказа, состоялся 10 января 1696 г. приговор приказа — «князя Ивана Борисовича Репнина с товарищи» о составлении сибирских чертежей; этот приговор положил начало работам по составлению чертежей сибирских городов.

Когда производились эти работы на местах, в самом приказе, в следующем 205-м году, «при седенье в.... приказе боярина князя Ивана Борисовича Репнина да при думном дьяке Андрее Андреевиче Виниусе да при дьяках Афанасье Парфенове, Василье Темирове сего 7205 г., от рождества господа бога и спаса нашего Иисуса Христа в 1697-м году», — была «построена» интересная книга, названная «Окладной».² Книга начинается историческими справками о Сибири (выписками из Степенной книги, грани 17-й, из Нового летописца и Есиповской летописи), затем в ней приводится «Список чертежа Сибирской земли» — чертежное описание 1673 г., интересные извлечения из «книг» о Китайском царстве и, наконец, описание всех 19 сибирских городов, составленное по определенному плану, со включением в него различных сведений о городе: его местоположении, дорогах к нему, его печати, количестве служилых людей, расходе на них, тамошних доходах, количестве крестьян и ясачных людей и ясака с последних, об укреплениях города и уезда и т. п., — одним словом, настоящая справочная книга, весьма полезная для текущей работы приказа и не менее ценная для историка Сибири конца XVII в., не располагающего теми данными писцовых и переписных книг, которые послужили основным источником при составлении книги.

¹ Пекарский, Наука и литература при Петре Великом, I, стр. 201—202—206; письма и бумаги Петра Великого, I, стр. 734, 808; Козловский назв., соч., I, стр. 204, 206, 272, 499; Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России, М., 1894, ч. I, стр. 193.

² Рукописи ее: 1) в Гос. Публ. библ., Ф. IV, № 76, список XVIII в., на 254 лл., и 2) в Гос. истор. музее в Москве, собр. П. И. Щукина, по опис. Яцимирского, № 189, на 195 листах. Часть той же «Окладной» книги (статья о завоевании Сибири и список с географического описания Сибири 7181 г.) находим в рукоп. № 313 (лл. 65—78, 78—84 об.) б. СПб. Дух. акад. (ныне в Гос. Публ. библ.). Другая часть книги (список с чертежного описания 1673 г. и выписки о Китае) напеч. в «Российском Магазине», 1791—1792 г., т. I, стр. 403—420. Текст в «Российском Магазине» извлечен из «Сибирских дел за 1726 год». Ср. Н. Новомбергский, В поисках за материалами по истории Сибири, СПб., 1906, стр. 20—36.

В том же 1697 г. в приказе уже были получены некоторые чертежи сибирских городов, в частности, составленный Ремезовым чертеж «части Сибири» и то географическое описание Сибири, которое было приложено к чертежу. Надо думать, что некоторые сведения из описания попали в «Окладную книгу», а сам автор чертежа «части Сибири» и описания ее в декабре 1697 г. получил из приказа похвальную грамоту. В следующем 1698 г. Ремезов прибыл в Москву и, при ближайшем участии А. А. Виниуса и, надо полагать, под его руководством, составил в Сибирском приказе общий чертеж Сибири. Этой работой был заинтересован не только Сибирский приказ; несомненно, что при близких отношениях Виниуса к Петру — Ремезов был известен и царю, для которого он изготовил еще один чертеж Сибири, ныне утерянный.

Надо полагать, что в рассказе императорского посла Гвариенты, который напечатан Дукмейером и отнесен им к сентябрю 1699 г.¹ верно отражены не только факт большого внимания Виниуса к картографии Сибири, но и заинтересованность иностранцев в получении географической новинки, какой являлся чертеж Ремезова. Виниус не только показал Гвариенту копию новой карты Сибири, но и просил его помочь выяснить некоторые, полезные ему, Виниусу, вопросы. Последний исследователь, который касался этого известия, М. П. Алексеев, по поводу показанной Виниусом карты излагает дело так, что получается впечатление, что речь идет здесь о карте, составленной самим Виниусом.²

Не касаясь вновь вопроса о карте Виниуса, которая действительно была и мною найдена все в той же «Служебной чертежной книге» Ремезова под названием: «Чертеж Андрея Андреевича Виниуса избранно [й]», я думаю, что в известии 1699 г., приведенном Дукмейером, речь идет не о ней, а о карте Сибири Ремезова, составленной им в сентябре 1698 г., и, как новинке, показанной Гвариенту. В том же известии Дукмейера ценно и другое: эту карту собирались печатать, конечно, без того посвящения, о котором говорит Гвариент, — а если и было со стороны Виниуса сказано что-либо подобное, сообщаемому Гвариентом (Виниус не пожелал ее издавать иначе, как посвятив карту Гвариенту — *neque eam aliter quam*

¹ F. Duckmayer, Korb's Diarium u. Quellen die es ergänzen, Berlin, 1909, Bd. I, S. 132. Этот рассказ использован И. П. Козловским, назв. соч., I, стр. 202—203.

² М. Алексеев, Сибирь в известиях зап.-евр. путешеств. и писат., т. I, в. 2, стр. 96.

mihi dedicatam ad publicam lucem venire voluit»), то принимать в серьез это утверждение не приходится. Надо полагать, что вопрос о печатании карт Сибири не был оставлен в последующие годы: привилегии, данные Избранду ранее 14 мая 1698 г. и Яну Тессингу 10 февраля 1700 г., появились, конечно, не без ближайшего участия А. А. Виниуса, который и после того, как Ремезовы уехали в Тобольск и принялись за работу по составлению чертежной книги, продолжал руководить этим делом. В сентябре 1699 г. в исходящем журнале его личной переписки отмечена посылка письма «в Сибирь, к боярину и воеводе... о Ремезовых чертежах...». ¹

В начале 1701 г. Сибирский приказ получил, наконец, от Ремезова чертежную книгу Сибири, которая в последующие годы была дополнена еще одним чертежом, составленным тем же Ремезовым.

Копии чертежей, заготовлявшиеся для печатания, были начаты работой, по распоряжению Виниуса, именно в 1701—1703 гг.; в 1703 г. в приказе Артиллерии, которым ведал тот же Виниус, «чертещик» Иван Матвеев «с прежних сибирских чертежей холстинных (т. е. с чертежей, сделанных на местах в 1696—1697 гг. — А. А.) переводил на бумагу Верхотурского городу и уезду большой чертеж, да с того чертежа два малых чертежа на бумаге. Да он же Иван сказал: сверх де того делал он с Тобольского большого холстинного чертежа (т. е. с чертежа «части Сибири», сделанного Ремезовым в Тобольске в 1696—1697 гг. — А. А.) чертеж на бумаге, да с книги чертежей (чертежной? — А. А.), что делал Семен Ремезов (1701 г. — А. А.), списывал четыре чертежа: Верхотурской, Тобольской, Красноярской да поморским народам...»; ² работа над последними четырьмя чертежами, как можно заключить из дела, относится к 1701—1702 гг. Видимо, снятие копий с чертежей, с больших холстинных и с малых в чертежной книге, — было все же закончено к 1703 г. На чертежах были сделаны кем-то из голландцев, бывших в Москве, соответствующие надписи на голландском языке. Но составление каталога-перечня географических пунктов (указателя) или описания к чертежам — не было еще закончено, когда, в июне 1703 г., Виниус был уволен от должности дьяка Сибирского приказа и с его уходом замерла и затем

¹ ГАФКЭ, Почтовые дела, карт. 6, л. 195 об. (цитирую по книге Козловского, Первые почты..., I, стр. 507, прим. 2).

² Н. Оглоблин, Из архивных мелочей начала XVIII в., II. «Чертежник» Иван Матвеев, 1703 г., «Библиограф», 1892 г., стр. 13—14.

прекратилась работа по подготовке к изданию чертежей Сибири. Рукопись из собрания Румянцева — памятник большой, но не завершённой работы.

11. На основании сказанного очевидно, что «Чертежная книга Сибири 1701-го года», имеющаяся в рукописи (№ CCCXLVI) Румянцевского собрания (ныне в Библ. Союза ССР имени В. И. Ленина в Москве), является лишь копией XVIII в. той чертежной книги Сибири, которая была составлена Семеном Ремезовым в 1699—1700 гг. на 23 листах, к которым в 1703 г., после того как Семен Ремезов вместе с сыном Леонтием летом 1703 г. произвел соответствующие работы на месте в Кунгуре и Кунгурском уезде, — был прибавлен лист 24: «Чертеж земли Кунгурского города». ¹ Результатом пребывания Ремезова в Кунгуре явился не только упомянутый чертеж, но и чертежное описание к нему, о нахождении которого сообщил Археографической комиссии в начале 1911 г. Е. Н. Косвинцев, хотя и не представил ей рукопись этого списка. ² Там же в Кунгуре, очевидно, стала известна Ремезовым и оказалась в их руках та «Летопись сибирская краткая кунгурская», которая кем-то была неудачно использована затем для дополнения работы Семена Ремезова (отца) — его «Истории Сибирской». ³ В Кунгурском же уезде Ремезовы нашли образцы, по их мнению, «чудцкого письма»; с этого письма были сделаны ими четыре чертежа, которые буквально воспроизведены в трудах Страленберга (1730), Купера (*Lettres de critique, de litterature, d'histoire...* Amsterdam. 1743) и, наконец, в третьем издании труда Витзена (1785) после стр. 760 на трех листах, но ни в одном из этих изданий не указано, что зарисовки сделаны Ремезовыми. ⁴

К тому же 1703 г. относится еще одна чертежная работа Ремезова, о которой узнаем из его «Служебной чертежной книги»: в 1703 г. Семен Ремезов «приготовил чертежи на Каменские заводы для железного излития, 15 штук, разных переводов пушкам и мортирам». После 1703 г. сведений о чер-

¹ Об этой работе см. мою статью — Этнографические труды С. Ремезова о Сибири XVII в. «Сов. Север», 1938 г., № 1, стр. 55—56.

² «Летоп., занят. Археогр. ком.», в. 24, 1912 г., извлеч. из проток., стр. 5. Ср. Е. Н. Косвинцев, Новые исторические документы о Кунгурском крае, «Матер. по изуч. Камского Приуралья», Пермь 1930, в. II, стр. 44.

³ О Кунгурской летописи см. С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 27—30.

⁴ Точные копии Ремезовских зарисовок изображений Кунгурских пещер имеются также в бумагах Мессершмидта, ААН, ф. 98, оп. 1, № 59; они были отправлены им в Петербург в 1720 г.

тежных работах Ремезова не имеется, хотя известны отдельные факты его служебной деятельности за 1704—1712 гг.¹

12. Неизвестный до сих пор «Чертеж Кунгурской земли», упомянутые четыре чертежа «чюдцкого» письма и чертежи пушек и мортир оказались в той «Служебной чертежной книге» Семена Ремезова и его сыновей, о которой я не раз уже упоминал выше и которая найдена мною в Эрмитажном собрании Гос. публичной библиотеки в Ленинграде под № 237.

Этот замечательный памятник до сих пор оставался неизвестным,² а между тем в нем имеются: 1) прежде всего авторский оригинал чертежа земли Тобольского города, «чертеж Великопермской и Двинской земли» и чертежи земель всех городов Сибири, кроме утерянного Пелымского, которые были известны нам только по плохо исполненным копиям «Чертежной книги Сибири 1701-го года» Румянцевского собрания; 2) неизвестные до сих пор чертежные работы Ремезова: упомянутый чертеж Кунгурской земли, чертеж Кунгура, четыре чертежа Камчатки (самые ранние из известных), несколько чертежей Тобольска, иногда более поздних, чем тот, который в «Чертежной книге Сибири 1701-го года», «чертеж межевой Башкирской земли с слободами», «чертеж всех вершин и камней, потоки рек, имена и наличия (т. е. описания их), снискательно бывальцы и уроженцы», два «чертежа крайних (Тобольских) слобод» 1700 г., а среди чертежей земель сибирских городов оказались такие, которые неизвестны по Румянцевской «Чертежной книге Сибири 1701-го года»; 3) там же имеются Ремезовские копии известного чертежа Сибири П. И. Годунова 1667 г., нигде не напечатанной карты А. А. Виниуса, о которой пока мы располагаем только неясными сведениями; 4) в «Служебной чертежной книге» Ремезовых оказались совершенно новые биографические материалы о Ремезовых: его деде Моисее (прозвище — Меньшой), его отце Ульяне и о самом Семене Ремезове; эти материалы позволили мне отбросить все те осторожные замечания об их родственных отношениях, которые находим у предыдущих исследователей; наконец, 5) в книге оказались некоторые неизвестные

¹ О них в моей статье о Ремезове, напечатанной в «Сов. Севере», 1938, № 1, стр. 56.

² Об этом памятнике И. А. Бычков намерен был в 1911 г. сделать сообщение в Археографической комиссии, но не привел в исполнение свое намерение; тогда же, по поручению И. А. Быčkova, была приготовлена копия с части текста этого памятника, которую он и передал мне.

статьи Семена Ремезова, любопытные для характеристики его, как писателя конца XVII—начала XVIII в.

Рукопись № 237 состоит из 165 листов обычного размера «александрийской бумаги», в переплете XVIII в., с наклейкой Эрмитажной библиотеки на внутренней стороне крышки переплета и с надписью на листе после переплета, предшествующем тексту: «1764 году № 13». Судя по оглавлению на л. л. 4 об.—5, в рукописи недостает нескольких листов; так как полистная нумерация рукописи в настоящее время исправная, без пропусков, значит, она сделана уже после того, как часть листов была утеряна; часть рукописи не имеет этой, вторичной, нумерации, хотя и составляет довольно значительную часть (л. л. 117—165), видимо, не входившую в первоначальный состав рукописи, а присоединена к ней позже, когда обе части были переплетены.

Первая часть рукописи № 237 заканчивается на л. 116 об. вставленной в разноцветный картуш записью об «окончании с богом чертежной книги... Сибири...», которая начинается на первом листе «началом» — изложением происхождения «сей служебной чертежной книги», писанной Семеном Ремезовым с детьми. Тем же почерком, как начало и конец первой части, писаны «оглавление главизн» на л. л. 4 об.—5 и, что особенно важно, надписи почти на всех чертежах книги, а также описания чертежей, имеющиеся при некоторых из них, надписи воеводского «древа» до 1716 г. (л. 10), описание сибирских печатей (л. 9 об) и, наконец, «Писание до ласкового читателя» (л. 115 и 115 об.). Этот почерк, как подтверждают снимки с рукописи, бесспорно подписанной Семеном Ульяновичем Ремезовым (именно, снимки с его подписей — скреп на составленной им переписной книге Тобольского уезда 1710 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., № 1320) не принадлежат Семену Ульяновичу Ремезову.

Выше было уже отмечено, что чертеж Сибири, переданный в Русское Географическое общество, сочинен Семеном Ремезовым и его сыном Семеном. На этом чертеже мы находим тот же почерк, что и на указанных беловых чертежах «Служебной чертежной книги»; если это не почерк Семена Ремезова старшего, то, значит, это почерк его сына Семена Ремезова младшего, которому, таким образом, принадлежат все беловые чертежи с их четкими, каллиграфически сделанными надписями, вошедшими в «Служебную чертежную книгу».

На л. 1, в соответствующем месте текста («книга сия служебная чертежная, писал Семен Ремезов з детьми») слова

«Семен Ремезов» писаны несколько отличным, но все же почерком не Семена Ремезова — отца, а почерком Семена Ремезова — сына. Из этого заключаю, что окончание книги относится к тому времени, когда Семена Ремезова — отца уже не было в живых (иначе на л. 1 был бы его автограф), и заканчивал ее ближайший сотрудник Семена Ульяновича Ремезова по чертежной работе его сын «Сенька» или Семен Ремезов младший.

Рис. 2. Автограф С. У. Ремезова 1710 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 1320, стр. 498 — 499).

Почерком Семена Ремезова старшего написана большая часть текста нашей рукописи, а также и все черновые чертежи, вошедшие в обе части рукописи, а его несомненный автограф, вполне сходный с почерком скрепы переписной книги 1710 г., хранящейся в ГАФКЭ, находится на л. 132 об. нашей рукописи («1703 году сонтября в 15 день написал... Семен Ремезов»). Таким образом, кроме всех черновых чертежей, им написан и рассказ о сибирских архиереях, прерванный на 1716 г., перечни из переписных книг 1710 г., летописный текст о победе над Кучумом, предисловия к некоторым чертежам, выписка об его службах, а также службах его деда, отца и сына Леонтия, «Ведомость Петра Годунова о Китайской земле» и др.

В книге имеется также почерк и старшего сына Семена Ремезова — Леонтия, с которым он, между прочим, работал в 1703 г. по описанию Кунгура и Кунгурского уезда; почер-

ком Леонтия Ремезова написаны, например, надписи над «таврами», снятыми в Кунгурской пещере (лл. 69—70 об.), им же писан список о челобитной Семена Ремезова 1712 г. на л. 39 (второй столбец) и л. 39 об. и сделана приписка на л. 38 об., после изложения работ Семена Ремезова 1712 г.; им же дописан и тот перечень тобольских воевод (генеалогическое древо), который был прерван Семеном Ремезовым младшим на 1716 г. — Леонтий Ремезов продолжил его до 1730 г. — времени прибытия в Тобольск сибирского губернатора А. Л. Плещеева.

Этими тремя почерками писана вся рукопись № 237, составление которой, на основании изучения почерков, должно быть приписано, таким образом, самому Семену Ульяновичу и его двум старшим сыновьям — Леонтию и Семену.

Но в работе Семена Ульяновича Ремезова играло какую-то роль еще одно лицо, может быть, один из младших его сыновей Петр или Иван, но который — неизвестно; о нем весьма красноречиво говорит один чертеж во второй части рукописи, на л. 155 об. Он так напоминает рисунки на вставных листах Ремезовской летописи, что невольно возникает мысль об одном и том же лице, которое рисовало на вставных листах Ремезовской летописи и в нашей рукописи (на л. 155 об.). Почерка вставных листов Ремезовской летописи нет в «Служебной чертежной книге», но почерк этих вставных листов может принадлежать лицу, которое делало рисунки на этих вставных листах. Если это было так, то выясняется несомненная связь между «Служебной чертежной книгой» (л. 155 об.), вставными листами Ремезовской летописи и, наконец, русскими надписями на чертежах «Чертежной книги Сибири 1701-го года» по Румянцевской копии; почерк последних двух весьма сходен, если не тождествен, а все три, как мне кажется, принадлежат одному лицу, которым мог быть один из младших сыновей Ремезова или лицо, близко стоявшее к его дому.

Сличение оглавления первой части на лл. 4 об. — 5 с текстом и чертежами рукописи приводит, как уже отмечено выше, к заключению, что некоторые листы этой первой части еще до того, как она была пронумерована, были уже утеряны. Это — 1) лист 15, по оглавлению — «чертеж богоспасаемого града Тобольска с каталогом и описью», вероятно, тот самый, с которого имеется копия в Румянцевской рукописи на л. 1; 2) лист 17 — «Тобольской град валового городского строения»; 3) лист 39 — «чертеж земли всей Сибири, писан с немецкого печатного листа, наличие особо»;

4) лист 31 — «чертеж посланника Елизара Избранда», вероятно, имевший сходство с отпечатанным в приложении к голландскому изданию в 1704 г. описанием путешествия; 5) лист 32 — «чертеж округлости Тобольска в приход воинских людей»; нет также четырех чертежей всей Сибири; 6) лист 33 — «чертеж Сибирские страны в пример бывальцов»; 7) лист 34 — «чертеж всей Сибири»; 8) лист 36 — «чертеж всей Сибирской земли и Казачьей орды»; последнему, впрочем, должен соответствовать «чертеж земли Тобольского города», имеющийся в той же рукописи и в Румянцевской копии; 9) лист 37 — «чертеж общей всех сибирских городов, рек, земель и украин — писан на Москве в Сибирском приказе со всех с [при]возных чертежей в 207-м году сентября 18 день», подлинник которого передан в 1907 г. в Русское Географическое общество, а копия имеется в «Чертежной книге Сибири 1701-го года», л. 21; оказались также утраченными: 10) лист 38 — «наличие и сходство земель соседей», который соответствует л. 23 «Чертежной книги Сибири 1701-го года»; 11) лист 41 — «чертеж доезду Христофора немчина крайним слободам и от приходу воровских воинских людей»; 12) лист 42 — известный по «Чертежной книге Сибири 1701-го года» — «чертеж всей безводной и малопроездной каменной степи»; 13) лист 51¹ — «чертеж Кунгурских пещер»; наконец, 14) лист 54 — «чертеж земли Пелымского города», о котором дает представление л. 7 «Чертежной книги Сибири 1701-го года». Таким образом до нас не дошло 14 чертежей, из которых половина может быть восстановлена; потеря общих чертежей Сибири должна быть признана, однако, большой утратой, так как соответствующие копии не всегда исправны и, как увидим далее, не вполне отражают оригиналы.

Остальные сорок три чертежа, имеющиеся в рукописи первой части, разделяются на следующие группы: а) чертежи Тобольска и его ближайших окрестностей — семь (по оглавлению — 12, 14, 18—22); б) чертежи части Сибири или всей Сибири, сочиненные самим Ремезовым — шесть (по оглавлению — 28, 39, 40, 43, 44 и 53) и сочиненные другими лицами — три (26, 27 и 30); в) чертежи сибирских городов и уездов, кроме Тобольского и утраченного Пелымского, а также чертежи Камчатки; их, конечно, больше всего,

¹ Этот чертеж оказался (в копии) в бумагах Мессершмидта, бывшего в 1720 г. в Тобольске, ААН, ф. 98, оп. 1, № 20, лл. 48 об. — 49.

а именно — 25 чертежей, причем некоторых уездов имеется по два (якутские) и по три (Кунгурские и Камчатки). Необходимо заметить, что не говоря о чертежах, не имеющих в «Чертежной книге Сибири 1701-го года» (Кунгурских и Камчатки), прочие, при сходстве названий, дают часто совершенно иной чертеж, чем те, которые имеем в Румянцевской копии. Если же произвести сличение сходных чертежей, то, конечно, Ремезовские чертежи несравненно выше по технике работы и по качеству и точности выполнения; копиист Румянцевской рукописи не только пропускал названия, но часто передавал их иначе и ставил совсем не там, где они были в оригинале, к которому несравненно ближе Ремезовские чертежи. В этой группе особенный интерес представляют первые чертежи Камчатки, из которых один, названный в оглавлении «Траурнихтовым», является, повидимому, первым, составленным в Якутске при воеводе Дорофее Траурнихте по получении там известий от Владимира Атласова. Как уже отмечалось Н. Н. Оглоблиным, Семен Ремезов в конце 1700 г. получил сказку Атласова в Тобольске раньше, чем эта сказка достигла Москвы, хотя при этом пришлось сломать якутскую печать, под которой Атласов вез сказку в Москву. Мотив для такого незаконного действия приводился в тобольской отписке тот, что Семену Ремезову необходимо было, на основании сказки, нанести на «Чертеж всей Сибирской земли», который он писал в это время на александрийской бумаге, правильные сведения о Камчатке,¹ чего, впрочем, нет на той копии чертежа всей Сибири, которая имеется в Румянцевской копии, к сожалению, не корректируемой в этом случае соответствующим листом «Служебной чертежной книги». Я не сомневаюсь, однако, что в оригинале чертежной книги 1701 г., посланном Ремезовым в Москву, на общем чертеже всей Сибири Камчатка имела уже тот вид, который находим на чертежах ее в «Служебной чертежной книге».²

Наконец, среди чертежей рукописи № 237 следует отметить три чертежа «Хинского повелительства» и «Китайского царства» (последних — два). Чертеж «Китайского царства» на лл. 105—106 — та же карта, которая у Витзена в первом изда-

¹ Н. Оглоблин, Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова, СПб., 1891, стр. 9—10.

² Это служит еще одним доказательством, что этот чертеж Румянцевской рукописи был снят с общего чертежа всей Сибири 1698 г., имевшегося в Сибирском приказе еще до получения от Ремезова чертежной книги.

нии 1692 г. помещена в конце первой части под заглавием: *Tartaria sive magni chami imperium per Ioannem Blaeu. A^o, 1663*; но у него лишь часть карты, — наша же копия, дающая эту карту в полном виде, заимствована из одного из изданий атласа Блау — *Theatrum orbis terrarum*, может быть, из того же издания 1663 г., откуда ее взял Витзен.¹ Чертеж «Китайского царства» на лл. 111 об. — 112 помечен в оглавлении как «немецкий» и имеет название: *Sinarum nova descriptio*; этому чертежу предшествует на л. 111 и за ним следует на лл. 112 об. — 114 об. известная «Ведомость» о Китайском государстве, которая была составлена в Tobolske «изысканием» стольника и воеводы П. И. Годунова. Помимо многих отличий от печатных изданий этой «Ведомости», в нашей рукописи в конце имеется еще следующая вставка: после слов «...зыряне, что по их зовутся сыряне, перешли в сие место» — «тогда зри назад в 4 главе на 10 листу», — последние слова указывают, кажется, на то, что ведомость в этом списке входила в состав того труда Ремезова — «Описание народов Сибири», в котором в «главе 4-й» говорилось, вероятно, о «зырянах». Откуда взят второй чертеж, а равно и третий — «чертеж Хинского повелительства» — установить пока не удалось.

В дополнение к этому обзору чертежей Ремезова, вошедших в первую часть рукописи № 237, составляющих собственно «Служебную чертежную книгу», необходимо сказать, что во второй части рукописи имеется немало других чертежей его же работы. Укажу на весьма любопытные рисунки на лл. 118 об. — 121, являющиеся проектами какой-то пятиглавой двухэтажной церкви или собора, с подробной экспликацией к ним; чертежи 1703—1704 гг. пушек, мортир и пр., которые были выполнены Семеном Ремезовым по образцам, присланным из Москвы, их здесь (лл. 122—134) больше пятнадцати, о них, между прочим, упоминается в справке о службе Ремезова; пять первоначальных чертежей того проекта каменного Tobolska, который сочинил Ремезов в 1697 г. (лл. 135 об. — 142, 143 об. — 144); планы («образцы») тобольских слобод (их всего пятнадцать), которые были составлены Ремезовым в конце 1703 г. (лл. 142 об. — 143, 144 об., 145 об.); далее, многочисленные чертежи сараев, печей, при-

¹ Эта карта по атласу Блау полностью воспроизведена у В. А. Кордта, Материалы по истории русской картографии, серия II, в. 1, табл. XIX и стр. 22.

казной палаты, гостиного двора и др., относящиеся к работам Ремезова по строению каменного города в Тобольске (лл. 146 об. — 154 об.); наконец, несколько чертежей и расчетов по устройству заводов для добычи железа, селитры, пороха и серебра (лл. 155 об. — 165).

Но в рукописи Ремезовых, кроме чертежей, имеется и текстовый материал: прежде всего, описание или, по терминологии Ремезова, наличие некоторых чертежей, по типу тех, которые известны из печатной чертежной книги: описание происхождения чертежа (история его составления) и указание расстояний между отдельными пунктами на чертеже, причем то, что в отношении расстояний имеется в Румянцевской копии на самих чертежах, здесь приведено в предисловии к чертежу. Наиболее интересны предисловия к неизвестным еще чертежам Ремезова, как, например, на лл. 20—21 об. к чертежу Тобольска — «Тобольской град розмерен по грамоте под каменное строение»; в предисловии к нему Ремезов дает не только историю составления чертежа, но и рассказ о своей поездке в Москву в 1698 г.; в предисловии к чертежу «крайних» тобольских слобод (их два, лл. 53—54 об. и 55—56 об.) и к чертежу Тобольского посада (лл. 10—11) даются сведения о работах Ремезова 1700 и 1709 гг., а в чертежах Кунгура и посадов, «Кунгурской земли рек и урочищ» и с «тавр, снятых с камени», — о работах 1703 г. Любопытное известие о походе 1701 г. якутского пятидесятника Владимира Кубасова в «новопроведанную за Якутском... на Пенжинском море в Камчадалскую землю» имеется в предисловии к «чертежу вновь Камчадалские земли и моря» (л. 99), который, кажется, и есть тот чертеж, который сделан Ремезовым на основании сказки Атласова, полученной им в ноябре 1700 г. Но известные уже по печатному изданию «Чертежной книги Сибири 1701-го года» предисловия к чертежам в нашей рукописи даются в более исправном тексте, как, например, предисловие к «чертежу земли Тобольского города» (л. 28), «Писание до ласкового читателя» (лл. 115—115 об.) и др.

Чертежам предшествует в книге несколько статей, где Ремезов выясняет свои картографические приемы: «компас матки», «размер миллиарии циркульной», условные знаки и пр.

Кроме текста, непосредственно относящегося к чертежам, в «Служебной чертежной книге» Ремезовых имеются и другие материалы, относящиеся, например, к работам Ремезовых в 1710 г. по описанию Тобольского уезда, в результате ко-

торых были составлены переписные книги, ныне хранящиеся в ГАФКЭ, Сиб. прик., № 1320; из этой книги приведены в нашей рукописи (лл. 34—36 об.) обширные выписки — итоги переписи.

Но в этой же книге имеются материалы, представляющие большой интерес для суждения о Ремезове, как историке и современнике крупной эпохи в истории России. Здесь помещены такие статьи, как «державцов Российских» портреты, где Ремезов (л. 6 об.) выступает перед нами художником, давшим изображение князей и царей; в другой статье — «степени властей сибирских архиереев» или «история Тобольского града архиепископом» (лл. 8 и 8 об.), судя по заготовленным медальонам (л. 7 об.), видимо, предполагалось дать их изображения, но дело свелось к кратким историческим справкам и для последних митрополитов сибирских не лишенным интереса характеристикам. Исторические справки, как очень часто у Ремезова, полны ошибок в датах, но сведения о некоторых из сибирских архиереев любопытны: так, про четвертого из них — Герасима (1640—1650) сказано, что он был «иконописец»; про его преемника — Симеона отмечено, что он «приехал в Тобольск (1650 г., 9 марта — А. А.) с новою верою, и быша в Сибири многое смятение, и был по 171-й год февраля 16-й день, сшел с престола на Печатной двор». Если об этих лицах Ремезов писал, справляясь о них в документах, то о последующих он пишет как современник и дает по памяти неверные даты их управления, но приводит при этом меткие их характеристики; например, про Павла, приехавшего в Тобольск 25 марта 1679 г., он замечает: «всяким образом бе гонитель и сребролюбец» — и ярко описывает его несчастье: «в 199-м внезапно июня 26 день в 9 часу дни отъялся язык и все тело расслабело, накось руки и ноги, и мало приоздравел, и снова в грамоте учился»; сочувствием отмечена заметка о митрополите Игнатии, который, после годичного пребывания в Тобольске, в 202-м году поехал в Москву и «тамо за слова замучен, преставися, аки Филипп митрополит». Известному «просветителю» остяков и вогулов Филофею дана такая характеристика: «9.7203 Филофей от России отличной (т. е. украинец) по 205-й...¹ чинил збор попом и наплевал в церковь латинскую и преписал чюдные иконы и ругал, и все христианство верою смутил; и поражен богом, ре-

¹ Но здесь, конечно, ошибка: Филофей Лещинский в первый раз был митрополитом с 1702 по 1711 г.

шился разума, — и поскимлен, отдохнул, а своенравия черкасского не остал». Последний митрополит, которого знал Семен Ремезов, был Иоанн Максимович; его Ремезов называл «свято-нравным человеком и философом книгам, правителем Христо-вой веры и ревнителем апостольским преданиям». Эти живые, иногда злые и не всегда верные характеристики обрываются на 11-м архиерее, при котором нет имени, но поставлена лишь дата: «7224», т. е. 1715—1716 гг., когда после кончины Иоанна Максимовича 10 июля 1715 г. в управление Сибирской епархией вступил вторично Филофей Лещинский, но, как надо думать, Семен Ремезов умер еще до получения указа о поручении Филофею Сибирской митрополии.

Вслед за «Историей Тобольского града архиепископом», в книге на л. 9 нарисовано генеалогическое древо всех тобольских воевод — «Роспись летописи сибирской, истории Тобольского города вкратце бытности воеводам в коликих летах после Ермака». В довольно тонко сделанных 60 медальонах, где в центре медальон Ермака, находим имена всех тобольских воевод и губернаторов, кончая губернатором 1730—1735 гг. — Алексеем Львовичем Плещеевым.

На обороте росписи воевод в медальонах даны рисунки некоторых сибирских городских печатей, из них самая поздняя — печать Сибирской губернии 1710 г., прочие же печати в большинстве своем описаны в имеющейся здесь же «Росписи... сибирским печатем, каковы в которых городех и острогах и в которой печати что вырезано и надписано в лето 7143 году»; роспись извлечена, конечно, из той же гл. 13 книги шестой 7143 г. Тобольской губернской канцелярии, откуда ее взял позже Г. Ф. Миллер.

Но особенный интерес представляют те листы книги, на которых дан текст летописного известия под заглавием: «Победа на Кучюма царя. Очищение Сибири». То же известие находится в сибирских летописных повестях и летописях, в одних под 1598 г., в других под 1601 г., но ни в одной из них нет текста, сходного с нашим: он отличается большими подробностями, и по содержанию и размеру является отдельной статьей, которая в деталях не сходна и с тем рассказом, который дает статья 130 «Истории Сибирской» самого Ремезова. Из сравнения этих двух текстов ясно, что статья 130 является сокращенным изложением какой-то другой версии рассказа о событиях 1598 г. Автор статьи в рукописи № 237, был, несомненно, сам Семен Ремезов, который написал этот текст своею рукою. Ему же, вероятно, принадлежит тот

замечательный рисунок в красках, который иллюстрирует текст о поражении Кучума. Он не имеет ничего сходного — ни по манере письма, ни по качеству исполнения — с соответствующим рисунком к статье 130 Ремезовской летописи и является любопытным памятником местного художества, по технике выполнения стоящим, несомненно, выше не только рисунков основного текста Ремезовской летописи, но и вставных ее листов, где техника совсем иная.

В заключение этого беглого обзора содержания книги, следует указать также на некоторые биографические материалы, которые находятся в книге: прежде всего на писанное Леонтием Ремезовым «Предисловие до ласкового читателя», где читаем своего рода гимн наукам и где подробно передается содержание наказа, данного Петром отправленным в 1696 г. за границу молодым людям, и приводится список их. Предисловие заключается следующим призывом: «и сие разумно есть в нашем христиано-российском словесном учительном сонме, упражняющееся во учении сих и всяких вещей радительно без лени, яко на сих великородных зряше, и просточадцы работают философии, всяких наук употребляюще. Правда во всех хранима, и за сие между сими всеми великая живет любовь и подвиг беззавистно...» (л. 206). В этих размышлениях виден уже человек нового времени, хотя и выросший в условиях жизни провинциального большого города, каким является Тобольск. В отличие от большинства, Ремезов — отец имел большой вкус к «художествам» и наукам, много видел и еще больше слышал от «русских людей и иноземцов и иностранных жителей, пришельцов в Тобольск».

Не забудем, что, именно, в эти первые годы XVIII в. Тобольск становится местом, куда усиленно высылают этих «иностранных жителей» — пленных шведов, влияние которых на подъем местной культурной жизни бесспорно. Работая в различных областях современной жизни, как «знаменщик», «чертещик», архитектор, строитель каменного города, писец земель, и в то же время являясь ученым географом и, как увидим далее, этнографом и историком, Ремезов был в то же время человеком, изучающим прошлое и настоящее родной своей страны и родного города. Впрочем, характеристика Ремезова не входит в мою задачу. Отмечу, однако, что уже не раз упоминавшиеся мною новые материалы для биографии самого Семена, его деда Меньшого (Моисея) и его отца Юльяна даны в книге в виде приказной выписки 1698 г. о службах этих лиц; копия этой выписки, вписанная в книгу, впоследствии

пополнялась известиями последующих лет до 1712 г. включительно, когда Ремезов произвел описание Тюменского уезда, «и за тем переписным делом был целой год во всякой скудости без жалованья». Неизвестно, чем кончилось дело по поводу поданной им в конце 1712 г. челобитной (л. 39) о прибавке ему соляного и хлебного жалованья, — никаких фактов его дальнейшей служебной деятельности в книге не записано, хотя, как я пытался показать выше, Ремезов был еще жив в 1713—1714 гг. и умер, видимо, осенью 1715 г.

«Служебная чертежная книга», заключая материалы его служебных и некоторых «сверхслужебных» работ, заполнялась им самим и его сыновьями, несомненно, при жизни Семена Ремезова, но две записи в ней были сделаны после его смерти: это — продолжение перечня воевод, писанное с 1718 г. (когда окончательно оставил Сибирь кн. Матвей Гагарин, последний губернатор, которого знал Семен Ремезов) и до 1730 года включительно тем же почерком, каким писана приписка на л. 38 об. о работах Семена Ремезова в 1703 г. над чертежами пушек и мортир, а также надписи при самих чертежах пушек, ядер и пр. на лл. 124—132 об. Начинается же книга текстом 1 января 1701 г., о происхождении этой книги и ее составлении Семеном Ремезовым с детьми. Как уже отмечено выше, составление чертежной книги к 1 января 1701 г. закончилось, а работа по ней началась в 1699 г., значит, и «начало» «Служебной чертежной книги», в которой даны оригиналы тех чертежей, которые отчасти вошли в «Чертежную книгу Сибири 1701-го года», надо относить к 1699 г. Таким образом «Служебная чертежная книга» — рукопись 1699—1730 гг.

13. Но какова дальнейшая судьба этой рукописи после 1730 г., когда была сделана в ней последняя запись. По этому поводу приходится гадать, хотя и не без некоторых оснований. Кроме этой рукописи Ремезова, выше были упомянуты еще две других его рукописи — географическое описание Сибири, с приложением чертежей границ сибирских уездов, и описание народов Сибири, от которых сохранились лишь отрывки, а подлинники надо считать утерянными. Но известен, ведь, еще один труд Ремезова — его летопись, владельцем которой в 1734 г. был тобольский сын боярский Петр Федорович Мирович. Последний и брат его Яков были сыновьями Федора Ивановича Мировича, бежавшего после 1709 г. с Мазепой и жившего потом за границей. Молодые Мировичи были определены в академическую гимназию с тем, чтобы их

не отпускать на Украину. В 1728 г. Петр Минович сделался секретарем цесаревны Елизаветы Петровны, а брат его Яков служил у гр. Потоцкого, вместе с ним был в Польше и там виделся с отцом; к последнему писал также другой его сын Петр, причем в перехваченном письме он говорил о притеснениях украинского народа. В видах предупреждения переписки с отцом, братьев Миновичей в 1732 г. сослали в Сибирь, в Тобольск, и они оставались там до конца царствования Анны, когда были прощены, о чем имеется указ Елизаветы от 7 декабря 1741 г. Вскоре после того, в чине коллежского ассесора, Петр Минович был назначен енисейским воеводою, но в 1747 г. был уже под следствием за допущенные им злоупотребления по должности,¹ которые заключались, между прочим, в том, что он однажды явился в присутствие в одном халате, надетом на голое тело. Год его смерти неизвестен, но к тому времени, когда в 1764 г., за попытку возвести на престол заключенного в Шлиссельбурге б. императора Иоанна Антоновича, был казнен его племянник Василий Яковлевич, Петра Миновича уже не было в живых.

В «Служебной чертежной книге», на форзаце, имеется дата — «1764 г.» — поступления ее в какое-то присутственное место, может быть в Эрмитажную библиотеку Екатерины II. Не оказалась ли наша рукопись в составе конфискованного после смерти Василия Миновича имущества и, как рукопись интересная, не была ли поднесена затем императрице? Во всяком случае, если Миновичи имели возможность в 1732—1734 гг. приобрести у Ремезовых или кого-либо другого, получившего ее от Ремезовых, рукопись летописи, составленной Семеном Ремезовым старшим, то нет ничего невероятного, что в их руки попали и другие его рукописи, например «Служебная чертежная книга», записи которой прервались в 1730 г. У Миновичей, как людей образованных, были все данные, чтобы оценить эти драгоценные рукописи, добиваться их приобретения и не расставаться с ними впоследствии. Только благодаря воздействию на Петра Миновича сибирского губернатора А. Л. Плещеева Г. Ф. Миллеру удалось приобрести у Петра Миновича одну из них — Ремезовскую летопись.

Но как бы то ни было, рукопись «Служебной чертежной книги» оказалась затем в Эрмитажном собрании и в его со-

¹ П. Пекарский, История Академии наук, СПб., 1870, I, стр. 322, прим.

ставе поступила в 1852 г. в Публичную Библиотеку в Петербурге, где и хранилась до сих пор неизученная.

14. Но подлинные чертежи С. У. Ремезова, когда они хранились у него самого, а после смерти у его сыновей, все же сделались достоянием науки еще в XVIII в. Л. С. Берг уже отметил,¹ хотя и не привел доказательств, что «на основании сибирских источников, главным образом чертежей Ремезова, составлена впервые в 1715 г. в Тобольске шведом Страленбергом карта Сибири». Эта карта была у него украдена. К 1718 г. Табберт (по возвращении на родину получивший новую фамилию Страленберга) составил новую карту Сибири, которую у него отнял сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин. По удалении последнего, Табберт вновь принялся за картографические работы, материалом для которых послужили теперь не только географические сведения, полученные в Тобольске от Ремезовых, но и некоторые данные, собранные во время путешествия Табберта по Сибири в 1721—1722 гг.² в качестве деятельного сотрудника известного доктора Мессершмидта (первого ученого путешественника по Сибири), посланного туда в 1719 г. «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей».

Мессершмидт прибыл в Тобольск в декабре 1719 г. и оставался там до конца мая 1721 г., когда вместе с Таббертом отправился дальше. За время пребывания в Тобольске Мессершмидт произвел много научных работ, о которых читаем в его рапортах № 4—8, посланных в Петербург.³ Среди приложений к рапорту 4 находим, между прочим, чертеж кунгурских пещер и четыре чертежа «чудского» письма, которые в полной мере совпадают с теми же чертежами, которые составлены С. У. Ремезовым и находятся в его «Служебной чертежной книге». Трудно сомневаться в источнике, из которого были получены эти чертежи, так как если автора их не было в живых, то во всяком случае в Тобольске жили его дети, в руках которых находились подлинники этих чертежей.

Во время пребывания в Тобольске Мессершмидт, готовясь к дальнейшему путешествию, между прочим, занимался со-

¹ Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742, Л., 1935, стр. 369.

² Кроме Тары, Кузнецка и Томска, Табберт побывал в Нарыме, вернулся оттуда в Томск, затем проехал в Абаканск, Красноярск и Енисейск.

³ ААН, ф. 98, оп. 1, № 21, лл. 102—107 (рапорт № 4); № 20, лл. 50—51 об. (рапорт № 5); № 21, лл. 127 и след. (рапорты № 6—8).

ставлением карты той части Сибири (южной), по которой он собирался ехать; эта карта была окончена им к 1 марта 1720 г. и отослана в Петербург 20 июня того же года.¹ Но эта карта была не единственной, которую он взял с собой в дорогу: в его распоряжении были еще карты уездов Тарского, Кузнецкого, Томского, Красноярского, Енисейского и Иркутского,² в которых без особого труда узнаем соответствующие чертежи Ремезова. С них и со многих других чертежей того же Ремезова Мессершмидт сделал копии и на них вносил те исправления, которые ему удавалось сделать в пути. В его собрании оказались таким образом копии многих чертежей С. У. Ремезова,³ подлинники которых находятся теперь в рукописи № 237 Эрмитажного собрания, а тогда хранились в семье Ремезовых. Но примечательнее всего то, что в его руках (а ныне в собрании ААН) оказался один подлинный чертеж Ремезова, как и все его чертежи исполненный в красках, представляющий Якутский уезд;⁴ на этом чертеже находим, между прочим, много ценных этнографических данных.

Возвращаясь к Табберту-Страленбергу, который жил в Тобольске с 1711 по 1721 гг., следует сказать, что все материалы по географии и картографии Сибири, которые стали известны Мессершмидту в Тобольске, были, конечно, хорошо известны и Табберту. Уезжая в 1723 г. домой в Швецию, он увозил не только рисунки кунгурских пещер С. У. Ремезова, отмеченные выше и воспроизведенные в его известной книге,⁵ но и карту Сибири, источником для которой послужили, конечно, все те чертежи Ремезова, которыми пользовался и его друг и начальник по путешествию по Сибири в 1721—1722 гг. Д. Г. Мессершмидт.⁶

Карта Страленберга,⁷ для которой использованы им мно-

¹ ААН, ф. 98, оп. 1, № 59.

² Там же, № 31, 37, 40, 35, 38 и 32.

³ Там же, № 26, 27, 28, 29 (два чертежа), 34, 36, 43, 67—69.

⁴ Там же, № 30.

⁵ Nord- u. Ostliche Theil von Europa u. Asia, Stockholm 1730.

⁶ Ни Мессершмидт ни Табберт нигде не говорят о Ремезове, но у второго из них, в его известной книге, среди многих предметов, которые заинтересовали автора в Сибири и которым он дает описание, находим статейку (стр. 416—417) о птичке, называемой в Сибири «ремезом»; автор мало говорит о сибирских птицах, и это внимание к ремезу легко объясняется, если иметь в виду, что он по своим занятиям картографией, вероятно, часто сталкивался с производным от этого словом (Ремезов), а поэтому и попытался объяснить его.

⁷ Ее подробное описание у Cahen, Les cartes de la Sibirie, pp. 180—190.

гочисленные чертежи Ремезова, отличается от предшествующих ей западноевропейских карт наличием многочисленных географических названий, которые не встречались на более ранних картах.¹ Но совершенно неправильно, как думает Каан, считать большую часть их «фантазией» автора на том только основании, что они не все повторены в известном «Атласе Российском» 1745 г.

Время, когда Страленберг закончил свою третью карту, точно не установлено.² Как эта карта, так и более ранние карты Страленберга получили тогда же широкое распространение, и данные их были использованы на нескольких картах Сибири, вышедших в 1725—1726 гг., в сочинении которых, по мнению исследователей, принимали участие шведы, жившие, как и сам Табберт, в Сибири до 1722 г. в качестве военнопленных.³

Таким образом, через карты Страленберга богатое географическое наследство С. У. Ремезова отчасти стало известно в западноевропейской географической науке вскоре после его смерти. Имя крупнейшего русского географа и картографа конца XVII — начала XVIII в. не было, однако, при этом названо.

¹ Саһен, назв. соч., р. 190.

² О ней он упоминает уже в *Vorbericht eines zum Druck fertigter Werckes von der Grossen Tartarey u. dem Königréiche Sibirien*, Stockholm, 1726. Каан (назв. соч., стр. 168) едва ли правильно относит ее к 1730 г. Она была издана отдельно и была приложена только к немногим экземплярам труда Страленберга — *Nord- u. Ostliche Theil von Europa u. Asia*, вышедшего в 1730 г.

³ Саһен, назв. соч., стр. 150—151, 153.

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ XVII В. О СИБИРИ

1. За тот период, который отделяет первый русский этнографический труд о народах Сибири — известное «Сказание о человецех незнаемых в Восточной стране», появившееся еще в первой половине XVI в., от времени, когда работал Семен Ульянович Ремезов (девяностые годы XVII в. — десятиные годы XVIII в.), накопилось довольно большое количество этнографических материалов и работ о народах Сибири, о которых мы знаем все-таки довольно мало, хотя мимо них, казалось бы, трудно пройти историку и этнографу, который не хочет ограничиться описаниями сибирских народов у путешественников второй половины XVIII в.

В самом деле, источники XVI—XVII вв. о народах Сибири в той или иной степени основаны на наблюдениях современников, которым по своим служебным или иным делам приходилось сталкиваться с народами Сибири. Рассказы о них имеются также в громадном документальном материале, хранящемся в фонде Сибирского приказа и в других собраниях сибирских документов XVI—XVII вв. К сожалению, эти документальные источники, главным образом XVII в., еще долго будут только случайно поступать в научный оборот, так как описание всех их — дело будущего. По случайным публикациям мы хорошо знаем, что в сказках и других документах первых «исследователей» сибирских народов — служилых людей XVII в. — имеется много ценнейшего этнографического материала, перед которым та категория источников, о которой пока можно говорить с учетом некоторой полноты, должна в основной своей части получить лишь второстепенное значение. Но ввиду невозможности обозреть документальные источники, эту основную группу источников по истории народов Сибири, — приходится ограничиться обзором со-

держания источников повествовательных, разумея под последними летописные повести, описания чертежей, космографии, описания путешествий по Сибири русских посланников в Китай и т. п. Из сказаний иностранцев о Сибири, которые нашли в последние годы своего исследователя в лице М. П. Алексеева, уже давшего обзор главнейших известий о Сибири в трудах иностранных путешественников и писателей XVI—XVII вв.,¹ я остановлюсь лишь на тех, русский источник которых в форме того или иного сказания, повести, «реляции» и т. д. удастся установить без особого затруднения.

2. Уже один из первых сибирских историков XVII в., митрополичий дьяк Савва Есипов, автор летописной повести 1636 г. о завоевании Сибири русскими, в гл. 1 дает некоторые сведения о народах Западной Сибири. Описывая главнейшие реки, он называет живущих на них «вогуличей», татар, калмыков, «мугалов» «Пегой ордой остяков»² и «самоядь»³ и сообщает известные ему из письменных и устных источников сведения об их культе, пище, одежде, средствах передвижения и пр. Его интересует первоначальное население Сибири — «чудь», но о ней, к его времени, уже не сохранилось никаких устных и письменных известий.⁴ Конечно, при описании «вер», наибольшее внимание Есипова привлекают татары, которым он отводит целую главу (6-ю) «О вере царя Кучума»,⁵ не столько, впрочем, описывая ее, сколько предавая проклятиям этих «идолопоклонников». Он едва ли разбирается в религиозных отличиях магометан от других народов, «иже под областию Кучума быша» и которые «кумиром поклоняющи». Впрочем, в гл. 29 он сообщает все же некоторые подробности «о кумире остяцком», который был принесен остяками, когда они нападали на Обский (Мансуровский) городок.⁶ Савва Есипов приводит в общем скудные сведения о народах Сибири, с которыми сталкивался его герой Ермак, а про иных, например, калмыков, он затрудняется вообще сообщить что-либо из-за отсутствия известий в письменных и устных источниках.

¹ Сибирь в изв. зап.-евр. путеш. и писат., Иркутск, 1932, т. I, ч. 1, стр. X+368, и Иркутск, 1936, т. I, ч. 2, стр. 152+1 мен.

² В некоторых списках Есиповской летописи различается «Пегая орда» от «остяков».

³ Сибирские летописи, по изд. 1907 г., стр. 110—112.

⁴ Там же, стр. 116—117.

⁵ Там же, стр. 118—122.

⁶ Там же, стр. 152.

Не больше данных о народах Сибири мы находим у того неизвестного автора, который «исправил» труд Саввы Есипова: его произведение в принятой классификации сибирских летописей надо искать среди списков так называемой Есиповской летописи распространенной редакции.¹ К сожалению, то, что напечатано, не является первоначальным текстом этой редакции: его надо читать в том Головинском списке Есиповской летописи распространенной редакции,² который не был принят во внимание при издании сибирских летописей. Неизвестный автор этой, самой ранней, переделки Есиповской летописи также интересуется «началом Сибирского царства», но, как и Савва Есипов, отвечает на вопрос, «откуда почася и како», кратким — «не вем, понеже живяху чюдь», а в общем «Описании известительном о Сибирской земли и царстве и стране»³ повторяет уже известный рассказ своего предшественника. Впрочем, для него уже ясно, что понятие «остяки» более широкое, чем часть их — «Пегая орда», и в его обзоре о последней больше не упоминается. Все народы Сибири попрежнему объединяются им по признаку «неверных» в одну группу. Описание особенностей каждого из них, видимо, не интересует автора этой летописной повести, так как имевшееся у Есипова раздельное описание остяков и самоедов здесь приводится без такого разграничения: если у Есипова «остяки... одежду имеют от рыб, самоедь же от еленей», «ездят же остяки на псах, самоедь же на еленях», то автор переделки Есиповской летописи пишет, что «...остяки и самоедцы ношаху одеяние от рыб и еленей, ездят на еленях и на псах».⁴

Если автор так называемой Есиповской распространенной летописи в общем повторяет своего предшественника, летопись коего он «исправляет» не всегда удачно, то вторая часть его труда — так называемое «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее», сохранившееся во многих списках, представляющих разные редакции,⁵ дает несколько новых данных о народах Сибири. В некоторых

¹ «Сибирские летописи», стр. 171—240.

² Это рукопись № 181 б. Моск. дух. акад., лл. 23—59 (ныне в Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина). Точная копия с нее 1791 г. в рукописи № 376 Эрмит. собр. Гос. Публ. библ.

³ «Сибирские летописи», стр. 177—181.

⁴ Там же, стр. 112, 181.

⁵ Об этом памятнике сибирского летописания XVII—XVIII вв. см. далее, стр. 145 и след.

списках этого «Описания» встречаем описание не только «самоядцов» и «остяков», но и «тунгусов»; автор приурочивает его к рассказу о посылке в 1600 г. князя Мирона Шаховского и Данила Хрипунова «в Мангазею и в Енисейск», чтобы построить остроги «и тунгусов и самоедцов и остяков привести по их вере к шерти». ¹

В тексте «Описания», известного в литературе по его позднейшей редакции, напечатанной в ДРВ, М., 1788, изд. 2-е, ч. III, стр. 104—288, вообще-то говоря, мало сведений по этнографии народов Сибири, хотя и много говорится о них, главным образом, в связи с их восстаниями и нападениями на русские города и селения. ²

Если основная и наиболее распространенная сибирская летопись Есиповская и ее переделка — так называемая Есиповская распространенная летопись с ее продолжением «Описанием о поставлении городов...» — памятники 30-х и последующих годов XVII и даже XVIII вв., — давали мало сведений по этнографии народов Сибири, то не больше данных о них сообщают авторы многочисленных кратких сибирских

¹ Это описание читается, например, в рукописи ААН, ф. 21, оп. 5, № 38, лл. 35—36 об.: упомянутые в тексте народы «и поныне живут в Сибирской земле по реки Оби, коло Березова, по реки Енисею, коло города Енисейска, и по Лени реки, и по Амуру реки ж и платят оклад, а иные дают зверинной ясак: соболи, лисицы черные и другие всякие звери. Хлеба в них отнюдь не имеется. Живут по селам, по болотам, юртам. А употребляют себе на пищу звери: бьют олени, лоси, медведи белые и черные и всякие звери, рыб ловят, и едят все сырые. А рыбы всякой в сих по рекам довольно: осетров, севруг, стерляди, нельмов, шук больших, язей и протчей рыбы всякой довольствуются. По лету платье на себе носят рыбное: соскребши луску, сдерет кожу и выделает, и шьют рубашки и платья, и в оном ходят. А к зиме бьют олени и, ободрав кожу, зашьется в тулуп и обшьет в лапы ноги и руки и голову, на голове сошьет и з рогами, а носит наверх шерстию, и ходят, како звери. Ружья в них огненного не имеется, а имеют луки (л. 36 об.) деревянные жилованные большие и стрелы долгие и копии железные и оным оружием бьют всякие; а когда расходятца по лесам за зверем, бывает то, что и сами себе бьют и едят, а посторонним и много бывает сыдения от них самоедцев. Прежде сего они имели жен по две и по три; а когда крестились которые, то стали иметь по единой жене. А посту в них, которые вдаль живут поселеных городов христианского народа и от божественных церквей, не имеется. Понеже хлеб в них никакой не родитца, питаются мясом, ово егда же и рыбою».

² Интересная повесть о городах Таре и Тюмени посвящена также последней теме. М. Н. Сперанский приписывал ее составление тому же Савве Есипову, о котором упоминалось выше; в повести имеются некоторые подробности быта татар и калмыков в первой половине XVII в., («Труды комиссии по др.-русс. литер. Акад. наук», Л., 1932, I, стр. 13—32).

летописей. Таких кратких сибирских летописей, вернее повестей о завоевании Сибири русскими, сохранилось довольно много, и время их составления, а тем более авторы их неизвестны, но они несомненно относятся еще к XVII в.¹

В своих этнографических описаниях эти краткие летописи нередко почти буквально повторяют повесть Саввы Есипова,² или же опускают и те скудные этнографические данные, которые имеются у него.³ Впрочем, «Летописец вкратце»⁴ дополняет сведения Саввы Есипова, знавшего лишь народы Западной Сибири, рассказом об охотских «тунгусах»⁵ и приводит список народов, не упоминаемых в других летописных повестях: киргизов, саянцов, мездунцов (мундусцы), кайманцов, даутелеунов, яунмадусов (яумундусцы), учугов и карачайцев, кочевавших в его время около озера Телесского, — список, несомненно, заимствованный из чертежного описания 1673 г., где все эти народы названы в том же порядке.

Несомненно, сибирского происхождения и те статьи исторического, географического и этнографического содержания, которые имеются в общерусских летописях и касаются Сибири. В специальной литературе больше всего говорится о статьях так называемого «Нового Летописца»,⁷ которые, по мнению некоторых, будто бы даже влияли на сибирское летописание, но этнографический материал их еще более скудный, чем в упомянутых выше сибирских летописных повестях. Впрочем, памятники московского летописания XVII в. изучены очень мало, а издания их почти отсутствуют; в них могут, однако, оказаться кой-какие любопытные данные, происходящие, конечно, из местных сибирских источников, но неизвестные нам по дошедшим памятникам сибирского летописания XVII в. Примером этого рода могут служить, например, интересные статьи о Сибири, оказавшиеся в хронографе так назы-

¹ Напеч. в Прод. ДРВ, СПб., 1791, ч. VII, стр. 173—198, и в Сибирских летописях, стр. 241—311.

² Например, «Летописец Тобольской о Сибирской стране» (список Абрамовский), Сибирские летописи, стр. 241—243. Краткий летописец по Румянцевскому списку, там же, стр. 261—262. Есиповская летопись, там же, стр. 108—113.

³ Например, «Повесть летописная откуда начася царство биссерменское в Сибири» (список Погодинский), там же, стр. 270—271.

⁴ Прод. ДРВ, ч. VII, стр. 180 и след.

⁵ Там же, стр. 184.

⁶ А. Титов, Сибирь в XVII в., М., 1890, стр. 50.

⁷ Напеч. в ч. VIII Русской летописи по Никонову списку, СПб., 1792, и в т. XIV, вып. I, Полного собрания русских летописей.

ваемой третьей редакции по списку Гос. Публичной библиотеки из собр. Ф. А. Толстого.¹

В географической и этнографической части этих статей дается краткое описание быта местного населения, а также рек, озер, городов, причем едва ли не впервые в русской литературе приводится подробное описание костей мамонта, «а по их татарскому языку — кытр», а также других животных. Неизвестный автор этих статей приводит перечень «людей разноязычных», которые живут в Сибирском царстве,² описывает довольно подробно границы земель отдельных «языков» (вогульского, татарского, калмыцкого и др.),³ но всем им дает общее этнографическое описание, весьма близкое к тому, которое приводится в Есиповской летописи 1636 г.: «сии же людие, аще и подобни образом человеком, но нравом и житием подобни зверем, не имеют же закона: овии бо кланяются камению, инии же древию, инии птицам, сотворше бо от древа птицы, звери и змеи, покланяются». Как и Савву Есипова, автора этих статей интересует прошлое сибирских «языков»: «а от разделения язык сии языцы како нарицалися, сего не ведем, да и сами не ведают же, по своим языком письмен не имут, точию татары имут по своему языку писание и держат закон Моамедов; а калмыцкий язык приемлют учение от лаб Китайского царства, ходят в суеуме ума их». Автор знает некоторые вещественные памятники былой жизни неизвестных ему первоначальных обитателей Сибири: так, на р. Томи, «не дошед (Кузнецкого) острогу, на край реки Томи», по его словам, «лежит камень велик и высок, а на нем писано: звери

¹ Статьи напечатаны в — Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, собрал и издал А. Попов, М., 1869, стр. 398—404. Хронограф, в составе которого они приведены, должен быть отнесен ко времени не ранее 1645 г., а упомянутые статьи его (ср. имеющуюся там статью «О градах и о реках того Сибирского царства»; в ней сведения о реках Восточной Сибири ограничиваются рр. Нижней Тунгуской и Леной, куда «преходят сухим путем по многим местам», без подробного, как в других случаях, описания этого пути) должны относиться также к 1645 г. и близким к нему годам.

² По Изборнику... Попова, стр. 401, это место читается так: «в том же Сибирском царстве живут люди разноязычни: первые татаровя, также вогуличи, остяки, самоедь, лопане, тунгусы, киргизы, колмаки, якуты, мундуки, гвиляги (шиляги?), гарагили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моторцы, точинцы, сиянцы (саянцы), чаландасцы, камасирцы (камасинцы) и иных много разноязычных людей»; общее число «языков» в Сибирском царстве в статье «О градах и о реках» (там же, стр. 404) определяется, вопреки этому перечню, «числом 17».

³ Там же, стр. 402—404.

и скоти и птицы и всякие подобия; а егда по некоторому прилучаю отторжется камень, а внутри того писано якоже и на край»;¹ ему известны также «многие грады каменные и великие палаты по степным местам, а все пусты, а иные от давних лет осыпались, а какие люди сталися, никто о сем не весть». В приведенных сообщениях имеем самые ранние известия о томских писаницах и остатках известных построек в Калмыцкой степи, о которых в последующее время написано очень много.

3. Кроме летописей, сведения о народах Сибири естественно искать также в современных «космографиях». Действительно, в некоторых из них, более ранних по происхождению, какой является, например, «Книга глаголемая космография, сложена от древних философ, преведена с римского языка»,² имеются уже заметки о народах Сибири,³ а в статье, посвященной «царству Российскому», в некоторых списках подобных космографий приводится перечень народов великого «царства Сибирского» и дается общая характеристика их.⁴

Но в космографиях второго типа (по классификации А. Н. Попова), относимых к концу XVI в. или к началу XVII в., где описание России обычно составлено по Запискам о Московии (1549) Герберштейна, появляется иногда статья о «Российском государстве» и о «царстве Сибирском», несомненно, русского происхождения.⁵ Так, в рукописи № 1576

¹ Первое известие об енисейских писаницах находим в описании путешествия Н. Спафария через Сибирь в 1675 г.: «а до большого порогу не доезжая, есть место, утес каменной по Енисею; на том утесе есть вырезано на камени неведомо какое письмо, и меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны, и в руках у них булавы, и иные многие такие дела, как сказывают, что в том камню вырезаны на пустом месте; а никто не ведает, что писано и от кого» (Путешествие чрез Сибирь... русского посланника Ник. Спафария в 1675 году, СПб., 1882, стр. 85).

² Напеч. в Изборнике... стр. 459—476 и во «Времен. общ. ист. и древн.», кн. 16.

³ Изборник... стр. 465, примеч. (о самоедах, вогулах и остяках).

⁴ Там же, стр. 466: «земля, царство Сибирское нарицаемое, зверообразных людей, потому что живут по лесам и по рекам великим и питаются зверми и рыбою, кроме хлеба ядят кровавое и сырое, веры же и грамоты не имеют, добывают же и продают драгие звери: соболи, куницы, бобры, лисицы и белки множество».

⁵ Космографии второго типа с приведенным вариантом остались неизвестны А. Н. Попову — автору первого научного обзора русских космографий XVI—XVII вв. (Обзор хронографов русской редакции, М., 1860, вып. 2, стр. 215—227).

Погодинского собрания Гос. Публичной библиотеки, лл. 43—44 об., имеется статья о царстве Сибирском, по времени написания относящаяся к 1622—1640 гг. Автор статьи еще не знает р. Лены, а «ширина земли Сибирской», по его представлению, не дальше р. Енисея. Среди «языц агарянстих», которые живут в Сибири, автор упоминает «тунгусов», «остяков», и «самоедов», «иже кочествуют житием своим по великим рекам и дебрем и горам каменным; питаются же ся всяким зверем и птицами, но всего более от тех рек различными рыбами». Автор уже знает, что «изначала бо сия земля бисерменьская нарицалася Тартария» и, продолжая заимствовать из Герберштейна, приводит известие, что в Тартарии «имели идола злата Бабу... и поклонялись ей».

В космографиях более поздних, чем только что отмеченная, особенно тех, где переводный текст заменен текстом русского происхождения, какой, например, находим в космографии, имеющей заглавие: «Избрание вкратце от книги глаголемые космография, еже глаголется описание всего света...»,¹ — имеются уже довольно большие статьи, посвященные Сибири и ее народам. В только что названной космографии ей посвящены целые полторы страницы печатного текста.² Исследователь этого текста А. Н. Попов³ считает, что статья эта изобличает «в сочинителе непосредственное знакомство с тамошним краем», с чем приходится спорить, так как автор статьи, несомненно, почерпнул сведения о Сибири из книжных источников. Время составления этой статьи может быть указано лишь приблизительно: «ранее 1696 г.», поскольку эта космография встретила в рукописи этого года, но не ранее 1690 г., к которому отношу основной источник нашей статьи (о чем далее); датирование же ее 1671 г. следует признать неправильным.⁴

¹ Напеч. в Изборнике..., стр. 508—541.

² Там же, стр. 528—529.

³ Обзор хронографов, вып. 2, стр. 225, 226.

⁴ А. Н. Попов, Обзор..., стр. 226, высказывает это предположение на основании конца статьи, который у него напечатан дважды: в Обзоре, стр. 226, конец статьи читается так: «в лето от сотворения мира 6089 (т. е. 1671)», а в Изборнике, стр. 529, то же место воспроизведено иначе: «в лето от сотворения мира 7089-го году», — оба чтения не дают в переводе на наше счисление дату 1671 г. Приведенный текст надо читать не раздельно, а необходимо связать его с предыдущим («... и дань дают поглавную страны той люди великому Российскому государю»), и тогда дата «7089 году» будет указывать не время составления статьи, как думал А. Н. Попов, а время, с которого «страны той люди» давали дань русским.

Неизвестный автор статьи указывает прежде всего местоположение «Сибирского царства» и затем из «бесчисленных» народов Сибири приводит названия некоторых,¹ среди них называет ламутов, чукочи и юкагиров, не упоминаемых в других повествовательных источниках XVII в., а в конце перечня восточносибирских народов неожиданно называет вотяков, ничуть не смешивая их с остяками, которых он уже назвал выше — признак, что одним из источников для него служили те летописные повести, в которых и вотяки относятся к народам Сибири. Таких источников два: так называемая Строгановская летопись, которая едва ли была известна нашему сочинителю, и «Описание новые земли Сибирского государства», о котором речь была выше. Конечно, источником было последнее, так как текст нашей статьи во многом заимствован из «Описания», но переработан применительно ко всем народам Сибири, тогда как «Описание» говорит о них раздельно и в другом плане.² Таким образом текст этой космографии, помимо перечня сибирских народов, не имеет в остальной части самостоятельного значения. Кроме известий, заимствованных из «Описания», автор его приводит также рассказы людей, бывавших «за Обью»;³ эти рассказы, которым и сам он не знает, верить или нет, — весьма напоминают известия «Сказания о человецех незнаемых в Восточной стране», казалось бы, едва ли стоившие того, чтобы приводить их в доказательство, что «в зимнее время в странах Сибирские земли во многих местах мраза ради и тяжких воздухов никто ж обитати и жительствовати может в то время...».

4. Первый русский чертеж всей Сибири, составленный в 1629 г., и приложенное к нему чертежное описание, дошед-

¹ «Татарове, колмыки, бухары, мунгалы, киргизы, алатырцы (алтырцы?), аттырцы, барабинцы, якуты, тунгусы, остяки, самоедцы, ламуты, юкагири, карагили, чукочи, вогулы, вотяки и инии мнози... языцы».

² Изборник... стр. 528, и Сибирские летописи, стр. 378, или известие о плавании русских людей по Тунгускам и Ангаре в Изборнике... стр. 528, и о том же в «Описании», стр. 385.

³ «Глаголют же нецыи, яко за тою рекою Обью великою под самой север есть человецы дикие безгласни, точию зычат и сипят; зимою же, егда мрази настанут, человецы же пускают от поздрей своих сморг или соплю, и егда сии замерзнут, тогда стоят они яко о древесях; к весне же сии сопля растаивают, человецы же паки оживают; егда же кто с их соплю предложит, таковии уже не оживают, — но не вем о сих, аще истинна есть...». Ср. Д. Н. Анучин, К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране», М., 1890, стр. 50—53.

шее до нас в одной из рукописей Гос. Публичной библиотеки,¹ не заключали в себе данных о народах Сибири, так как преследовали чисто практические цели — дать роспись расстояний между отдельными сибирскими городами, сообщить сведения о людях, несущих подводную повинность и описать пути между городами.²

Второй русский чертеж всей Сибири, сочиненный в Тобольске при воеводе П. И. Годунове в 1667 г.³ и приложение к нему — чертежное описание⁴ — также не имели задачей дать карту и описание Сибири во всех отношениях, а преследовали весьма узкую цель — указать расстояние от места до места, количество дней — «езду», верст между ними, и отметить, где построить крепости и сколько драгун поставить в них. Ввиду этого интересующих нас этнографических сведений в них очень мало; на чертеже, впрочем, сделана первая попытка наметить расположение народов Южной Сибири: в «полуденной части чертежа указаны «мугалы», калмыки (контайшины, Облаевы, Кучковы и Урлюковы), южнее озера Телесского — «саянцы», а на севере отмечены одни лишь «самоеды».

Не больше данных, нужных нам, и в третьем чертежном описании всей Сибири 1673 г., являющемся приложением к чертежу всей Сибири этого года,⁵ при сочинении которого в основном ставились те же задачи, что и при составлении чертежа 1667 г.; правда, в нем имеется случайное упоминание о некоторых народах Сибири.⁶ Авторы чертежных описаний 1667 и 1673 гг. больше интересуются китайцами, чем народами Сибири.

Памятник, который близок чертежам 1667 и 1673 гг., в своей географической части (указание рек, населенных пунктов, расстояний между ними и дней езды), «Описание новые земли Сибирского государства»⁷ дает уже несколько больше

¹ Из собр. Погодина, № 1604, лл. 858—868 об. Оно напечатано А. А. Титовым в сборнике — Сибирь в XVII в., М., 1890, стр. 7—22.

² РИБ, VIII, ст. 410—412; ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 17, лл. 104—105 об., 107—108.

³ «Служебная чертежная книга» Ремезовых в Эрмит. собр. Гос. Публ. библ., № 237, лл. 30—31 («Чертеж древней Годуновской всея Сибири»).

⁴ А. Титов, Сибирь в XVII в., стр. 25—38.

⁵ А. Титов, назв. соч., стр. 41—54.

⁶ Там же, стр. 50: «а около Алтына (Телесского) озера кочуют многие иноземцы: саянцы, мундусцы, каиманцы, теленгуты, яумундусцы, учуги, карагасцы». Как отмечено выше, это место чертежного описания было известно автору «Летописца вкратце», о котором говорится выше.

⁷ Там же, стр. 55—101.

сведений о народах Сибири. Автор «Описания» имел в своем распоряжении больше всего известий о народах, живших в уездах Тобольского разряда; этим я объясняю, что в отношении других уездов Сибири, принадлежавших в XVII в. к Томскому и Енисейскому разрядам, он ограничивается лишь перечнем живших там народов.¹ Что же касается тех из них, которые жили «от Самаровского яма вниз великою рекою Обью, по обе стороны великой реки Оби и Иртыша и иных всяких рек», то в отношении их, а именно татар, «вотяков» (из дальнейшего текста видно, что под ними понимаются «остяки») и «самоедов», — автор сообщает немало новых данных, не встречающихся в более ранних письменных источниках,² но попрежнему дает только общее описание всех названных народов, не различая особенностей каждого из них.

В других географических сочинениях XVII в., имеющих преимущественно характер почтовых дорожников, в которых указываются отдельные географические пункты и расстояния между ними в днях езды водяным и сухим путем, интересующие нас данные почти не встречаются. Но иногда такие почтовые дорожники являлись лишь частью другого более обширного географического описания; в таких сочинениях находим кое-какие этнографические данные. Для примера можно указать на «Подлинное описание Сибирского государства...»,³ найденное мною в одной из рукописей б. Археологической комиссии (ныне Институт истории Академии наук). Неизвестный автор этого сочинения XVII в. интересуется не только чисто географическими вопросами Сибири, но и тем, «каковые по тем рекам разных языков люди имеют жительство, и у которых людей грамота есть и чем питаютца», и ввиду этого помещает в свое «Подлинное описание» сведения, например, о том, что «ясачные люди около Верхотурья словут вогуличи, живут кочевьем, а грамоты у них и веры нет, питаютца рыбой и сохатым зверем, лосьми и оленями, а государев ясак дают собольми и бобры и лисицы

¹ Сибирские летописи, стр. 382, 388, 389.

² Там же, стр. 378—379.

³ По описанию рукописей Археогр. ком., составленному Н. П. Барсуковым, СПб., 1882, стр. 174, под № 227, лл. 153—163 об., автор описания ошибочно обозначил это сочинение принадлежащим известному Савве Есипову, не обратив внимания на то, что, кроме летописи Саввы Есипова, на лл. 153—163 об. рукописи имеется другое сочинение, автором которого было лицо, нам неизвестное.

и белки»; подобные же сведения сообщаются далее при описании других городов и уездов.¹ Не отличаясь богатым этнографическим содержанием, подобные географические описания Сибири все же заслуживают некоторого внимания этнографа.

5. При обзоре сочинений второй половины XVII в., в которых речь идет о народах Сибири, необходимо остановиться также на трудах известного Юрия Крижанича, в течение пятнадцати лет (1661—1676 гг.) находившегося в ссылке в Тобольске. Автор специальной работы, посвященной Юрию Крижаничу и его пребыванию в России — С. А. Белокуров (М., 1906) говорит, между прочим, о каком-то труде его, написанном до 1675 г. и посвященном описанию Сибири, но затрудняется сказать о нем что-либо определенное.

О существовании этого сочинения впервые сообщил П. А. Бессонов, но не привел никаких сведений в подтверждение своих слов. Вслед за Бессоновым, С. А. Белокуров едва ли правильно ставил в связь это сочинение Крижанича с другим его трудом, написанным уже после отъезда из Московского государства в 1680—1681 г. и дошедшим до нас в двух латинских рукописях: этот труд носит название — *Historia de Sibiria* и был напечатан дважды,² но, как отмечает сам Юрий Крижанич, этот труд его представляет совершенно самостоятельное произведение, написанное по памяти и без всяких материалов, которыми он располагал в Тобольске. Между тем, Крижанич имел не только эти материалы, но являлся, по его словам, автором двух также недошедших до нас работ: 1) «О китайском торге в Сибири» и 2) «Дополнений» к ней, которые были переданы им в копии Николаю Спафарию, русскому послу в Китай. Крижанич имел со Спафарием неоднократные беседы о Сибири и Китае в марте — мае 1675 г., во время пребывания Спафария в Тобольске.³ Поиски труда Крижанича о Сибири, о существовании которого сообщил П. А. Бессонов, нельзя признать законченными, их следовало бы продолжить, в особенности ввиду того, что у С. У. Ре-

¹ Например, при описании Туринского острога: «а ясачные люди Туринского уезду татаровя живут кочевьем, а грамота у них и вера по Мааметову закону; питаютца рыбою и скотом и сохатым зверем: лосьми и оленьми...»; про татар Тюменского уезда сказано, что они «хлеб пашут яровой, к тому питаютца скотом и рыбою», и т. п.

² Г. И. Спасским в «Сиб. вестн.», 1822, и А. А. Титовым в сборнике «Сибирь в XVII в.», стр. 115—216. Об этом труде С. А. Белокурова, назв. соч., стр. 140, 197—200, прил. стр. 4.

³ Белокуров, назв. соч., стр. 131, 140, 143, 177.

мезова, с отцом которого Юрий Крижанич был близко знаком,¹ находим указание, правда, не совсем ясное, что в 1673 г. было сочинено первое описание народов Сибири; невольно возникает предположение, не был ли автором этого описания Юрий Крижанич, находившийся в очень близких отношениях с разными кругами Тобольска, откуда он мог почерпнуть необходимые сведения, даже не отлучаясь, как ссыльный, из Тобольска.

Пока же приходится отметить, что и в своем позднейшем труде — История Сибири, Крижанич сообщает исторические, географические и этнографические сведения о «вогулах», «остяках», «самоедах», татарах, бурятах, «даурах» и калмыках,² которые, впрочем, полностью оставались известны немногим, читавшим его труд; в научный оборот они вошли лишь отчасти в 1692 г., когда Н. Витзен привел некоторые известия Крижанича в своем труде — Noord en Oost Tartarye, а в целом виде сочинение Крижанича появилось впервые только в 1822 г.

Сведения Крижанича о Сибири были не единственными, которые приводит Витзен в первом издании своего труда, вышедшем в 1692 г.;³ большая часть их была получена им непосредственно из Московского государства. Количество сведений о народах Сибири, которые находим у Витзена во втором издании его труда, вышедшем в 1705 г., неизмеримо больше, чем в первом. Объяснение можно найти в том, что именно в эти годы (1695—1703) во главе Сибирского приказа, где было сосредоточено немало таких материалов, находился думный дьяк А. А. Виниус, весьма интересовавшийся Сибирью, и сам автор чертежа Сибири,⁴ на котором были отмечены народы Сибири и «границы» их земель. Ему, главным образом, обязан Витзен теми многочисленными известиями об юкагирах, киргизах, калмыках, коряках, ламутах, алюторах, остяках, чукчах, тубинцах, тунгусах и вогулах, которые появились во втором издании и которых нет в первом.⁵ Только

¹ Белокуров, Юрий Крижанич в России, стр. 115.

² Обстоятельный обзор и оценку сведений — *Historiae de Sibiriae* см. в статье И. И. Тыжнова в «Сиб. сборн.», приложение к «Восточн. обзор.», 1887, стр. 112—126.

³ У него же о гиляках, ч. 2, стр. 30, 32, 36, 543; об якутах, ч. 2, стр. 436; о самоедах, ч. 1, стр. 13, ч. 2, стр. 521 и след., 543 и след., 560, 573.

⁴ Гос. Публ. библ., Эрмит. собр., № 237, лл. 32—33.

⁵ Перечень известий Витзена о Сибири и ее народах по 3-му изданию Витзена (1785 г.) приведен у С. А. Белокурова, Юрий Крижанич в России, прилож., стр. 19—27.

в немногих случаях Витзен указывает определенно, от кого им получено то или другое известие, но русское происхождение большинства из них несомненно; в частности, упомянутое выше «Описание новые земли Сибирского государства», как убедительно доказано С. В. Бахрушиным,¹ было использовано Витзеном еще для первого издания его труда, а его известия о г-ляках и р. Амуре, несомненно, восходят к трудам Спафария.

Николай Спафарий, которому Крижанич сообщил свои труды о Китае, вскоре по возвращении из посольства в Москву, в 1677 г. представил в Посольский приказ, кроме статейного списка посольства, три труда, посвященные Сибири и Китаю.³

Являясь исключительно ценным памятником по географии Сибири, особенно тех мест, через которые ехал Спафарий в 1675—1677 гг., его описание путешествия, наряду с перечислением рек и описанием их, а также населенных пунктов, городищ и пр., указывает и границы расселения отдельных народов⁴ и дает этнографическое описание «народа остяцкого»,⁵ к сожалению, почти не вошедшее до сих пор в нашу научную литературу. Спафарий, кажется, первый заметил, что под именем «остяков» разумеются совершенно различные народы: «сами себя именуют своим языком, которые по Обе живут и по Иртышу кандаях, а нарымские и кецкие именуют же себя чугулы... Только и у них хотя и един народ и вера одна, однакоже языки у них живут разные, насилу друг друга выразумеют...»⁶

Не упоминая предшествующие этнографические источники, Спафарий, однако, использует их, в частности чертежное описание Сибири 1673-го года, особенно в отношении тех мест, где он сам не был.⁷

¹ Очерки, стр. 186—187.

² Он напечатан в «Вестн. археол. и ист.», СПб., 1906, в. XVII, отд. 2, стр. 162—339, и дает много географических и иных подробностей, не всегда имеющих в других трудах Спафария.

³ См. выше, стр. 31—34.

⁴ Например, «от сего места (на Иртыше) юрты татарские больши нет, а начинается народ остяцкий... а пошли остяки от деревни Лебоутено на Иртыше», стр. 34, 35.

⁵ Путешествие через Сибирь..., стр. 35, 70, 83, 84.

⁶ Путешествие через Сибирь..., стр. 83—84.

⁷ Ср., например, его Путешествие через Сибирь..., стр. 69 и в чертежном описании Сибири 1673-го года. (по изд. А. Титова), стр. 50. Разбор известий Спафария о народах сибирских см. у. Г. Н. Потанина в рец. на издание Путешествия, «Журн. Мин. нар. просв.», 1883, ч. 227, стр. 301 и след.

Его второй труд, посвященный описанию Китая, лишь отчасти касается сибирских народов, главным образом пограничных областей, но дает едва ли не первые сведения о народах Приамурья, в частности, о гиляках. Известное «Сказание о реке Амуре», где о них имеются некоторые сведения, как уже отмечено, принадлежит также Спафарию и является частью этого труда. Сведения о гиляках, богдойцах, мунгалах, калмыках и тангутах находим, наконец, в его «Татарской книжице», о которой упоминалось выше.

Спустя пятнадцать лет по возвращении Спафария в Москву, в Китай было отправлено новое русское посольство, во главе которого стоял Избранд Идес, который по возвращении из посольства, кроме статейного списка, стал подготавливать также описание своего посольства, появившееся на голландском языке в 1704 г.

В этом описании путешествия Избранда через Сибирь отведено весьма большое место сибирским народам. От всех предшествующих описаний труд Избранда Идеса отличается прежде всего наибольшей полнотой и основан в большинстве случаев на его личных наблюдениях. В начале главы 20 (последней по русскому переводу, в ДРВ, IX, стр. 420) Избранд Идес, сравнивая себя с «большою частью путешествующих», видит свое отличие от них в том, что «описал лишь то, о чем подлинно ведал, и во оном описании, кроме существа, никакого украшения не употреблял...». Автор только в отношении Китая ссылается иногда на труды своих предшественников, в отношении же Сибири пишет совершенно самостоятельно. У него находим этнографические описания «вогулов» (VIII, 369—373), татар тобольских (379—380), «остяков» (387—394), «тунгусов» (403—408, 422, 426—430; IX, 442—444, 453), бурят (409—414), «дауров» (442—445, IX, 444), «самоедов» (IX, 422—426, 453), татар уфимских и башкирских (431—433), «барабинцов» (434—437), киргизов (439), бурято-монголов (439—441), «алемуров и корисов» (445), «гиляков» (446—447), «чукоч» и «коряков» (447—448), якутов (449—451) и, наконец, «юкагиров» (451). Из этого перечня видно, что труд Избранда Идеса является, в сущности, первым этнографическим трудом русского происхождения о большинстве народов Сибири, хотя и написанным на немецком языке, причем для некоторых народов он дает вообще первое этнографическое описание их. Ценность труда увеличивается еще от того, что к нему была приложена составленная Избрандом Идесом карта Сибири. Исправляя во многом карту Сибири Витзена, карта Избранда,

на которой обозначены также местожительства некоторых тибирских народов, несомненно, многое заимствовала из чертежа Сибири С. У. Ремезова, и с этой точки зрения она имеет большое, значение, так как благодаря ей в западноевропейскую науку вошли более правильные представления о географическом распределении народов Сибири, о которых там знали, главным образом, по труду Витзена и его карте Сибири, где так много вздорного и нелепого.

IV. С. У. РЕМЕЗОВ КАК ЭТНОГРАФ СИБИРИ XVII в.

1. Говоря о Ремезове, как этнографе Сибири, обычно указывают прежде всего на этнографический чертеж его, помещенный на листе 23 «Чертежной книги Сибири 1701-го года», причем отмечают, как это делает, например, Л. С. Берг в его труде — Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, Л., 1935, стр. 52, что чертеж этот составлен в Тобольске 8 июня 1673 г.¹ На основании приведенных выше биографических данных о Ремезове очевидно, что это утверждение является ошибочным: Ремезову в 1673 г. было лет 12. Ближайшее же знакомство с самим этнографическим чертежом и сравнение его с другим чертежом той же «Чертежной книги Сибири 1701-го года», помещенным на листе 21, именно «Чертежом всех сибирских градов и земель», составленным Ремезовым впервые в Москве в августе-сентябре 1698 г., не оставляет сомнений, что географическая основа обоих чертежей одна и та же, только в этнографическом отсутствуют, конечно, те подробности, которые там не были нужны, но которые имеются в «Чертеже всех сибирских градов и земель».

Недоразумение же с отнесением этнографического чертежа к 1673 г. происходит из-за того «надписания» (описания) чертежа, которое он имеет в «Чертежной книге Сибири 1701-го года». Текст этого описания, действительно, несколько путанный и не вполне ясный, а потому на нем следует остановиться. Воспроизвожу его для ясности последующего изложения:

«Чертеж сходство и наличие² земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи, лист 23.

¹ С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 18, прим. 1: «первые работы Ремезова по составлению общей карты Сибири относятся уже к 1673 году».

² В «Чертежной книге Сибири 1701-го года», которая напечатана в 1882 г. по плохой копии Румянцевского собр. Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина, чертеж озаглавлен ошибочно: «Чертеж и сходство наличие»; исправлено по оглавлению рукоп. № 237, Эрмит. собр. Гос. публ. библ., в составе которой на л. 38, под № 34, находился наш чертеж, ныне в рукописи утерянный.

Надписание о ординьских землях. Сей чертеж наличие земель написася: междо рек и урочищъ грани и межи сосед всех сибирских городов, сходство по рекам, по кое урочище с соседьми владение земли своей впредки; они бо из своих жилищ с родных границ не выступают и в соседские не вступаются; а будя ис которого языка орды в которую землю вступят скотом или на промысле какова будя зверя уловить приидут, и о сем меж ими чинитца межъусобье и грабленье. И о сем в Тобольску, по свидетельству преосвященного Корнилия, митрополита сибирского и тобольского, во 181-м году июня в 8-е число первое по допросам, пословно и хлебосолю, во исполнение сибирскому чертежу, испытую о всем ведомцов, бывальцев и старожилов, коя земля на ветрах в коих местах у орд с соседи в урочищах сходна. И сему, в различии шаров и цветов, учинен сей в наличии сибирский чертеж сходство всей Сибири города Тобольска и всех розных городов жилищъ и степи и иноземских орд родов и язык, вокруг облегающих сосед; о них нам повести и чертежи в подсвоение ясаку належат».

Выше уже указано, что Ремезов не мог сделать свой чертеж в 1673 г.; но если это так, то к чему же относится дата 1673 г., встречающаяся в «надписании» чертежа? Видимо, Ремезов говорит в нем о каком-то описании земель народов Сибири, предпринятом, как о том свидетельствует митрополит сибирский и тобольский Корнилий, в 181-м году (1673). Тогда, ввиду возникавших между «ордами» «межъусобий и граблений» из-за владения и пользования землями, в связи или в дополнение к «сибирскому чертежу», надо думать, к чертежу того же 181-го года, на основании показаний «ведомцов, бывальцев и старожилов», — впервые («первое») было составлено описание и чертеж земель сибирских народов, с указанием границ этих земель («коя земля на ветрах в коих местах у орд с соседи в урочищах сходна»).

Кажется, этот первый этнографический чертеж был известен Ремезову только по найденным им у митрополита сибирского Корнилия известиям. Но своему чертежу Ремезов ставит ту же цель: указать «наличие» (т. е. где, именно, находится) и «сходство» (т. е. границы) земель отдельных народов Сибири, или, как он пишет, «сей чертеж наличие земель написася междо рек и урочищъ грани и межи сосед всех сибирских городов, [и] сходство по рекам по кое урочище с соседьми владение земли своей впредки» (т. е. на будущее время). В конце «надписания» к чертежу он указывает, как

он выполнил свою задачу: «и сему (из контекста очевидно, что «сему» значит «сходству земель»), в различия шаров и цветов (т. е. при помощи употребления на чертеже различных цветов красок: основных «шаров» и составных — «цветов»), учинен сей в наличии сибирский чертеж сходство всей Сибири». На основании этого ясно, что подлинный чертеж был сделан Ремезовым в несколько красок, на подобие разноцветных чертежей, имеющихся в рукописи № 237 Эрмитажного собрания, где находятся подлинные чертежи Семена Ремезова.

Этнографический чертеж был сделан Ремезовым после составления им в Москве в августе-сентябре 1698 г. чертежа всей Сибири. Но еще до составления этнографического чертежа Ремезов выполнил другую работу, тесно связанную с ним: он сочинил описание народов Сибири.

Приговор Сибирского приказа 10 января 1696 г.,¹ на основании которого были выполнены в Сибири большие картографические работы, в той части его, которая касалась Тобольска, между прочим, предписывал не только составить там «большой всей Сибири чертеж», но и «описать, в котором месте какие народы кочуют и живут, также с которой стороны к порубежным местам какие люди подошли». «Большой всей Сибири чертеж» не мог быть составлен в Тобольске по отсутствию необходимых для этого местных чертежей — чертежей отдельных уездов, и был сделан Ремезовым только по прибытии в Москву. Но к работе по составлению описания народов Сибири, особенно тех частей ее, которые были в ведении городов Тобольского разряда, он приступил уже в 1696 г. во всяком случае еще до поездки в Москву в июле 1698 г. В период 1696—1697 гг. им был составлен чертеж «части Сибири», городов и уездов Тобольского разряда (Верхотурье, Пелым, Туринск, Тюмень, Тара, Сургут, Березов и Мангазея) и соседних «земель» — Калмыцкой, Казачьей орды, Дюрбетской, каракалпаков, Аксакальской, Копчашской и Уфимской («Чертежная книга Сибири 1701-го года», лист 2 — «чертеж земли Тобольского города»).

Материалы для этого чертежа собирались Ремезовым на местах с октября 1696 г. Ремезов выезжал «в Тобольской уезд, чтобы остроги и слободы и волости и урочища... описать; и в посылке Семен многих людей, русских и иноземцев, старожил, бывальцев, ведомцев про урочища допрашивал и остроги и волости описал». Так были собраны не только гео-

¹ Полное собрание законов, III, № 1532.

графические материалы, но и много сведений по этнографии и истории русского населения и, главным образом, «иноземцев»; из этих материалов только незначительная часть была использована для чертежа «внутренней Сибири» и географического описания к нему, остальная же часть должна была войти в другой труд Ремезова — «Описание о народах Сибири», главным образом западной Сибири или, еще точнее, уездов Тобольского разряда.

2. Этот труд Ремезова в первый раз был указан в «Отч. Моск. Публ. и Румянц. музеев за 1879—1882 г.», при описании поступившего в Музей списка Черепановской летописи, в числе источников которой, по словам составителя Отчета, был также труд Ремезова — «Описание о сибирских народах». Это краткое указание как-то не было замечено, и авторы, писавшие о Ремезове в последующие годы, об этом его труде не упоминают; не говорит о нем, в частности, и Л. Н. Майков, изучавший источники Черепановской летописи.¹ Между тем, в упомянутой летописи автор ее — тобольский ямщик Иван (а не Илья, как ошибочно думают) Черепанов, писавший между 1750 и 1760 гг., неоднократно ссылается на так называемую Ремезовскую летопись, а в предисловии к своему труду, при перечислении источников, говорит, что имел в своем распоряжении, кроме того, «Описание о сибирских народах и граней их земель, по грамоте великого государя и по наказу сочинено... тобольским сыном боярским Семеном Ульяновым сыном Ремезовым в лето от Адама 7206, от Р. Х. 1698, взятия Сибири 118; в сей же летописи она являющаяся вторым описанием Ремезовым будет упоминаться».² И действительно, Черепанов неоднократно упоминает этот труд, приводя из него довольно большие выдержки.

К сожалению, несмотря на обилие извлечений из этого труда, которые находим в Черепановской летописи, они все же не дают возможности судить обо всем этом труде, в целом виде пока не найденном. В авторстве Ремезова, которому Черепанов приписывает этот труд, трудно сомневаться: из других источников мы знаем уже, что такой труд был написан в Тобольске, если не в целом виде, то в большей своей части в 1696—1697 гг., и что автором его был, несомненно, Семен Ремезов. Против авторства последнего могло бы служить лишь одно обстоятельство, которое отмечает тот же Черепанов

¹ Летопись. зан. Археогр. ком., 1884, вып. VII, отд. IV, стр. 44—68.

² Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина, отд. рукоп., № 2214, л. 3—3 об.

нов: Ремезовская летопись («первое описание Ремезова») не знает Тайбуги, тогда как во «втором описании Ремезова» о нем говорится очень подробно;¹ но о Тайбуге и Тайбугином роде, как известно, по-разному сообщают сибирские летописные повести.² Поэтому нет ничего странного в том, что в двух своих трудах, как уже отмечено выше, разновременных (из них более поздним я считаю «Описание о народах Сибири»), Ремезов использовал разные источники. Необходимо заметить при этом, что разноречия в обоих случаях, в сущности, нет, так как во «втором описании» Ремезов пишет, как этнограф, приводя те рассказы, которые он нашел у татар и других народов, не подвергая их исторической критике, которая в известной мере была у него при создании им летописной повести — «первого описания». Но сомнение, которое может возникнуть в связи с указанными разноречиями, исчезнет, когда сравнишь отрывки «Описания о народах Сибири» с упомянутым выше этнографическим чертежом Сибири, автором которого был бесспорно Ремезов. Все народы Сибири, упоминаемые в сохранившихся отрывках «Описания о народах Сибири», отмечены и на этнографическом чертеже, причем терминология в обоих случаях одинакова. Так, в «Описании» читаем: «Остяцкая земля в четыре языка разделяется: первые обдоринские остяки с самоедами емлются, другие — кодские городки и князь [о]собой, третьи — сургутские или Пестрая орда и князь [о]собой, четвертые под Нарымом остяки, жилья тако ж и язык их и князи [о]собые, в делех и пословицах во всем друг от друга разнствуют... а в их земли четыре города: Березов, Сургут, Нарым и Кецкой...», — но те же названия можно видеть и на этнографическом чертеже, причем «Описание» дает подробные указания, по каким рекам проходит граница «Остяцкой земли». Многочисленные названия калмыцких родов на этнографическом чертеже находятся в полном соответствии и имеют объяснение в подробной статье о калмыках, которая имеется в «Описании».³ Эти факты не оставляют сомнений, что перед нами труды одного и того же автора.

Труд Ремезова в отдельном виде не найден, а потому нельзя сказать, насколько точно Черепанов передавал свой

¹ Гос. Публ. библ., список Черепановской летописи, которым пользовался Н. М. Карамзин, Ф. IV, № 384, лл. 15 об. — 16.

² Ср., например, об этом в Сибирских летописях, стр. 112—115, 262, «с рассказом «Летописца вкратце» в «Прод. ДРВ», 1791, VII, стр. 186—188.

³ Гос. Публ. библ., Ф. IV, № 324, лл. 38—38 об., 75—77.

источник, который он использует во всех почти случаях,¹ когда ему приходится говорить впервые о тех или иных народах Сибири. В большинстве случаев он его пересказывает, иногда, кажется, воспроизводит его буквально.

Приводимые Черепановым отрывки, где он ссылается на «второе описание» Ремезова, распадаются на две группы: в одних приводятся сказания, главным образом татарские — «о начале Сибирской земли» и «о начале происхождения народов в Сибири», в других — «о обычаях сибирских народов».

Рассказы первой группы основаны на «татарских историях», которые, по словам «второго описания» Ремезова, «возвещают о великом хане Татаре, иже первой обретется в Сибири с спящею женою на великом холму, еже ныне называют Красный яр, где потом построен город Красноярск. Но как он от сна пробудился и в немалом смущении и недоумении с женою своею был, в то время пришел к нему молодой человек и рассказал о будущем добром тут житье, да притом показывал, как звери и рыбу ловить... Родилось же от него сынов и дочерей и от них детей умножилось до 200, тогда умре». Далее, в том же «втором описании» Черепанов нашел историю преемников Татар-хана, от сына его Кызылтина до последних двух ханов на Красном яру — Мунчака и Онсома, из которых последний, притесняемый братом, отошел со своими улусными к р. Ишиму, где стал сильным и богатым ханом.²

Из того же источника Черепанов приводит также рассказ о Тайбуге, сыне Иртышака, и его потомках, отличающийся от общеизвестных рассказов Есиповской и других летописных повестей;³ этот рассказ, несомненно, также основан на одной из татарских историй.

Татарские повести «О начале происхождения народов в Сибири», изложенные Черепановым по «второму описанию» Ремезова, представляют несомненный интерес, как рассказы, которые Ремезов слышал от самих татар. В приводимой им редакции рассказы эти, насколько можно судить, до сих пор

¹ Исключением является то место Черепановской летописи, где впервые говорится о ненцах: здесь, без упоминания имени автора, приводится статья о них Г. Ф. Миллера, напечатанная в «Прим. к СПб. Ведом.», 1732 г., ч. 28—32, стр. 137—152, составленная в основном по 2-му изданию труда Витзена.

² Гос. Публ. библ., Ф. IV, № 324, лл. 15 об., 55, 91—91 об.; Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина, № 2214, лл. 133—133 об., 222—224.

³ Гос. Публ. библ., Ф. IV, № 324, лл. 8 об., 16 об. — 17.

неизвестны в исторической литературе и, как местные предания, они ценны для историка и этнографа Сибири.

Но последний с еще большим интересом прочтет у Черепанова вторую группу известий, заимствованных из того же труда Ремезова, именно «о обычаях сибирских народов». Как и в известиях первой группы, тех же тем Ремезов касался в своем более раннем труде — в «первом описании» или повести о завоевании Сибири. В некоторых статьях этой повести находятся, как известно, не только географические, но и этнографические сведения о Западной Сибири,¹ имеющие, впрочем, случайный и отрывочный характер. Во «втором описании» Ремезова каждому из народов Западной Сибири была посвящена особая статья, иногда довольно больших размеров, основанная на материалах личных наблюдений автора или же полученных от «старожилов, ведомцов и бывальцов». В сохранившихся отрывках речь идет об остяках и остяко-самоедах, вогулах, татарах и калмыках. Очерки построены примерно по одному и тому же плану: о разделении народа на «языки», об «обычаях», о вере, об одежде, пище, внешнем виде, платье, оружии, средствах сообщения и пр., а в заключении указываются «межи» земель, занимаемых данным народом. Эта последняя часть тесно примыкает к этнографическому чертежу Ремезова, являясь, в сущности, его описанием. Сравнивая чертеж с сохранившейся частью «Описания», можно думать, что в «Описании» была, по крайней мере, еще одна глава, содержание которой Черепанов не приводит — это глава о ненцах, которую Черепанов заменил очерком о тех же ненцах, составленным Г. Ф. Миллером. Кроме земли «самоеди терской», на чертеже видим «землю самоеди гиндинской» (т. е. «самоеди», подчиненной Гынде Тайшину), «землю юрацкой самоеди», «землю немирных самоедов» и, наконец, «землю многих родов тунгусов и самоединов, в ней град Турухан»; трудно сомневаться, чтобы все эти земли,

¹ См., например, ст. 9 — сведения о Сибири, полученные Ермаком от «чусовлян»: о реках, о живущих по берегам их народах и об образе их жизни (понятно, известия, вложенные в уста «чусовлян» XVI в., являются известиями XVII в., так как едва ли «чусовляне» XVI в. могли знать, что «Обь река пала в море двема устьи»), ст. 120 — «О белогорском болване» и др. Этнографические данные о народах Сибири XVII в., извлекаемые из рисунков Ремезовской летописи; представляют также большую ценность: рисунки являются единственным изобразительным источником XVII в. бесспорно русского происхождения, так как рисунки, приводимые в изданных сочинениях иностранных писателей о Сибири XVII—XVIII вв., в большинстве случаев иноземного происхождения.

подчиненные Тобольску, не были описаны Ремезовым в его труде.

Если, таким образом, отсутствие у Черепанова выписок из «второго описания» Ремезова, посвященных ненцам, объясняется тем, что он нашел источник, более полно отвечавший на вопросы о них, то отсутствие у него подобных же выписок о народах, живших на землях, подчиненных городам Томского, Енисейского и Якутского разрядов, на территории Сибири по рр. Верхней Оби, Енисею, Лене, Амуру и его северному и восточному побережью, показывает, что в «Описании о народах Сибири» Черепанов вообще не нашел этих сведений, иначе пришлось бы предположить, что в отношении Восточной Сибири он не считал эти сведения нужным выписывать.

Таким образом несомненно, что, за исключением главы о ненцах, мы знаем о содержании большей части труда Ремезова, посвященного народам Западной Сибири. Составляя этот труд еще в Тобольске, в 1696—1698 гг., до поездки в Москву, Ремезов, конечно, не располагал какими-либо определенными данными о народах Восточной Сибири, и потому, естественно, воздержался от сообщения каких-либо известий о них в своем «Описании».

В Москве, на основании чертежей, полученных в Сибирском приказе из разных городов Сибири, Ремезовым был составлен чертеж всей Сибири, в исправленном виде вошедший затем в «Чертежную книгу Сибири 1701-го года» (л. 21).

3. Эта книга, как отмечено выше, была сочинена Ремезовым в Тобольске в 1699 и 1700 г., причем в ней имеются и некоторые новые чертежи; среди них тот этнографический, о котором речь шла уже выше: время его составления, таким образом, именно 1699—1700 гг.¹ Для этого чертежа Ремезов использовал не только те материалы, которые он имел еще до поездки в Москву, именно о народах Западной Сибири, но и географические материалы о Восточной Сибири — чертежи уездов Томского, Кузнецкого, Енисейского, Красноярского, Илимского, Нерчинского и Якутского. Так, именно из этих чертежей были взяты все те названия, которые в копии этого чертежа, имеющейся в «Чертежной книге», находятся в его

¹ Вероятнее всего, что чертеж был закончен в конце 1700 г. В основе его лежит чертеж всей Сибири 1698 г., в который внесена одна существенная поправка: на этнографическом чертеже Камчатка уже полуостров, что Ремезову стало известно только в декабре 1700 г. (см. выше о «сказке» Вл. Атласова и о получении ее Ремезовым).

восточной (левой) половине. Приговор 1696 г., на основании которого на местах были составлены чертежи уездов, не требовал сочинения описания их и, тем более, описания живших в уездах народов; ввиду этого из городов Восточной Сибири поступили только географические чертежи, которые и были переданы Ремезову в Москве для работы по составлению «Чертежной книги» и некоторых новых чертежей, в том числе этнографического. Располагая только географическими чертежами, не сопровождавшимися описанием, Ремезов мог выполнить свой этнографический чертеж в отношении Восточной Сибири с меньшею точностью, чем в отношении Западной Сибири.

Ввиду этого должны быть приняты во внимание недоумения, которые возникают у исследователей относительно некоторых земель в южной и восточной Сибири и соответствующих народов, которые показаны на чертеже Ремезова не там, где они находились по документам того же времени,¹ но вина здесь часто не Ремезова, а составителей местных чертежей, использованных Ремезовым для его «Чертежной книги». Оригинал ее, хранящийся в собрании Румянцева в Библиотеке Союза ССР имени В. И. Ленина, является плохой копией подлинных чертежей Ремезова, которые имеются в рукописи № 237 Гос. Публичной библиотеки, Эрмит. собр., и которые далеко не всегда сходны с их копиями. К сожалению, в рукописи № 237 утерян подлинник того чертежа, который является сводкой всех данных о народах Сибири и их землях, именно чертежа «Сходство и наличие земель всей Сибири». При отсутствии подлинника этого чертежа и при возможной неточности копии с него — коррективом явятся чертежи уездов Восточной и Западной Сибири, снятые Ремезовым с чертежей, присланных в Москву с мест, а также подлинники чертежей, составленных им самим и которые в большей части своей сохранились в упомянутой рукописи № 237.

Эта проверка данных этнографического чертежа показаниями подлинных чертежей Ремезова и снятых им копий с чужих чертежей была бы весьма облегчена, если бы рукопись № 237 была издана, благодаря чему географы и этнографы Сибири получили исключительный по ценности материал.

¹ См., например, замечания Г. Н. Потанина в рецензии на «Чертежную книгу Сибири» в «Журн. Мин. нар. просв.», 1883, ч. ССХХVII, стр. 316 и след.

Если, таким образом, показания этнографического чертежа подлежат постоянной проверке, в особенности в отношении Восточной Сибири, он все же является ценным этнографическим источником XVII в., известия которого, в особенности если они дополняются соответствующими отрывками «Описания о народах Сибири», заслуживают самого серьезного внимания этнографа и историка народов Сибири XVII в.

Этот чертеж Ремезова, вошедший в «Чертежную книгу Сибири 1701-го года», представленную Ремезовым в Сибирский приказ в январе 1701 г., вероятно, был известен Избранду Идесу и использован им для его карты Сибири; последняя, как уже отмечено выше, нашла широкое распространение в Западной Европе и, таким образом, чертеж Ремезова не остался без влияния на западноевропейскую картографию Сибири и установление правильного представления о распределении народов на ее территории.

Трудно сказать, был ли известен ученым, современникам Ремезова, другой его труд «Описание о народах Сибири», но, независимо от этого, интерес наш к этому труду нисколько не уменьшается. Наряду с описаниями Спафария и Избранда Идеса «Описание» Ремезова сообщает ценные данные по этнографии народов Западной Сибири в конце XVII в., хотя оно и дошло до нас не как текст самого Ремезова, а в передаче автора другого оригинального труда, который еще ждет своего исследователя.

У. СОБИРАНИЕ И ИЗДАНИЕ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ В СВЯЗИ С ИХ ИЗУЧЕНИЕМ

1. Как и в отношении общерусских летописей, начало собирания сибирских летописей связано с именем В. Н. Татищева. В 1749 г. он писал, что, будучи в Далматском монастыре, снял у тамошнего архимандрита Исаакия копию с «Летописца тобольского», сочиненного ротмистром Станкевичем. Исаакий был архимандритом в Далматском монастыре с 1702 по 1724 г.¹ Значит, находку этого «Летописца» следует относить ко времени первого пребывания Татищева в Сибири (1720—1723). Татищев считал, что найденный им «Летописец» составлен во времена Годунова, Шуйского и царя Михаила. «Летописец», бывший у Татищева, до нас не дошел;² он, вероятно, погиб во время пожара в имении Татищева вместе с другими рукописями вскоре после его смерти.

Но, конечно, первым настоящим собирателем летописей сибирских был Г. Ф. Миллер. Кроме летописи Ремезова, о которой будет речь особая, им были вывезены из Сибири несколько списков Есиповской летописи в разных редакциях, а также несколько кратких сибирских «летописцов».³ Такие же списки были привезены и его сотрудниками, например, С. П. Крашенинниковым.⁴ Миллер же первый выступил в 1749 г. с предложением издать две из сибирских летописей: Есиповскую и Ремезовскую, но мысль его не встретила тогда сочувствия.⁵ В его Истории Сибири, вышедшей

¹ Строев, Списки иерархов, ст. 947.

² Об этом «Летописец» см. ниже, стр. 149—150.

³ Перечень их в Истории Сибири, Миллера, Л., 1937, т. I, стр. 562—563.

⁴ АНН, ф. 3, оп. 1, 196, л. 508.

⁵ Миллер, История Сибири, Л., 1937, т. I, стр. 83—84.

в 1750 г., находим первый опыт классификации сибирских летописей и использования их, как основных источников, для истории Сибири XVI—XVII вв.

После Миллера, во время академической экспедиции в Сибирь в 1768—1774 гг., Фальку удалось найти в Тобольске летопись, составленную тобольским ямщиком Иваном Черепановым, о содержании которой в описании путешествия Фалька находим некоторые сведения.²

Первыми по времени издания оказались, однако, не летописные повести о завоевании Сибири, какими являются известные еще в XVIII в. Есиповская и Ремезовская летописи, а сибирский летописный свод XVII—XVIII вв.: он появился в издававшейся Н. И. Новиковым Древней Российской Вифлиофике, ч. VI (стр. 167—312) и VII (стр. 321—432) первого издания, 1774—1775 гг., и ч. III (стр. 104—288) второго издания, 1788 г.

Свод имеет здесь заглавие, данное ему редактором — «Записки к сибирской истории служащие», за которым приведено другое, заимствованное, надо думать, из рукописи — «Описание сколько в Сибири, в Тобольске и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия оной атаманом Ермаком Тимофеевым в котором году и кто имяны бояр и окольничих и стольников и дворян и стряпчих на воеводствах бывали и дьяков и писмянных голов и с приписью подьячих, и кто который город ставил и в котором году и от которого государя царя кто был, и в коя лета устроися в Сибири престол архиерейский и кто были архиереи». Никаких указаний на рукопись, на основании которой сделано издание, не имеется, и на этот счет, как увидим далее, приходится только гадать. «Описание» явилось ценным источником по истории Сибири, которым пользуются все историки Сибири XVII в., хотя оно до сих пор не изучено со стороны своего происхождения.

Несколькими годами позже, в 1791 г., одна из сибирских летописей — краткий сибирский летописец, вывезенный Миллером из Сибири, была напечатана С. Я. Румовским в издававшемся Академией наук Прод. ДРВ, ч. VII, стр. 173—198.¹

¹ Joh. Falk, Beiträge zur topographischen Kenntniss der Russischen Reiches, Erster Band, St. Petersbourg, 1785; Полное собрание ученых путешествий по России, ч. VI, стр. 402 и след.

² По рукописи № 71 из собр. Г. Ф. Миллера (ныне рукопись № 48/68, лл. 109—132, б. Библ. Моск. главн. арх. Мин. ин. дел (теперь в ГАФКЭ); ср. Г. З. Кунцевич, История о Казанском царстве и Казанский летописец, СПб., 1905, стр. 3, 114, 115 и 237.

Отмеченным выше, кажется, исчерпывается все, что было сделано в XVIII в. по собиранию и изданию сибирских летописей.

2. В XIX в. сибирские летописи обратили на себя внимание, прежде всего, Н. М. Карамзина, который в своей *Истории Государства Российского*, т. IX, прим. 630, пользуется не только известными уже в XVIII в. Есиповской, Ремезовской и Черепановской летописями, но и вновь найденной Строгановской, которую неутомимый собиратель сибирских источников Григ. Иван. Спасский опубликовал в 1821 г.;¹ он же издал отрывки Черепановской летописи² и повторил в 1824 г. издание Есиповской летописи,³ в 1822 г. появившейся в «Тр. СПб. о-ва любит. росс. словесн.», под ред. директора Пермской гимназии Никиты Попова.

Кроме этих летописей, в 1826 г. в «Сев. Арх.», ч. 19, в № II и III, был напечатан так называемый «Сибирский летописец», издание которого было повторено в 1892 г.⁴

Вопрос об издании сибирских летописей был поставлен также в 1841 г. В январе этого года Д. Н. Блудов переслал министру народного просвещения найденную в Швеции рукопись, заключающую в себе: 1) «Описание о Сибирской земле», 2) «Историю о Сибирской земле» и 3) «Историю о Хинском царстве».⁵ Блудов предполагал по этой рукописи «сделать... новое издание сибирских летописей», но Николай I «соизволил повелеть предоставить издание этих летописей Археографической Комиссии». Последняя не имела тогда намерения издавать сибирские летописи и вынесла по этому вопросу уклончивое постановление, обещая «принять в свое время в соображение при издании сибирских летописцев присланную рукопись».⁶

В последующие годы сибирские летописи хотя и привлекают к себе серьезное внимание исследователей, но выявляются и издаются случайно. Так, в труде П. И. Небольсина — *Покорение Сибири*, СПб., 1849, находим попытку не только противопоставить иной взгляд на соотношение Есиповской и Строгановской летописей, чем тот, который высказывали Карамзин и Спасский, но и издание нескольких новых списков сибирских летописей.

¹ «Сиб. вестн.», 1821, ч. XIV, и отд. СПб., 1821.

² Там же, 1824, ч. XXV.

³ Там же, 1821, чч. VI и VII; 1823, ч. XXII.

⁴ Сибирский летописец, с пред. Е. В. Кузнецова, Тобольск 1892.

⁵ Рукопись Археогр. ком., по описи Барсукова № 70.

⁶ Проток. Археогр. ком., вып. II, стр. 19.

Карамзин считал Строгановскую летопись (им же впервые так названную) «достовернейшею (всех оных и сочиненной, как вероятно, около 1600-го году». Автор этой летописи, по словам Карамзина, «имел в руках своих грамоты Иоанновы, данные Строгановым, и пишет основательно, просто».¹ Но, как уже отметил Небольсин,² «Карамзин не заблагорассудил открыть нам, почему он следует Строгановской летописи» и почему он считает ее «сочиненною, вероятно, около 1600-го года». По мнению Небольсина, последние слова Карамзина «не заслуживают никакого вероятия уже потому, что Строгановская летопись в самом начале говорит о сибирской «архиепископии», тогда как первая архиепископия учреждена там не ранее 1621-го года, что и заставляет нас относить эту летопись, по крайней мере, ко 2-й половине XVII стол.; может быть, даже она и еще позже составлена».³

Возражая Небольсину, С. М. Соловьев писал, что «Строгановская летопись должна быть предпочтена всем другим известным сибирским летописям по своим источникам, по согласию известий своих с источниками, неоспоримо достоверными»,⁴ и давал таким образом ответ, почему он, Соловьев (подобно Карамзину), давал предпочтение Строгановской летописи. Продолжая подбирать доказательства в защиту Строгановской летописи, Соловьев писал затем: «Но если бы даже мы и не знали значения источников Строгановской летописи, то и тогда мы должны были бы предпочесть ее Есиповской, ибо Строгановская объясняет нам явление вполне удовлетворительным образом, указывая на постепенный ход, связь событий...». Касаясь вопроса о времени составления Строгановской летописи, Соловьев отвергал отнесение ее Небольсиным ко второй половине XVII в. (упоминание архиепископии и проповеди христианской) и считал, что «об архиепископии говорится не в начале, а в заглавии ее, которое, ясно, написано не составителем ее, а позднейшим ее переписчиком»; «в самой же летописи, в конце, где следует ожидать известий об архиепископии (почему? — А. А.), их нет».

Следует заметить, что в «древнейшем» списке Строгановской летописи, каким является список, изданный Спасским и положенный позднее также в основу издания в Сибирских

¹ Карамзин, IX, примеч. 644.

² Покорение Сибири, стр. 8.

³ Там же.

⁴ История России, изд. «Общ. пользы», II (т. VI), ст. 335—344.

летописях в 1907 г., упоминание «архиепископии» в заглавии имеется; то же видим в четвертом списке (второй половины XVII в.); его нет именно в позднейших двух списках той же летописи, относящихся к XVIII в.; получается, таким образом, как раз обратное тому, что утверждал Соловьев.

Настоящее заглавие летописи Соловьев видел в конце ее: «изложена же бысть сия повесть...» и т. д. до конца; по его мнению, оно написано составителем и изменено позднейшим переписчиком. «Что же касается до известия о распространении евангельского учения во всех концах Сибирской земли, то это очень можно было сказать в начале XVII в.: под Сибирскою землею разумелась (тогда) ... Сибирь в тесном смысле — царство Кучумово».

На некоторое время спор о древнейшей сибирской летописи прекратился, но он вновь разгорелся в связи с столь же спорным вопросом о роли Строгановых в деле покорения Сибири. Выяснение отдельных обстоятельств участия их в последнем продолжалось в течение всего XIX в. В конце концов спор приводил все же к вопросу о зависимости отдельных летописей друг от друга, так как от того или иного взгляда на эту зависимость устанавливался взгляд на обстоятельства завоевания, как известно, по-разному излагаемые различными сибирскими повестями о завоевании Сибири. Но выяснение правильного соотношения между отдельными источниками возможно лишь в том случае, когда они все более или менее известны, чего не было в течение всего XIX в., так как списки сибирских летописей не были выявлены, а сами они не были изданы по известному плану.

3. Когда в 1869 г. Археографическая комиссия приступила к переизданию общерусских летописных сводов, ранее того появившихся в первых восьми томах Полного собрания русских летописей, то, наряду с этим, А. Ф. Бычков выступил 31 октября 1870 г. с предложением «немедленно начать издание в свет летописей сибирских в двух редакциях (кроме того, есть еще несколько мелких), а также других местных летописей», причем для всех их отводил два тома, из которых один должны были занять сибирские летописи и так называемый «Двинский летописец». Мысль А. Ф. Бычкова была одобрена Комиссией, которая тогда же поручила издание сибирских летописей члену Комиссии П. В. Павлову,¹ искусствоведу по специальности.

¹ Летоп. зан. Археогр. ком., V, отд. IV, стр. 168—169.

Довольно скоро, в заседании 1 февраля 1871 г., П. В. Павлов выступил с подробной запиской о рассмотренных им рукописях, содержащих в себе сибирские летописи, и о том плане издания их, который намечался для издания.

Просмотрев 12 списков различных сибирских летописей, Павлов пришел к тому же заключению, которое было распространено в те годы: вслед за Спасским и Карамзиным Павлов утверждал, что древнейшею сибирскою летописью следует считать Строгановскую, «повидимому, написанную в первой четверти XVII в.»; за ней он признавал большую достоверность по сравнению с Есиповской, составленной в 1636 г., и особенно Ремезовской; последнюю, в противовес Миллеру, Павлов, опять-таки повторяя Карамзина и других, считал «летописью только по форме, по существу же своего содержания — сибирским народным сказанием, исполненным чудес и всяких невероятностей географических, хронологических и чисто исторических». Рассматривая имевшиеся у него списки Строгановской и Есиповской летописей, Павлов заметил, что обе они «впоследствии были сокращены, по всей вероятности, во второй половине XVII в., причем сокращение Есиповской летописи было использовано при составлении «Нового Летописца», один из списков которого был уже тогда напечатан в т. VIII Никоновской летописи, изданной Академией наук в 1792 г. По мнению Павлова, «продолжение Есиповской летописи составляют краткие сибирские летописи, повествующие о поставлении в Сибири городов, о начальствующих лицах, светских и духовных (преимущественно города Тобольска), также о многих событиях, обращавших на себя особенное внимание современников».

Опираясь на эти выводы, Павлов составил «общий план издания сибирских летописей». План Павлова предусматривал издание: 1) начальных пространных сибирских летописей, 2) сокращений начальных сибирских летописей, 3) кратких сибирских летописей, как продолжений начальных сибирских летописей, и, наконец, 4) «жития Ермака», как Павлов предлагал называть Ремезовскую летопись.¹

Получив еще пять списков сибирских летописей, Павлов в заседании Археографической комиссии 13 марта 1871 г. представил «план издания сибирских летописей более подробный». В него он включил:

I. Начальные сибирские летописи и их сокращения:

¹ Летопис. зан. Археогр. ком., VI, отд. IV, стр. 1—7.

1) Строгановская летопись; 2) сокращение Строгановской летописи (между прочим, вошедшее в состав текста одного списка «Нового Летописца»); 3) Есиповская летопись; 4) сокращение Есиповской летописи: а) сокращение более пространное, б) сокращение менее пространное (большею частью, входящее в состав текста «Нового Летописца»).

II. Краткие сибирские летописи.

III. «Житие Ермака» (так называемый «Тобольский летописец» с рисунками).¹

В соответствии с этим планом Павлов предлагал начать издание с текстов Строгановской летописи. Комиссия располагала тогда списком позднейшим, чем тот, который был напечатан Спасским в 1821 г., а имевшийся у него не удавалось сначала отыскать. В заседании 23 мая 1871 г. тот же Павлов сообщил, что «он, при посредстве гр. С. Г. Строганова, отыскал список Строгановской летописи — самый древний, могущий быть принятым за основной при издании этой летописи, с которой должно начаться полное издание сибирских летописей».²

В имеющихся печатных материалах нет сведений о том, когда был одобрен Археографической комиссией представленный Павловым план издания сибирских летописей, но в заседании 17 ноября 1872 г. он доводил до ее сведения, что, «окончательно установив план издания сибирских летописей, в основных чертах одобренный Археографической комиссией, он приступил к приготовлению к изданию текста первой древнейшей летописи — Строгановской, но, по причине продолжительной болезни, не мог в настоящем году окончить предпринятого им труда».³ 20 апреля 1874 г. Павлов сообщал, что он окончательно приготовил к изданию сибирские летописи и просил определить формат и количество экземпляров издания. Комиссия решила печатать сибирские летописи по образцу выходивших тогда вторых изданий русских летописей, в количестве 610 экземпляров.⁴ Надо думать, что Павлов приступил тогда же к печатанию, но в его работе по изданию наступило замедление в связи с назначением его 4 июля 1875 г. ординарным профессором в Киевский университет по кафедре теории и истории искусства. Сначала Павлов намерен был закончить печатание летом 1876 г., а затем летом 1877 г., но,

¹ Летопис. зан. Археогр. ком., VI, отд. IV, стр. 14—15.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 86—87.

видимо, не успел сделать этого из-за болезни и служебных обязанностей; в ноябре 1878 г. по отпечатании двух с половиной листов, он отказался от дальнейшей работы, и Комиссия поручила продолжение издания Л. Н. Майкову.¹ Но в следующем году издание сибирских летописей, за неимением у Комиссии средств, было приостановлено.

В 1880 г. расходы по набору, печати, бумаге и брошюровке сибирских летописей согласился принять на себя петербургский купец А. И. Зост, на средства которого в том же году было выпущено, под наблюдением А. И. Тимофеева, фотолитографское издание Ремезовской летописи, озаглавленное: «Краткая сибирская летопись (Кунгурская)». Как известно, так называется та часть рукописи Ремезовской летописи, которая писана на вставных листах и не принадлежит Ремезову.

Летом 1881 г. Л. Н. Майков приступил к продолжению издания прочих сибирских летописей, а осенью того же года в статье — Хронологические справки по поводу 300-летней годовщины присоединения Сибири к русской державе² — высказал свой взгляд на сибирские летописи, представляющий интерес потому, что установленное тогда соотношение летописей было положено в основу последующего издания сибирских летописей. Вслед за Карамзиным, Спасским и Соловьевым Майков считал «самой ранней из сибирских летописей Строгановскую», полагал правильным отнесение ее составления ко времени «около 1600-го году» и думал, что «Соловьев в VI томе своей Истории России представил весьма сильные доводы против Небольсина и в защиту Строгановской летописи». Второй по времени происхождения Майков считал Есиповскую летопись. Он относил ее составление к первой четверти XVII в. и видел в ней «только риторическую переделку Строгановской». В отличие от своих предшественников Майков придавал известное значение показаниям Ремезовской летописи, которою Соловьев, например, совсем не пользовался. Павловым была отпечатана полная Строгановская летопись по Строгановскому списку и сокращение Строгановской летописи. Майков приготовил к печати Есиповскую летопись по имевшимся в Комиссии спискам XVIII в. и уже сдал его

¹ Летоп. зан. Археогр. ком., VIII, отд. IV, стр. 6, 23. Экземпляр отпечатанных листов (40 стр.) хранится в Библ. Инст. истории Академии наук СССР.

² «Журн. Мин. нар. просв.», 1881, № 9, и отд. СПб. 1881, стр. 16.

в набор, но, прежде чем набранные листы были подписаны к печати, видимо неожиданно, были найдены новые списки полной Есиповской летописи, что заставило Майкова переделать уже подготовленную к изданию работу.

В результате произведенных тогда поисков, число списков оказалось не четыре, а тринадцать, причем один из них 1650 г. (Русского Археологического общества). В основу издания был положен список Публичной библиотеки (Q XVII № 13), к которому из прочих были взяты варианты. Кроме того, тогда же были найдены некоторые другие списки сибирских летописей, неизвестные Павлову. Ввиду этого Археографическая комиссия постановила перепечатать вновь напечатанные уже два с половиною листа.¹

Как проходило печатание сибирских летописей в последующие годы — неизвестно, но в феврале 1892 г. в числе изданий Археографической комиссии, «которых печатание приостановилось», отмечены вновь «сибирские летописи»: их было отпечатано к тому времени пять с половиною листов.²

От 1895 г. имеется известие, что Л. Н. Майков, видимо, вновь продолжает подготовку и печатание тома сибирских летописей.³ После смерти Майкова, 7 апреля 1900 г., выяснилось, что текст сибирских летописей совершенно готов и отпечатан; указатель, составленный В. В. Майковым, также готов и находится в рукописи. Не было только предисловия. Это обстоятельство озабочивало покойного Л. Н. Майкова, и он, через посредство В. Г. Дружинина, вступил в переговоры о составлении предисловия с С. М. Середолинным, который «изъявил готовность написать оное».⁴ В апреле 1903 г. Комиссия поручила В. Г. Дружинину окончательно условиться с С. М. Середолинным о составлении предисловия, а В. В. Майкову приступить к набору и печатанию указателя «лиц и мест» к сибирским летописям; ему же было поручено в мае составить предметный указатель.⁵

В ноябре 1901 г. В. В. Майков сообщал, что «указатель к сибирским летописям в наборе и будет окончен в декабре».⁶

В 1903 г. продолжались работы «по окончанию издания сибирских летописей», и Комиссия просила Московский Пу-

¹ Летоп. зан. Археогр. ком., VIII, отд. IV, стр. 40, 63—64.

² Там же, IX, извлеч. из протока, стр. 112.

³ Там же, XII, извлеч. из протока, стр. 20.

⁴ Там же, XIII, извлеч. из протока, стр. 11.

⁵ Там же, 12—13.

⁶ Там же, XIV, извлеч. из протока, стр. 57.

блинный и Румянцевский музей сохранить в ее пользовании некоторые рукописи сибирских летописей, «издавая» находившиеся в Комиссии, а в отчете ее за 1903 г. отмечено, что «продолжались работы по составлению указателя к отпечатанным... сибирским летописям». Но в феврале 1904 г. Редакционное совещание Археографической комиссии выносит особое постановление об ускорении издания и просит В. В. Майкова «озаботиться скорейшим выпуском в свет первого тома сибирских летописей, снабдив текст предисловием с описанием рукописей, принятых для издания, и указателями — личным и географическим, отбросив предметный». ¹ В октябре 1904 г. В. В. Майков представил в то же Совещание «образцы описания сборников, заключающих в себе текст сибирских летописей, вошедших в издание Комиссии», после чего было решено «продолжать описание сборников согласно утвержденным образцам описания». ²

Только 31 октября 1906 г. В. В. Майков прочел составленное им предисловие к сибирским летописям, которое и было утверждено Редакционным совещанием Археографической комиссии, ³ а 17 ноября — всей Комиссией.

Медленное составление предисловия объяснялось тем, что В. В. Майкову пришлось «вновь разыскать и описать все привлеченные к изданию рукописи». ⁴ Наконец, в отчете Комиссии за 1907 г. отмечено, что выпущены в свет «Сибирские летописи». ⁵

Такова история подготовки и издания тома основных источников по истории Сибири XVII—XVIII вв., который появился в 1907 г. под названием «Сибирских летописей». В нем читаем прежде всего предисловие, составленное В. В. Майковым, в котором, после весьма краткой истории издания, В. В. Майков сообщает, что вторым редактором «Сибирских летописей» — Л. Н. Майковым «были установлены следующие редакции сибирских летописей»:

I. Строгановская, разделяющаяся на: А) основную, Б) распространенную и В) сокращенную редакции.

II. Есиповская, тоже разделяющаяся на: А) основную, Б) распространенную и В) сокращенную, причем типов сокращений пять.

¹ Летопис. зап. Археогр. ком., XVII, извлеч. из протоков, стр. 20.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, XIX, извлеч. из протоков, стр. 55.

⁵ Там же, XXI, извлеч. из протоков, стр. 5.

III. Ремезовская».

Кроме летописей, в издании помещена статья «Описание Сибири», начинающаяся рассказом о завоевании Сибири и оканчивающаяся сведениями о Китае. Предложенная здесь схема «редакций» сибирских летописей в основном повторяет ту, которую предлагал в 1871 г. П. В. Павлов; в ее переработке, принадлежащей Л. Н. Майкову, неожиданно выпал, однако, тот раздел, в который П. В. Павлов помещал «Краткие сибирские летописи». Это тем более странно и непонятно, что одна из таких кратких летописей была, как отмечено уже выше, напечатана еще в XVIII в. под заглавием — «Записок, к сибирской истории служащих», а другая, так называемый «Сибирский летописец», была издана дважды в XIX в., в последний раз в 1892 г., в те годы, когда Л. Н. Майков медленно двигал издание сибирских летописей. Л. Н. Майков внес деление редакций на «первую», «распространенную» и «сокращенную»¹ (у Павлова: Строгановская — полная и одно «сокращение», Есиповская — полная и два типа сокращений), причем сокращений Есиповской летописи оказалось у него уже пять. Так как не имеется никаких пояснений, по каким признакам сделано это новое деление, приходится об этом только догадываться. Но даже при беглом сравнительном изучении, например, «распространенной» Есиповской летописи и «первой» следует признать, что по существу это две разных редакции, которым нет оснований давать общее название — «Есиповская летопись», так как автором «распространенной» Есиповской было другое лицо, а не архиепископский дьяк Савва Есипов: этот другой автор кое-что сократил в Есиповской «первой» и кое-чем ее дополнил. Так, например, гл. 7 и часть гл. 8 Есиповской «первой» (Сибирские летописи, стр. 122—127) вошли в состав гл. 7 Есиповской «распространенной» (стр. 190—192), рассказ которой дополнен, однако, большой вставкой (стр. 192—194) о донских казаках и о том, что первые известия о «Сибирском царстве» Ермак получил от жителей реки Чусовой «Строгоновых вотчинных людей», причем вставка эта в сокращенном виде читается также в «Новом Летописце».² Сокращенную передачу представляет также в Есиповской «распространенной» известный сино-

¹ В предисловии В. В. Майкова они неудачно названы также «редакциями».

² Русская летопись по Никонову списку, осьмая часть, СПб., 1792, стр. 1—2.

дик (ср. Сибирские летописи, стр. 164—168 и 236—238), после которого, между прочим, читаем: «конец предлагаемого летописца изложен бысть сице» (стр. 239)¹ и далее приводится имеющийся в конце Есиповской летописи текст о составлении ее в 1636 г. Ясно, что автор переделки Есиповской летописи, изменив ее, приводит в заключение окончание того летописца («предлагаемого летописца»), который он переделывал. Любопытно отметить, что за «распространенной» редакцией Есиповской летописи обычно следует в рукописях «Описание о поставлении городов», или краткий сибирский летописец, по терминологии П. В. Павлова, который оказался опущенным Л. Н. Майковым.

Еще меньше текстуального сходства между «первой» Есиповской и теми «сокращенными» Есиповскими летописями, которых редактор насчитал пять видов: здесь, что ни вид, то, в сущности, особая редакция, имеющая мало общего с основным текстом Есиповской летописи. Недаром один исследователь, писавший после выхода в свет Сибирских летописей, считал некоторые списки «сокращенной» Есиповской летописи (Бузуновский — «4-е сокращение» и Головинский — «5-е сокращение») восходящим совсем к другому источнику — к тексту «Нового Летописца».² К нему он возводил также и основной список (список Ундольского), по которому напечатана «распространенная» Есиповская летопись.

Если, таким образом, в результате изучения списков сибирских летописей, относимых Л. Н. Майковым к трем редакциям Есиповской летописи, получается другая картина их зависимости друг от друга, то аналогичное явление наблюдаем также после изучения трех редакций Строгановской летописи.

В Строгановской «распространенной», в двух рукописях ее, находим в гл. 14 определенную ссылку на Есиповскую летопись: «Глава 14. Сказание Сибирские земли о царех и князех, како и откуда начашася и чесо ради Сибирь именуется. Писано о том довольно в первом переводе в главе 2-й». Под

¹ Так читается во всех побочных списках Есиповской «распространенной», в основном же — списке Ундольского здесь иначе. В собственно Есиповской («первой») это место читается так: «конец же предлагаем [предлагаю] летописи сия». Нужно признать неудачным выбор списка Ундольского в качестве основного: его чтения в большинстве случаев отличаются от всех прочих списков этой же редакции и сближают его скорее со списками первой редакции Есиповской летописи.

² С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 180.

«первым переводом» здесь подразумевается «Списание о Сибирской земле» Саввы Есипова, помещенное в обоих известных списках Строгановской «распространенной», которая поэтому и названа в обоих этих списках «ин перевод». Другими словами, автор Строгановской «распространенной» имел одним из своих источников также Есиповскую летопись, в гл. 2 которой, действительно, «писано... довольно о царех и князех Сибирской земли», «како и откуда начашася и чесо ради Сибирь именуется». ¹

Таким образом по своему происхождению Строгановская «распространенная» — памятник, происшедший от переработки, во всяком случае, двух летописей, и едва ли правильно называть ее именем одной из них.

Совершенно особый памятник представляют также списки Строгановской «краткой» летописи: они не только по своему содержанию отличаются от Строгановской летописи первой редакции, но известия в них нередко стоят по изложению ближе к Есиповской, чем к Строгановской: в рассказе, например, о смерти Ермака Строгановская краткая летопись повторяет в основном известия Есиповской летописи и только в заключении — в известии о Матвее Мещеряке — близка к тексту Строгановской летописи первой редакции. ² Такое же соотношение устанавливается и при параллельном изучении рассказов о пришествии «остяков» к Мансуровскому городку и др. ³ Таким образом и здесь мы имеем дело с памятником, происшедшим в результате переработки, по крайней мере, двух летописей: Есиповской и Строгановской, причем новая редакция ближе к первой, чем ко второй летописи.

На основании этих беглых наблюдений приходится признать предложенную в «Сибирских летописях» классификацию отдельных редакций Строгановской и Есиповской летописей неправильной и не выдерживающей критики. Сибирское летописание XVII—XVIII вв. не укладывается в ту схему, которую предложил Л. Н. Майков: наряду с Строгановской и Есиповской летописями приходится отмечать памятники производные от них. От второй из них произошла, несомненно, та летопись, которая в Сибирских летописях названа Есиповской «распространенной». От переработки обеих летописей появились две новые редакции: Строгановская «распространенная» и Строга-

¹ Сибирские летописи, стр. 65, 113—115.

² Там же, стр. 102, 147—148 и 38.

³ Там же, стр. 103, 151—153 и 39—41.

новская «краткая» — по терминологии Сибирских летописей. На Строгановскую «краткую», а также на некоторые списки Есиповской краткой редакции, несомненно, влиял «Новый Летописец», к которому, наряду со Строгановской и Есиповской летописями, следует возводить некоторые сибирские летописи.

В соответствии со взглядами Карамзина и других, Л. Н. Майков на первом месте ставил Строгановскую летопись, считая ее древнейшей.

4. Покойная А. М. Ставрович, долго работавшая над сибирскими летописями, путем остроумных соображений доказала, что составление Строгановской летописи следует относить ко времени около 1673 г., «ибо впервые в 1673 году в официальном акте (в жалованной грамоте царя Алексея Михайловича именованному человеку Григорию Дмитриевичу Строганову), являющемся ответом на челобитье Строгановых (Доп. к АИ, VI, № 67, I), появляется указание на участие Семена Строганова в призвании Ермака, тогда как подлинная опальная грамота (Доп. к АИ, I, № 128) его не знает, и Семен вставлен в текст опальной грамоты только (в изложении ее) в Строгановской летописи».¹

С. В. Бахрушин, имевший возможность изучать большую работу А. М. Ставрович, посвященную анализу сибирских летописей, приводит указание, что А. М. Ставрович относит составление Строгановской летописи к 1668—1673 гг. «Отдавая должное искусству, с которым автор обосновывает свою гипотезу», С. В. Бахрушин полагает, что «нельзя, однако, считать вопрос ею разрешенным до тех пор, по крайней мере, пока не будут подвергнуты научному обследованию рукописные тексты Строгановской летописи, из которых один, как известно, датируется предположительно серединой XVII в.»² Упоминаемый С. В. Бахрушиным список Строгановской летописи — это основной список при издании Строгановской летописи в 1821 и в 1907 гг. Он находился в сборнике, полученном в 1843 г. в дар гр. С. Г. Строгановым от Г. И. Спасского, первого издателя Строгановской летописи.

Этот сборник в 1923 г. хранился в библиотеке Строгановского дворца-музея в Ленинграде, хотя в опись «рукописных

¹ А. М. Ставрович, Сергей Кубасов и Строгановская летопись, Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, П., 1922, стр. 285, 291; Сибирские летописи, стр. 55.

² С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 178.

книг» этой библиотеки, напечатанную в 1923 г.,¹ он почему-то не попал.

Возражая А. М. Ставрович, изучавшей этот список, А. А. Введенский писал в 1923 г., что «почерк, которым писана летопись (Строгановская — А. А.) явная скоропись первой (подчеркнуто автором — А. А.) половины XVII в. — это, во-первых, а, во-вторых, по филигрань на бумаге рукопись определено и точно датируется тридцатыми годами XVII в.», ввиду этого вывод А. М. Ставрович, относившей Строгановскую летопись ко времени около 1673 г., по мнению А. А. Введенского, «безусловно должен пасть, и пока существует подлинник, его внешний вид будет всегда резко протестовать против такого утверждения» (ib., стр. 99). Это решительное заявление не было подтверждено, однако, соответствующими доказательствами, обычными при палеографическом обследовании рукописи.

Рукопись, на основании которой решается один из важных вопросов сибирского летописания — время, к которому относится «древнейший» список Строгановской летописи, — поступила в 1930 г. в рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки. Она потеряла уже некоторые свои внешние признаки, отмеченные в описании ее, сделанном в 1907 г. В. В. Майковым (нет никаких данных на ней о принадлежности ее Строгановской библиотеке и утерян тот листок, «принадлежащий к переплету», на котором была отметка С. Г. Строганова, что он получил летопись в дар от Г. И. Спасского 13 ноября 1843 г.), но за всем тем, это та же рукопись, которую описал¹ в 1907 г. В. В. Майков и которая послужила основным списком при издании Строгановской летописи в Сибирских летописях и единственным списком при издании ее в 1821 г. Г. И. Спасским.

Почерк рукописи я отношу ко второй половине XVII в., с чем согласен и В. В. Майков, который помог мне в исследовании рукописи Строгановской летописи.

Филигрань бумаги, на которой писана рукопись — кувшинчик с одной ручкой и с крышкой, украшенной полумесяцем, на кувшинчике с трудом можно разобрать две буквы, из которых одна — О или латинское — G. В известных сборниках снимков филиграней кувшинчика, похожего вполне на описан-

¹ «Север», 1923, кн. 3—4, стр. 111—115.

² В описании В. В. Майкова небольшая неточность: в сборнике не «684 листа», а 684 страницы, что соответствует 328 листам по нумерации 1930 г.; текст Строгановской летописи на лл. 300—328 новой нумерации.

ный, не отыскалось, но у Тромонина¹ и особенно у Каманина-Витвицкой² имеется много филиграней, близких к нашей по типу и отдельным деталям, но, вопреки категорическому заявлению А. А. Введенского, эти филигранные встретились на бумаге не только тридцатых годов XVII в., но также сороковых и пятидесятих и даже 1660 г.,³ а это несомненное свидетельство, что этот знак может встретиться и после 1660 г. и, значит, не может быть приурочен к определенным годам XVII в.

Таким образом оба признака, по которым определяется время написания древнейшего списка Строгановской летописи — почерк и филигрань — не являются решающими и, во всяком случае, являются спорными: ведь, на основании почерка В. В. Майков (предисловие к Сибирским летописям, стр. 11) сначала отнес интересующий нас почерк ко времени «не позже половины XVII в.», А. А. Введенский, видимо, склонен был относить тот же почерк «определенно и точно» к тридцатым годам XVII в., а теперь В. В. Майков и я относим его ко второй половине XVII в. Решающее значение должны иметь здесь не почерк и филигрань бумаги, на которой написан древнейший список, но другие обстоятельства, связанные с содержанием летописи и грамот («подлинные обстоятельства существования дела»), и те возражения, которые приводит А. А. Введенский А. М. Ставровиц и именно в этом направлении, сначала по вопросу, почему не была послана опальная грамота Семену Строганову, хотя и он заслуживал «опалы», а затем тут же доказывая, что эта грамота все же была послана, но до нас, видимо, не дошла, — кажутся мне не убедительными. Гипотезу А. М. Ставровиц об обстоятельствах и времени составления «первой» редакции Строгановской летописи, несмотря на возражения А. А. Введенского, следует признать доказанную, убедительной и не опровергнутой.

В самом деле хотя, по словам С. В. Бахрушина,⁴ спор о роли Строгановых в деле завоевания Сибири, столь ярко очерченной в списках разных редакций Строгановской летописи, «имеет чисто исторический интерес», а сам С. В. Бахрушин считает несомненным, что «организатором похода были

¹ Знаки писчей бумаги, прилож. 1022 и 1023 (повторено у Лихачева, Бумага и бумажные мельницы, табл. 631, 632).

² Водяни знаки на папери українських документів XVI і XVII вв., Киев, 1923, № 1265—1301.

³ Каманин-Витвицкая, назв. соч., № 1301.

⁴ Миллер, История Сибири, Л., 1937, т. I, стр. 484.

Строгановы», я все же думаю, что представляет научное значение тот факт, когда и в каких летописях и иных источниках получил отражение этот будто бы несомненный факт участия Строгановых в покорении Сибири, о котором один из них (Григорий) определенно заявил в челобитной конца 1672 г.¹

Обычно в защиту основного факта, около которого происходит весь спор, призывали или не призывали Строгановы Ермака, приводят то соображение, что об этом призвании упоминается в одной из царских грамот к Строгановым.² Но С. А. Адрианов, повторяя, в сущности, Миллера, сделавшего то же еще в 1750 г., очень хорошо разъяснил те обстоятельства, при которых появилась эта грамота, и совершенно правильно усомнился в достоверности сообщаемых ею фактов, в частности того, о котором идет спор. Грамота основана на показаниях (отписке) воеводы Пелепелицына, заинтересованного в том, чтобы отвести вину от себя и переложить ее на Строгановых, представив их ворами и изменниками. При таком объяснении грамоты, основанном на ее тексте, она не может считаться незыблемою опорой для исследователя, который захотел бы на ее основании доказывать ту или иную роль Строгановых в организации похода Ермака.

Следующим по времени источником, который говорит о Строгановых и Ермаке, является статья о покорении Сибири в «Новом Летописце».³ Последний, как известно, считают

¹ Доп. к АИ, VI, № 67, 1, стр. 261: «В прошлых... годах при царе и великом князе Иване Васильевиче... прадед мой призвал с Волги атаманов и казаков Ермака с товарищи и в свои вотчины и на помощь Ермаку с товарищи ратных многих людей наемывал и всему войску помочь чинил, деньги и платье и боевое [о]ружье и порох и свинец и всякой к воинскому делу запас давал из своих пожитков, и вожей с ними под сибирские города посылал дворовых людей... [и] прадеда моего промыслом и радением и тою посылкою Сибирское государство взяли...» (Этот текст весьма напоминает соответствующее место Строгановской основной летописи, ср. Сибирские летописи, стр. 11.) Прадед Григ. Дмитриевича Строганова — Семен Аникиевич Строганов. Как известно, в выданной Григ. Строганову жалованной грамоте 1673 г., это место его челобитной приведено без изменений (ср. Устрялов, Именитые люди Строгановы, СПб., 1842, стр. 18—19, 88), не вызвав возражений в Москве. Таким образом призвание Ермака и посылка его в Сибирь приписывалась в 1673 г. Семену Аникиеву Строганову, а не племяннику его Максиму Яковлевичу, как отмечают некоторые летописные повести, и не троим Строгановым (Семену и племянникам его Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу), как утверждают Строгановские летописи.

² Миллер, История Сибири, Л. 1937, I, стр. 342—343.

³ Русская летопись по Никонову списку, осьмая часть, СПб., 1792, стр. 1—2.

памятником конца тридцатых годов XVII в.,¹ а его источники, таким образом, относятся приблизительно ко времени составления Есиповской летописи (1636 г.). Автор специального исследования — С. Ф. Платонов, основываясь на печатном тексте «Нового Летописца» (их было к 1889 г. — три), считал первоначальным тот текст его, который был помещен в Русской летописи по Никонову списку, изд. 1792 г. В нем говорится, что казаки, убегая от преследований царских воевод «по Волге ж вверх от них побегоша шестьсот человек по присылке Максима Строганова». Но дойдя до Камы и до Чусовой, «до вотчины Строгановых», от «тутошних» жителей узнали, что «отсюда не в дальном расстоянии... царство Сибирское». Ермак, «изготовя себе запасу и взяв с собою тутошных людей 50 человек» (по рассказу Строгановских летописей — 300) отправился на завоевание Сибири. Ни о каких сношениях его со Строгановым ни на Чусовой ни после ухода с нее «Новый Летописец» не говорит, а потому то место, где сказано, что Ермак прибыл сюда «по присылке Максима Строганова», едва ли не является позднейшей вставкой, которую рассказ в целом никак не подтверждает.

О том, что слова — «600 человек по присылке Максима Строганова» позднейшая вставка, можно заключить из всего контекста статьи, где упомянутые слова являются неловким включением в первоначальный текст, гласивший: «а иные ж аки волки разбегошесь по Волге ж вверх, в них же старейшина атаман, рекомый Ермак, и иные многие атаманы». К тому же текст «Нового летописца», напечатанный в 1792 г. по списку Библ. Акад. наук (ныне 17.2.5, лл. 309—443, рукопись принадлежала В. Н. Татищеву) не является первоначальным, как думал С. Ф. Платонов. Из какого-нибудь первоначального списка «Нового Летописца» была заимствована статья о покорении Сибири, находившаяся в Шлецеровском списке Есиповской летописи краткой редакции, в общем сходном с напечатанным в Сибирских летописях Головинским списком. В Шлецеровском списке, как, вероятно, и в некоторых других ранних списках «Нового летописца», не было слов: «по присылке Максима Строганова». Отмеченные наблюдения не оставляют сомнения, что упомянутые слова появились в списках «Нового Летописца» более поздних, когда

¹ С. Ф. Платонов, Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в., СПб., 1888, стр. 246 (прим. 3), 252, 259, 268; С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 179.

компиляторы имели в виду рассказы о каком-то участии Строгановых в завоевании Сибири.

Есиповская летопись в своей основной редакции и в более поздней по времени составления распространенной редакции совсем не говорит о Строгановых, и только в некоторых списках, так называемых сокращенных редакций, появляются известия о них, причем в одном случае — Румянцевский список, который относят к XVII в., но без более точного указания, автор летописи, рассказывая, в соответствии с источниками первой половины XVII в., о приходе Ермака на Чусовую с 540 человеками, замечает, что «иные же поведают летописцы, яко призваша их с Волги Строгановы и даша им имения и одежды... и оружия, пищали и пушки полковые, и своих людей даша им, немец и литвы, 300 человек, и тако идоша в Сибирь». Автор Бузуновского списка (извлеченного из сборника XVIII—XIX вв., в котором тексте этого списка предшествовала Строгановская летопись), не знает ни «присылки» Строгановых ни «призвания» с их стороны. Ермак, по словам этой летописи, случайно «прибежа в водчину Строгановых»; в это время «в Строгановы городки и вотчины по Каме и Чусовой» приходит «из вогулич» «пелымской князь во многом собрании (по Строгановской летописи, он приходит после отправления казаков в Сибирь — Сибирские летописи, стр. 99), и «воевода» Максим Строганов просил Ермака, чтоб он того пелымского князя «оборонил», Ермак идет «против вогул», «побивает их без остатку», за что Строганов принимает его «любительною лаской и кормом». Узнав от «тамошних жителей» о находящемся не в дальнем расстоянии «Золотой орде Сибирском царстве», Ермак советуется с Строгановым о «промысле» того царства и просит у него людей, оружие и запас. Строганов разрешает ему набирать охотников, которых находится 154 человека, и дает Ермаку «ружья и запасу довольно». С отрядом в 654 человека Ермак отправляется «судами по реке Серебрянке вверх...» Совершенно ясно, что автор Бузуновского списка развивает имевшиеся в «иных летописцах» (например, «Новом Летописце») известия о Максиме Строганове, используя для рассказа, между прочим, известия о приходе пелымского князя. Как и приводимая автором списка в конце его «истории» биография Ермака, рассказ Бузуновского списка является образцом позднего сочинительства, с которым мы встретимся ниже, при разборе Кунгурской летописи; в последней много общего с Бузуновской. Наконец, автор Головинского списка Есиповской сокращенной

летописи просто повторяет рассказ «Нового летописца»; но, как уже отмечено выше, в ныне утерянном Шлецеровском списке, сходном с Головинским и также повторявшем рассказ «Нового Летописца», слова «по присылке Максима Строганова» были опущены.

На основании изложенного следует, что некоторые «летописцы» усвоили известие «Нового Летописца» о роли Строгановых в деле Ермака и просто повторили его рассказ (Головинский) или опустили его, как ничем не мотивированный (Шлецеровский). Другие же, в распоряжении которых был рассказ не только «Нового Летописца», но и «иные летописцы», привели наряду с рассказом Есиповской летописи рассказ о призвании Ермака Строгановыми и о снаряжении ими похода в Сибирь (Румянцевский список), наконец, третьи (Бузуновский список) не ограничились этим, а, в соответствии с общим характером своей «истории», изукрасили рассказ подробностями. В «летописцах» последней группы можно видеть несомненное влияние источников типа Строгановских летописей, которые сообщали, между прочим, о том, что с Ермаком в Сибирь отправилось 840 человек: 540 (так и в Есиповской) плюс 300, данных Строгановыми.

Из разбора известий о Строгановых, как они отражены в различных списках летописных повестей, можно заключить, что все они более позднего происхождения, чем Есиповская летопись основной редакции. Лишь комбинируя ее сообщения о походе Ермака (в частности о количестве людей, пришедших с Ермаком) с известиями памятника более позднего — Строгановской летописи, — составлялся рассказ того типа, который имеем, например, в Бузуновском списке. Некоторые же из летописных повестей просто проходят мимо сообщений Строгановских летописей, может быть, по незнанию их (Абрамовский список), чаще же ввиду того, что обычная сибирская версия рассказа об Ермаке (Есиповская летопись) ничего не говорила о Строгановых.

5. Вопрос о том, которая из двух летописей древнее — Строгановская или Есиповская, конечно в их основных редакциях, разрешен, как мне кажется, еще в 1893 г. в статье С. А. Адрианова,¹ который, не имея текста основной редакции Есиповской летописи, а располагая ее позднейшей переделкой — Есиповской распространенной,² все же, в результате

¹ «Журн. Мин. нар. просв.», 1893, апрель, стр. 527.

² Напеч. в «Сиб. вестн.», 1824.

кропотливого изучения источников обоих летописей пришел к правильному выводу, что одним из источников Строгановской летописи был труд Саввы Есипова в его древнейшей редакции (т. е. той, которую теперь называют основной), а рассмотрение фактов, находящихся в Строгановской летописи и пропущенных в печатном тексте Есиповской, «не дало (ему) возможности считать первую более древней». С этим выводом согласен и новейший исследователь того же вопроса С. В. Бахрушин,¹ исправивший неправильные суждения, которые высказывались в литературе о «синодике», как первой записи словесных преданий об Ермаке, и об архиепископе Киприане, как об инициаторе сибирского летописания.²

Но для нас интересны также последующие соображения С. В. Бахрушина по вопросу об отношении Строгановской летописи к Есиповской. В результате сравнения обеих летописей и тонкого анализа текстов, С. В. Бахрушин пришел к выводу, что обе летописи в сходных частях пользовались общим источником, «не дошедшим до нас первоисточником», причем каждый из авторов (Савва Есипов и неизвестный автор Строгановской летописи) «переделал его по своему». Но С. В. Бахрушин особо оговаривает, что этим новым наблюдением выводы С. А. Адрианова «не утратили силы».³ Важно отметить при этом, что свой первоисточник, не дошедший до нас, «неизвестный автор Строгановской летописи в значительной мере дополнил данными, почерпнутыми из царских грамот Строгановым». Из сказанного надо заключить, что в протографе Строгановской летописи этих дополнений не было, если их приходилось брать из царских грамот и из других источников (например, устных преданий), когда соответствующих известий не находилось в грамотах.

Но при том соотношении двух летописей (заимствовали независимо друг от друга из общего источника), которое дал С. В. Бахрушин, старый и важный вопрос о том, которая из них древнее, как источник, был затушеван. Сам автор новой постановки вопроса не дает на этот счет определенного ответа в своих «Очерках»; в последнем же своем печатном высказывании он ограничился неопределенным указанием, что Строгановская летопись относится к XVII в.,⁴ не считая, видимо, возможным принять точку зрения А. М. Ставровиц, утвер-

¹ Очерки по истории колонизации Сибири, стр. 6—7.

² Там же, стр. 7—11.

³ Там же, стр. 11—13.

⁴ Миллер, История Сибири, I, стр. 469.

ждавшей, что Строгановская летопись была составлена в 1668—1673 гг.,¹ т. е., во всяком случае, во второй половине XVII в. и, значит, позже Есиповской.

Но, даже независимо от решения вопроса о времени составления Строгановской летописи, достоверность многих ее известий давно уже заподозрена. Если доводы П. И. Небольсина, казалось, были опровергнуты С. М. Соловьевым, то соображения позднейшего исследователя С. А. Адрианова, высказанные им в 1893 г.,² с учетом всех доводов сторонников Строгановской летописи, никем не опровергнуты, в том числе и последним исследователем — С. В. Бахрушиным, который лишь мельком коснулся вопроса о достоверности Строгановской летописи; он совершенно правильно устанавливает «тенденцию» Строгановской летописи показать участие в деле завоевания Сибири Семена, Максима и Никиты Строгановых, но из этого факта не делает соответствующих выводов. По его мнению, автор Строгановской летописи «произвел большую и добросовестную работу». Если нельзя отрицать первого («большую»), то во втором («добросовестную») можно усомниться. Не раз отмечавшийся факт неточного цитирования основной грамоты, в которой будто бы говорится о призвании Строгановыми Ермака (в текст грамоты, приводимой в летописи, вставлено имя Семена Строганова, вопреки подлиннику, который был у автора и который сохранился до сих пор), едва ли говорит и за добросовестность и за совершенно точное цитирование.

С. В. Бахрушин находит даже у автора Строгановской летописи «научные приемы» в связи с тем, как он описывает приводимые им грамоты. Можно заметить, однако, что с этими «научными приемами» тоже не все в порядке. Так, в грамоте 4 апреля 1558 г., изданной впервые Миллером в «Описании Сибирского царства» в 1750 г., стр. 76—80, не оказалось подписей дьяков Петра Данилова и дьяка Третьяка Карачарова, которые отмечены в летописи (стр. 2—3). В грамоте 2 января 1564 г., изложенной и описанной в Строгановской летописи (стр. 3) и сохранившейся до наших дней, нет подписей «большого государева дьяка Юрья Башанина», «Сени Непеина» и «Козьмы Романцова», которые отмечены в летописи; если первый из них упоминается в источниках (см. у Н. П. Лихачева. Разрядные дьяки XVI в., по указателю),

¹ Очерки, стр. 171.

² «Журн. Мин. нар. просв.», 1893, апрель, стр. 546—550.

то о двух других ничего неизвестно. В грамоте 30 мая 1574 г. указана в летописи (стр. 8) припись дьяка Петра Григорьева; со слов летописи издатели грамоты отмечали эту припись, но, при всем желании найти ее на подлинной грамоте, мне это не удалось.¹ Уже отмечено С. А. Адриановым,² что автор летописи ссылается на несуществующую грамоту Семену Строганову на Большую и Малую Соль; но неизвестна и другая упоминаемая там же (стр. 30) грамота Максиму и Никите Строгановым — «в городках и в острожках их торговати им и у них всяким людям беспощлинно» и др.

На основании изложенного, вслед за А. М. Ставровиц, я полагаю, что создание текста Строгановской летописи основной редакции относится к концу шестидесятых — началу семидесятых годов XVII в. Список, по которому летопись издавалась дважды, является древнейшим списком летописи, относящимся к тем же годам XVII в., когда был создан протограф этого списка. Как мне кажется, никаких более ранних списков этой летописи не было и не могло быть.³

Являясь ранним образцом того сочинительства по истории завоевания Сибири, которое стало процветать особенно в последние десятилетия XVII в., Строгановская летопись не заслуживает внимания серьезного исследователя, которому понятны мотивы ее составления в семидесятые годы XVII в. (оправдать претензии одного из Строгановых на те права, которыми будто бы пользовались его предки, а прежде всего Семен Аникиев Строганов, от которого вел свое происхождение Григорий Строганов) и известны те недобросовестные и ненаучные приемы составления летописи, которые применил неизвестный автор, использовавший для литературного оформления ее некоторые прекрасные для своего времени образцы, автором которых он же, может быть, являлся.⁴

¹ Ср. «Историю Сибири» Миллера, I, стр. 341.

² ЖМПР, 1893, апр., стр. 547.

³ В Сибирских летописях, стр. IV, для вариантов использован еще один список Строгановской летописи (из сборника Гос. Публ. библ., Q. IV, № 217), который В. В. Майков отнес также ко второй половине XVII в., но, судя по вариантам к тексту основного списка, Q. IV, № 217 является плохой копией Строгановской летописи конца XVII в., а вероятнее, XVIII в., к которому относятся еще два списка Строгановской летописи, использованные в издании.

⁴ Автором этого «фальсификата» А. М. Ставровиц (в статье — Сергей Кубасов и Строгановская летопись в «Сборнике статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», 1922, стр. 286 и след.) считает дьяка Сергея Кубасова, которому приписывают авторство так

Предлагаемое выше мнение о Строгановской летописи, как источнике, которым не следует пользоваться историку завоевания Сибири в XVI в., потребует, вероятно, дополнительных исследований, прежде чем этот памятник перестанут рассматривать как исторический источник, а будут изучать его как литературное произведение типа многочисленных исторических повестей XVII в., в которых, конечно, иногда находим нечто, согласное с бесспорными историческими источниками.

Таким образом старый спор о том, какую из двух летописей — Есиповскую или Строгановскую — следует считать древнейшей, надо, наконец, решить в пользу первой: Есиповская летопись написана в 1636 г., Строгановская в первой редакции сочинена во второй половине XVII в., возможно около 1673 г. Упомянутая выше переделка (Строгановская распространенная), в основе которой лежат обе летописи, должна относиться ко времени после 1673 г.

Вопрос же о времени написания Есиповской «распространенной» и Есиповской «сокращенной» разных типов может быть решен только после детального изучения каждой из них, в связи с тем летописным сводом, издание которого не вошло в состав Сибирских летописей, подготовленных Л. Н. Майковым, хотя первоначально издать его предполагалось. Нетрудно заметить, что многие из них позднее Есиповской первой и должны относиться скорее ко второй половине XVII в., чем к первой (исключая Головинский список).

Равным образом, вопрос о том, была ли Строгановская сокращенная «первообразом» Строгановской первой, как думал Небольсин,¹ или же он неправ в этом отношении, следует также вновь пересмотреть; мне кажется, однако, что подобно тому, как одна из сокращенных редакций Есиповской летописи

называемой «Повести кн. Катырева-Ростовского». Эта мысль А. М. Ставрович о Сергее Кубасове, как авторе Строгановской летописи, вызвала «много сомнений» у С. В. Бахрушина (Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М. 1928, стр. 178—179), который в этом вопросе поддерживает точку зрения, высказанную в 1917 г. А. С. Орловым (в статье — Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна в «Сборнике в честь М. К. Любавского», П., 1917, стр. 73—98).

¹ Покорение Сибири, прилож., стр. 3 и след.: «первообраз» Строгановской летописи — неизвестная рукопись XIX стол. (сборник Румянцевского собр., № 259,); ср. у него же, стр. 5—6: «список... в каталоге летописей Румянцевского Музеума под № 259 сам по себе принадлежит началу нынешнего (XIX) века, но оригинал его, по духу помещенных в нем известий, принадлежит не ранее как к концу первой или к началу второй четверти XVII в.».

(так называемый Головинский список) относится в своей первоначальной редакции ко времени даже ранее создания Есиповской первой редакции, так и здесь хронологическое соотношение Строгановской первой и Строгановской сокращенной может быть установлено то же: а именно, что Строгановская сокращенная появилась раньше Строгановской первой, автор последней «распространил» свой источник, дополнив его, между прочим, сведениями, взятыми из грамот Строгановым, известными, впрочем, и автору Строгановской сокращенной.

6. Как уже отмечалось неоднократно, напечатанные в Сибирских летописях «летописи», в сущности, являются не летописями в обычном смысле, а летописными повестями о завоевании Сибири и ближайших по времени событиях.

Повести, собранные в издании, включают, конечно, не все повести XVII—XVIII вв. о завоевании Сибири. В дополнение к изданным следует обратить внимание на повесть, опубликованную еще в XVIII в. по рукописи Г. Ф. Миллера в Прод. ДРВ, ч. VII, а равно и на повести, сохранившиеся в составе других памятников. Кроме повести, вошедшей в изданное в Сибирских летописях «Описание Сибири», под которым разумеется труд Н. Венюкова (см. выше), следует напечатать (в переводе) ту редакцию этого «Описания», которая сохранилась в труде Витзена во втором издании его в 1705 г. (стр. 736—740) и которая отличается от напечатанного русского текста своим окончанием.¹ В русском издании повесть обрывается на приказании Кучума разыскать тело Ермака; у Витзена сообщаются затем сведения о деятельности в Сибири казаков после смерти Ермака — о походе на Абалак, на нижнюю Обь и др.

Любопытную попытку объединить известия «Нового Летописца» с рассказом Есиповской летописи представляет повесть о завоевании Сибири в рукописи № 313 (лл. 65—78) б. СПб. дух. акад. (ныне в Гос. публ. библ.), оставшаяся также неизвестной редакторам Сибирских летописей. Примечательно, что эта же переработка встречается также в «Окладной» книге, которой пользовались в Сибирском приказе при А. А. Винниусе в качестве пособия по истории Сибири.¹

Далее, необходимо иметь в виду «Летопись сибирскую краткую кунгурскую», которая в качестве механической

¹ С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 180, 188.

² См. выше, стр. 72.

вставки читается в ст. 5—8, 49—52, 73—80, 99—102 Ремезовской повести о завоевании Сибири. Вероятно, найдутся еще некоторые повести о том же, дошедшие иногда в позднейшей передаче.¹

Для издания летописных повестей о завоевании Сибири в Сибирских летописях было использовано 32 списка, не включая сюда Ремезовской повести. Уже во времена печатания, продолжавшегося около 35 лет, стали известны некоторые другие списки тех же летописных повестей, которые, однако, не были использованы для издания. Вместе с тем, поиски списков в хранилищах рукописей нельзя признать исчерпывающими даже для того времени. Так, остались неизвестны, например, списки Есиповской летописи, привезенные Г. Ф. Миллером и хранившиеся в Архиве Академии наук и Моск. гл. арх. Мин. ин. дел в портфелях Миллера,² причем один из списков, как уже отмечено выше, был даже напечатан в XVIII в. Кроме этих списков, можно указать до 10 списков той же летописи, находящихся в разных хранилищах и музеях.³

Равным образом, стали известны теперь некоторые новые списки Строгановской летописи и, прежде всего, тот список основной редакции Строгановской летописи, который П. М. Строев в марте 1840 г. подарил И. Н. Царскому и который ныне хранится в Гос. Историческом музее.⁴ Кроме того, в Библиотеке Академии наук имеется два списка Строгановской краткой летописи: в одном из них (шифр 1.4.1, лл. 12—18) текст, за очень незначительными исключениями, сходен с летописной повестью, напечатанной П. И. Небольсиным по

¹ Следует, например, учесть те «татарские истории» о первоначальной истории Сибири, о Кучуме, Ермаке и пр., которые вошли в упомянутое выше «Второе описание Ремезова» и сохранились в передаче И. Черепанова в его летописи 1760 г. Не меньший интерес представляют «татарские истории», сообщенные В. Н. Татищеву из Тобольска в 1738 г. (ААН, ф. 98, оп. 1, № 20, лл. 96 об. — 98).

² О них см. Историю Сибири, Миллера, 1937, т. I, Л., стр. 562—563.

³ В Гос. Истор. муз. в собр. Уварова, № 312/245, лл. 41—60 (список Строева, снятый с неизвестной рукописи) и № 1404; в том же музее, в собр. Щукина, по описи Яцимирского, № 173 и 189, в Ростовск. музее, в собр. рукоп. А. А. Титова, № 4173, список XVIII в. той же летописи на 135 листах (Охранный каталог славяно-русских рукописей, А. Титова, вып. 6, стр. 22); в Гос. Публ. библ., собр. Буслаева (Отч. за 1894 г., прилож., стр. 352); в собр. б. Об-ва любит. древн. письмен., по опис. Лопарева, II, стр. 62—63; в Погодинском древлехранилище, № 1490, л. 92 об. — 113 об.; в Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина, в собр. б. Общ. ист. и древн. Рос., по опис. Соколова, № 452, лл. 20—51, и др.

⁴ Собр. Уварова, № 312/245, лл. 3—40.

списку Румянцевского собрания, № 259 (этот список датируется 1680 г.). Второй (16, 17, 31, лл. 235 об. — 242 об.) представляет также Строгановскую краткую летопись в списке конца XVII в. — нач. XVIII в., но с любопытной особенностью: начиная с л. 236 в основной текст (сходный с тем, который напечатан в Сибирских Летописях) почерком первой половины XVIII в. сделаны многочисленные вставки, в результате которых получился новый текст повести о завоевании Сибири, не находящий соответствия ни в одном из известных мне списков повести в ее различных редакциях, представляющий нечто самостоятельное и от них независимое.

Таким образом в связи с неправильной классификацией повестей о завоевании Сибири и тем, что редактор не использовал многие списки их, ставшие известными во время печатания сибирских летописей и позже, следовало бы дать новое издание повестей о завоевании Сибири, предварительно подвергнув их детальному изучению по тем образцам, которые дают исследования великорусских летописных сводов, принадлежащие А. А. Шахматову и М. Д. Приселкову.

VI. „ОПИСАНИЕ О ПОСТАВЛЕНИИ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ В СИБИРИ ПО ВЗЯТИИ ЕЕ“

1. Вопрос о сибирских летописях имеет довольно большую специальную литературу, но, несмотря на это, многое в нем остается неясным и неразъясненным. Правда, в последние годы появилась в известной степени сводная работа С. В. Бахрушина,¹ посвященная сибирскому летописанию, где автор, в сущности, подводит итоги изысканиям его предшественников, а с другой стороны, — ставит некоторые новые задачи, разрешение которых — дело будущего. Дав анализ состава основных сибирских летописей: Есиповской, Строгановской и Ремезовской, а равно и некоторых других летописных повестей, и установив, что почти все они прямо или косвенно восходят к неизвестному нам протографу, С. В. Бахрушин сделал интересную попытку воссоздать этот протограф.

Обратив свое внимание преимущественно на летописи или, вернее, исторические повести, изображающие в законченной литературной форме историю завоевания Сибири, С. В. Бахрушин лишь бегло коснулся тех летописных сводов конца XVII в. и XVIII в., которые дошли до нас в большом количестве списков и из которых пока опубликовано только два: имею в виду так называемый «Сибирский летописец», напечатанный впервые в «Сев. Арх.» за 1826 г. (перепечатан в Тобольске в 1892 г.), и «Описание, сколько в Сибири в Тобольске и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия оной атаманом Ермаком Тимофеевичем в котором году и кто именем бояр и окольничих и стольников и дворян и стряпчих на воеводствах бывали и дьяков и письменных голов и с при-

¹ Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928, стр. 1—35, 177—188. Ср. его замечания о летописях в Истории Сибири, Миллера, М.—Л., 1937, т. I, стр. 37—38, 469—470.

писью подьячих и кто которой город ставил и в котором году и от которого государя царя кто был и в кое лета устроился в Сибири престол архиерейский и кто был архиерей», напечатанное в третьей части второго издания ДРВ, М., 1788, под заглавием «Записки к сибирской истории служащие». Оба летописных свода, являющиеся одним из основных источников по истории Сибири XVII — начала XVIII вв., весьма внимательно изучены и описаны И. И. Тыжновым в его — Заметках о городских летописях Сибири. Часть I. Летописи города Тобольска, СПб., 1898. И. И. Тыжнов признал, что «Описание» есть «не что иное как «Книга записная...», принадлежавшая Тобольскому Успенскому собору и сохранившаяся, по словам И. И. Тыжнова, в рукописи конца XVIII в. — начала XIX в. «Оба памятника представляют систематический, расположенный по годам, обзор важнейших событий в Сибири более чем за сто лет». В согласии с И. И. Тыжновым, утверждавшим, что «начало составления (Записок. — А. А.) относится ко времени не ранее 1683—1685 гг.» (стр. 147), С. В. Бахрушин также относит возникновение первоисточника этих «обзоров» к восьмидесятым годам XVII в., причем «источники, которыми пользовался первоначальный сводчик, разнообразны: историю завоевания он изложил по Есиповской летописи, дополнив отчасти по другим источникам, общерусские известия описаны преимущественно по Новому летописцу, но главная часть труда составлена на основании официальных документов съезжей избы и архиерейского дома». В этом перечне источников первый из них указан едва ли правильно: в «Описании» в том виде его, который изучают оба исследователя, повести о завоевании Сибири в целом виде нет, а имеется лишь краткий рассказ о нем,¹ который в целом не может восходить к Есиповской летописи...²

Вместе с тем и время, к которому относят оба исследователя первоисточник «Описания» в той его редакции, которая

¹ И. Тыжнов (стр. 48) по этому вопросу высказывается осторожнее: известия, касающиеся первоначальной истории Сибири, приводимые в «Записках», «до некоторой степени позволяют если не определить, какими летописями пользовался составитель «Записок», то, по крайней мере, выяснить, к какой редакции их примыкают «Записки».

² Ср., например, известие о взятии Сибири Ермаком в 1580 г. по «Запискам» и в 1581 г. по Есиповской летописи; число погибших с Ермаком в «Записках» — 150, в Есиповской — не указано; это число приводится в статье о Сибири, вошедшей в «Новый Летописец» и в «Кратком описании о Сибирской земле и о походе атамана Ермака» (Головинский список Есиповской сокращенной летописи).

напечатана в ДРВ, не может быть принято хотя бы потому, что в напечатанном тексте в ДРВ летосчисление от сотворения мира, которое, несомненно, употреблялось в восьмидесятих годах XVII в., заменено кем-то, может быть, еще автором первоисточника, летосчислением нашей эры, что, конечно, могло произойти лишь после 20 декабря 1699 г., когда был издан известный указ Петра I, значит, в XVIII в. Наряду с этим, И. И. Тыжнов «не с достаточной ясностью определяет отношение «Записок» к «Книге Записной» (см. стр. 45, 146—147), что и ставит на очередь вопрос о новом изучении тех летописных сводов, которые лежат в основе интересующих нас источников — рукописной «Книги Записной» и печатных «Записок».

Что касается «Сибирского летописца», то И. И. Тыжнов считал его источником ненадежным и большую часть его известий признавал мало достоверными (стр. 174—175); с этим согласен автор рецензии на его труд («Ш-в» — Шмелев?), напечатанной в одном из изданий Московского Археологического общества.¹ Следует заметить, однако, что текст этого памятника напечатан весьма небрежно, по не исправному списку, к тому же ныне утерянному; находка же нового списка «Сибирского летописца»² заставляет пересмотреть вопрос о достоверности его известий заново, поставить его в связь с другими сибирскими летописцами, которые до сих пор не привлекали к себе достаточного внимания.

2. Если в вопросе о происхождении летописной повести о завоевании Сибири исследователи подошли к установлению первоисточника известий об этом завоевании, то и в вопросе о сибирских летописных сводах XVII—XVIII вв. нельзя пройти мимо той же проблемы. Здесь мы сталкиваемся с очень интересным фактом: если И. И. Тыжнов располагал почти исключительно скудными печатными материалами, бывшими в его время, то последующие исследователи почему-то не обратились к поискам новых рукописных материалов, прошли мимо того любопытного памятника, одна из позднейших редакций которого отобразилась в «Записках», напечатанных в ДРВ. Об этом памятнике было известно редакторам сибирских летописей П. В. Павлову и Л. Н. Майкову, хотя последний при печатании сибирских летописей опустил этот сибирский лето-

¹ Древности, Тр. Археогр. ком. Моск. Археол. об-ва, 1899, т. I, вып. 3, стр. 575—576.

² Библ. Акад. наук, отд. рукоп. книги, собр. Археогр. ком., № 213.

писный свод XVII—XVIII вв. и ограничился лишь изданием повестей о завоевании Сибири. Примечательнее всего то, что об этом своде имеется специальная работа А. А. Ионина, напечатанная в «Сиб. Арх.» за 1913 г. (II, стр. 424—502) под заглавием — Критико-библиографический обзор неизданной летописи сибирской: он ведет здесь речь об «Описании о поставлении городов и острогов в Сибири», которое автор нашел в одном сборнике XVIII в. б. Киево-Печерской лавры (№ 200) и о котором он кратко сообщил еще в 1895 г.¹

В предисловии к сибирским летописям, изданным Археологической комиссией в 1907 г., находим перечень тех рукописей, в которых встречается текст «Описания». Как и в сборнике № 200 б. Киево-Печерской лавры (оставшемся, впрочем, неизвестным редакторам сибирских летописей), текст «Описания» составляет непосредственное продолжение находящейся в тех же рукописях Есиповской летописи так называемой распространенной редакции (таких списков было тогда известно пять).² Такого же характера, как и «Описание», были также статьи о Сибири на лл. 60—179 так называемого Головинского списка Есиповской летописи в сборнике № 181 б. Моск. Дух. Акад., надо полагать, ныне вошедшем в состав рукописей Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина.³ Уже в те годы, еще до выхода в свет сибирских летописей, имелись печатные указания на другие списки той же Есиповской летописи, некоторые из них распространенной редакции, где вслед за текстом статьи о завоевании Сибири, имеется «Описание».⁴

Занимаясь в последние годы подготовкой к изданию трудов Г. Ф. Миллера, первого ученого историка Сибири, я должен был ближе подойти к вопросу о том, какие сибирские летописи были известны ему, если на них он делает неодно-

¹ А. Ионин, Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в., Иркутск, 1895, стр. 32, прим. 2, выписки на стр. 61, прим. Об этой рукописи № 364/200 б. Киево-Печерской лавры, см. также Н. И. Петрова, Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, М., 1897, в. II, стр. 115.

² См. предисловие к Сибирским летописям, стр. XXIII—XXIV (Ивановский), XXIV—XXV (Погодинский), XXV (Викторовский), XXV—XXVI (Карамзинский) и XXVI—XXVII (Академический).

³ Список 1791 г. со сборника № 181 имеется в сборнике № 376 Эрмит. собр. Гос. Публ. библ.

⁴ В собрании б. Общ. ист. и древн. Росс. (ныне в рукоп. отд. Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина в Москве), по описи Соколова, № 452, лл. 20—134 (распространенная редакция Есиповской летописи и «Описание») и др.

кратные ссылки как в первых пяти главах своей «Истории Сибири», так и в последующих — шестой и др. В тесной связи с этим стал вопрос о том, что же было собрано и известно о сибирских летописях к середине XVIII в., когда Миллер выпустил на русском языке свою Историю Сибири.

3. Первый русский историк В. Н. Татищев, как отмечено выше, был также едва ли не первым собирателем материалов по географии и истории Сибири.¹ В своей классической Истории Российской, в части первой, среди источников, которыми он пользовался, Татищев отмечает несколько «топографий» или местных летописей и повестей, которые были в его распоряжении, и среди них называет «Станкевичем сочиненную топографию Сибири», «продолженную до наших времен».² В тексте части первой Татищев дважды ссылается на Историю Сибирскую,³ которая без труда может быть отождествлена с известным ему, еще до выхода его в свет, трудом Г. Ф. Миллера, первые две части которого были посланы Татищеву на отзыв в марте—апреле 1749 г.⁴

Прямых указаний на пользование Татищевым названной выше летописью Станкевича в Истории Российской нет, равно как нет сведений о ней и в последующей литературе по этому вопросу. О Станкевиче же, как авторе XVII в., сообщается в словарях Новикова, Евгения Болховитинова и Русском биографическом не больше того, что известно из приведенного места Истории Российской. Между тем, в неопубликованном пока отзыве Татищева на труд Миллера он дает некоторые подробности об этой летописи Станкевича. По поводу того места Истории Сибири, где Миллер впервые говорит о Ремезовской летописи,⁵ Татищев делает следующее примечание: «Летописец тобольской я имею, сочиненный ротмистром Станкевичем, которой я древний у архимандрита Далматского монастыря Исакия списал и к тому продолжение о воеводах дополнил. Он был во время Годунова, Шуйского и царя Михаила, в нем нечто полнее или иначе нахожу». Упоминаемый здесь Исаакий архимандрит Далматского монастыря

¹ Об этом см. мою статью в «Сов. этногр.», 1936, № 6, стр. 93—97.

² История Российская, М., 1768, кн. I, стр. XI. В более раннем труде Татищева — Введение к историческому и географическому описанию Велikorоссийской империи (рукоп. Гос. Публ. библ., Ф. IV, № 867) он также ссылается на эту «Топографию» (л. 62 об.).

³ Там же, стр. 290, 319.

⁴ Об этом см. в моей статье — Труды Г. Ф. Миллера о Сибири; История Сибири Г. Ф. Миллера, Л., 1937, т. I, стр. 86.

⁵ В новом издании 1937, стр. 189; по изданию 1787 г., стр. 30—31.

(б. Пермской губ.) носил это звание в 1702—1724 гг.;¹ другими словами, Татищев мог получить список летописи Станкевича во время своего первого пребывания в Сибири. О собрании рукописей этого монастыря сведений не нашлось, да и едва ли они сохранились, так как в последующие годы XVII в. монастырь подвергался неоднократным разрушениям.² Список же, снятый В. Н. Татищевым, надо полагать, погиб вместе с его бумагами во время пожара, бывшего в его имении вскоре после его смерти, в 1750 г. Таким образом пока нет надежды найти летопись Станкевича там, где хранился ее «древний» оригинал или список и позднейшая копия с него. Но во всяком случае приходится признать, что в сообщении Татищева указывается основное содержание летописи о первоначальном завоевании Сибири, составленной ротмистром Станкевичем не позже 1645 г.

Любопытен далее ответ Миллера на это замечание Татищева, противопоставлявшего летопись Станкевича Ремезовской или, как называл ее тогда (в русском издании 1750 г.), Миллер, тобольскому летописцу: «Такие летописи с продолжением о воеводах в Сибирской истории в предисловии³ я назвал общими сибирскими для того, что во всех сибирских городах у любопытных людей находятся, и я разные с них списки с собою привез, из которых один другого полнее. Ежели же тот список (т. е. список Татищева — А. А.) содержит какие известия, коих нет в моей Истории, то надлежит просить о позволении, чтоб его списать». К сожалению, Миллер не принял мер к тому, чтобы получить копию списка Станкевича, может быть, потому, что имел в своем распоряжении несколько списков сибирских летописей, о которых он в общей форме говорит в упомянутом предисловии. Ценно для нас следующее указание Миллера, относящееся ко всем имевшимся у него сибирским летописям, кроме Ремезовской: «сколько списков с общих сибирских летописей мне видать не случилось и сколько с собой не привез, то все они в рассуждение главного содержания между собой согласны, а разнствуют только в малых обстоятельствах... Находится гадательное показание сочинителя оного, по которому явствует

¹ Строев, Списки иерархов, ст. 947.

² Г. Плотников, Очерки бедствий Далматского монастыря и частью края с 1644 по 1712 год, «Чтен. в Общ. ист. и древн. Росс.» 1863, кн. 1, смесь, стр. 85 и след.

³ Ср. стр. 159—162 в новом издании Истории Сибири, т. I, где впервые напечатано это непропущенное в 1749 г. предисловие Миллера.

что его имя было Савва Есипов, також показан и год 7145-й, когда сия летопись сочинена или паче 1 числа сентября того же году и, следовательно, от рождества Христова в 1636 году к окончанию приведена. Ко всякому списку (подчеркнуто мною — А. А.) присовокуплена роспись о строении в Сибири городов и острогов и о бывших в оных воеводах, которая каким-нибудь иным сочинителем прибавлена и обыкновенно продолжается она до исходу прошедшего (XVII) века».

В литературе о сибирских летописях уже указывалось,¹ что Миллер, кроме Ремезовской, знал только Есиповскую летопись, но исследователи как-то не обратили внимания на тот факт, что из трех редакций этой летописи, установленных в предисловии к изданию сибирских летописей 1907 г.² Миллер знал только две: распространенную и краткую, которые только весьма условно могут быть названы Есиповскими. В приведенном отрывке предисловия Миллер весьма отчетливо различает две составных части имевшихся у него «общих» сибирских летописей: 1) та часть, которая может быть (ср. «гадательное показание») приписана Савве Есипову, и 2) которая, конечно, ему не принадлежит, но составлена «иным сочинителем», и продолжается «обыкновенно» до конца XVII в., а иногда, значит, охватывает и последующие годы XVIII в.

Знакомство с рукописями этих «общих» сибирских летописей, которые сохранились от Миллера, вполне подтверждает приведенные замечания основоположника сибирской историографии.

Таких рукописей в ААН и в ГАФКЭ, где хранятся рукописи Миллера, имеется шесть,³ из них три представляют упо-

¹ См., например, у С. В. Бахрушина, Очерки, стр. 41.

² Как уже отмечено выше, между тремя редакциями Есиповской летописи большое отличие по содержанию, особенно так называемой краткой редакции, где что ни список, то, в сущности, новая редакция, не имеющая ничего общего с основной и бесспорной Есиповской летописью, а потому классификацию, принятую в Сибирских летописях, считаю весьма условной.

³ ГАФКЭ, портф. Миллера, 1) № 505, I, тетр. 5, лл. 1—18 и «Описание», лл. 19—45; 2—3) № 502, лл. 31—96 и список с этой рукоп. с поправками, № 505, I, тетр. 4, лл. 1—32, но без «Описания»; в рукописи же № 502-го «Описание» оканчивается 1698 г.; 4—5) ААН, ф. 21, оп. 5, № 8, ч. 1, лл. 1—73 (с «Описанием», доведенным до 1711 г.) и ч. 2, лл. 1—87 (с «Описанием» до 1693 г. включительно); 6) там же, ф. 21, оп. 5, № 33, лл. 1—30 об (с «Описанием» до 1730 г.); с последним списком, судя по имеющейся у меня копии XIX в., был сходен тот список III (Шлецеровский), который указан в предисловии к Сибирским летописям (стр. XXXIV) под № 32 и ныне утерян; варианты из него приведены при печатании повести по Головинскому списку (стр. 307—311).

мяннутую распространенную редакцию Есиповскую с присоединением той «росписи» о строении в Сибири городов и острогов, о которой говорилось выше. Но Миллеру был известен также и список Есиповской летописи распространенной редакции, который редакторы Сибирских летописей называли «академическим», по месту хранения его в Библ. Академии наук (его современный шифр в отд. рукоп. книги — 16. 8. 6); в этом списке, сделанном в канцелярии Академии наук одним из канцеляристов ее,¹ список тобольских воевод доведен до 1742 г. включительно, т. е. до последнего года пребывания Миллера в Сибири.

Кроме списков Есиповской летописи распространенной редакции, Миллер имел в своем распоряжении три сибирских летописца,² которые, по принятой классификации, должны быть отнесены к группе списков краткой редакции Есиповской летописи; один из них совпадает в своей первой статье — «Кратком описании о Сибирской земле... и о похождениях атамана Ермака» с напечатанной в Сибирских летописях Есиповской летописью по Головинскому списку (назв., изд., стр. 307—311), а второй статьей имеет «Описание о поставлении града Тобольска и кто в нем были воеводы, архиереи, митрополиты, и какое в нем бывало действие, и в кое лето в Сибири, в Тобольску, устроился престол архиерейский и о иных вещех», доведенное до 1730 г. В двух других кратких летописцах «Описание» доведено до 1721 г., но летописная статья о завоевании Сибири в начале списка отличается от всех тех списков краткой редакции Есиповской летописи, которые напечатаны. Сравнение списков Миллера с текстами, известными до сих пор, не оставляет сомнений, что историкограф знал все главнейшие списки Есиповской летописи обеих редакций.

Таким образом, в соответствии с указанием Миллера, сделанным еще в 1749 г., но оставшимся неизвестным редакторам Сибирских летописей и прочим исследователям вопроса, следует считать «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири» непосредственным продолжением так называемой Есиповской летописи распространенной или краткой редакции.

4. Кроме отмеченных мною выше списков этого памятника, известных Миллеру, за исключением одного, так называе-

¹ Почерк его встречается неоднократно в переписке Канцелярии Академии наук за 40—50-е годы XVIII в.

² ГАФКЭ, портф. Миллера, № 502, лл. 97—102; ААН, ф. 21, оп. 5, № 17, л. 1—23; 3) там же, ф. 21, оп. 5, № 38, лл. 30 об. — 57 об.

мого «академического» списка Есиповской летописи распространенной редакции, остававшимся до сих пор вне научного оборота,¹ в распоряжении историка Сибири имеются к настоящему времени несколько списков «Описания». Прежде всего отмечу списки, известные редакторам Сибирских летописей:

1. Ивановский список XVIII в. в Гос. Публ. библ., 4°, Q. IV, № 26, лл. 45—150, до 1704 г. включ.

2. Погодинский XVIII в. в той же библиотеке, собрание Погодина, № 1491, 4°, лл. 51—154, до 1707 г. включ.

3. Викторовский список XVIII в., в сборнике из библ. Бярятинского, ныне, вероятно, в Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина, лл. 14—106, до 1711 г. включ.

4. Карамзинский список XVIII в. в Гос. Публ. библ., F. IV, № 858, лл. 100—154, до 1711 г.

5. Академический список XVIII в. в Библ. Акад. наук, в сборнике — 16.8.6, лл. 51—100, до 1742 г. включ.

6. Головинский XVII—XVIII в. в сборнике б. Моск. дух.

¹ Вопрос о рукописи, с которой напечатано «Описание» в ДРВ, и о роли Г. Ф. Миллера в подготовке текста «Описания» в этом издании (напомню, что «Описание» в этой редакции появилось еще в первом издании ДРВ, в частях VI и VII, в 1773—1774 г., т. е. еще при жизни Миллера, который умер в 1783 г.) до сих пор не разрешен. По словам Н. Я. Новомбергского в его брошюре — В поисках за материалами по истории Сибири, СПб., 1906, стр. 2—7, список «Описания о поставлении городов...» в рукописи 1745 г. Геттингенского университета оканчивается 1743 г. и является, по его словам, «буквальным (? — А. А.) воспроизведением текста «Записок» (ДРВ, III) с пропусками в некоторых местах, касающихся Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца, Василия Шуйского, воевод в маленьких острогах», причем «совпадения доходят до того, что даже наименования разных лиц геттингенским списком усвоены те самые, которые встречаются в издании Новикова»; если бы это утверждение было точным, то очевидно, что в основе обоих текстов лежит третий, которого оба являются копиями. Но, с другой стороны, по указанным Н. Я. Новомбергским признакам, рукопись Библ. Акад. наук, 16.8.6 (по старой нумерации № 24), видимо, также должна быть сходна с геттингенской, так как оканчивается тоже 1743 г.; в ней тексту «Описания», как и в геттингенской рукописи, предшествует Есиповская летопись распространенной редакции. Это последнее сходство вполне возможно, так как обе сняты с одной и той же тобольской рукописи: академическая — для Миллера, вероятно, в 1742 г., а геттингенская — для тобольского губернатора Киндермана в 1745 г. Таким образом как будто устанавливается связь между текстом, напечатанным в ч. III ДРВ, и текстом рукописи Библ. Акад. наук, 16.8.6; но сравнение их показывает, что между двумя текстами больше отличий, чем сходства, и вопрос о происхождении текста, напечатанного в ДРВ, попрежнему приходится оставить открытым. Очевидно, что сходство текста геттингенской рукописи с текстом ДРВ, III указано Н. Я. Новомбергским неправильно.

акад., № 181 (ныне, вероятно, в Библ. Союза ССР им. В. И. Ленина), лл. 60—179, до 1690 г.; копия с этого списка найдена мною в сборнике № 376, Эрмит. собр. Гос. Публ. библ.¹

К ним необходимо присоединить те списки, которые напечатаны, или о которых мы знаем из описаний рукописей или исследований, — таких шесть:

1) текст «Описания», напечатанный в ДРВ, изд. 2-е, III, стр. 104—288, до 1702 г. включ.; рукопись, по которой печатался текст, как отмечено выше, пока неизвестна, но основное содержание ее до известного года восходит к тому же источнику, как и изученная И. Тыжновым (см. упомянутое выше исследование).

2) «Книга записная», хранившаяся в свое время в библ. Тобольского собора, в сборнике № 8, лл. 1—85; в ней события были описаны до 1687 г.;² по определению И. Тыжнова (стр. 11), сборник № 8 относился к концу XVIII в. или началу XIX в. В настоящее время сборник № 8 приходится считать утерянным.

3) «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах и прочих чинах и кто они имянно и в каких городах были, и кто какой город строил и когда. Писанное в Тобольском доме архиерейском 1791 г. Печатано в Тобольске 1792 г.» В книге 84 стр., 4°, но рукопись этого издания неизвестна. Роспись административных лиц Тобольска доведена до 1791 г., а других сибирских городов до 1687 г. Как и предыдущие два списка «Описания», «Краткое показание» было подробно исследовано И. Тыжновым в его труде; но он не обратил внимания на то, что основой для описания не тобольских происшествий «Краткого показания», доведенного до 1687 г. служит источник, общий для него с двумя первыми. Кроме этих трех списков «Описания», здесь же следует указать еще два:

4) Список «Описания», подробно изученный А. А. Иониным и находившийся в восьмидесятих годах прошлого

¹ Абрамовский список, описанный в предисловии к Сибирским летописям на стр. XXVII—XXVIII, представляет собой летописный свод, о котором см. ниже, стр. 166—167.

² По указанию Н. А. Абрамова (Проток. Археогр. ком., II, стр. 14), «Книга записная» была доведена не до 1687 г., а до 1730 г. (ср. у. Тыжнова, Заметки о городских летописях Сибири, стр. 12), но, повидимому, это сообщение является ошибочным.

века в библ. Киево-Печерской лавры (сборник № 200, лл. 192—277); в этом списке, по удостоверению А. А. Ионина, изложение обрывалось на 1707 г., причем этот список отличен от первых трех и дает много существенных дополнений и исправлений к ним.

5) В Описании рукописей б. Общ. истор. и древн. Росс., составленном Е. И. Соколовым,¹ под № 452 указан сборник XVIII в., в котором на лл. 20—134 имеется еще один список Есиповской летописи распространенной редакции, где, после «синодика казакам» и послесловия Саввы Есипова, как особая глава приводится «Описание о поставлении городов и остро-гов в Сибири по взятии ее...»; как список б. Киево-Печерской лавры, список Общества оканчивался событиями 1707 г.

6) В кратком описании рукописей И. Е. Забелина «старой традиции», составленном М. Н. Сперанским, отмечена на стр. 13 «История Сибирская» (сборник Гос. истор. музея, № 184/126), оказавшаяся списком XVIII в. Есиповской распространенной летописи (лл. 1—32), к которой присоединены: «Описание», оканчивающееся 1704 г. (лл. 33—96 об.), «Послание митрополита Игнатия» (лл. 97—104), перечень томских воевод (лл. 104—105 об.) — одним словом, список, сходный со списком Гос. Публ. библ. названным выше Ивановским (Q. IV, № 26, лл. 45—151 об.).

7) В Истории о Казанском царстве или Казанском летописце, Г. З. Кунцевича, СПб, 1905, стр. 23, отмечено, что в сборнике № 1490 Погодинского древлехранилища лл. 92 об. — 238 об., имеется статья о «Взятии царства Сибирского»; эта статья при просмотре оказалась списком XVIII в. Есиповской распространенной летописи с продолжением ее (с л. 131 об.) — «Описанием о поставлении городов и остро-гов...», которое доведено до 1707 г. включ.

Таким образом вместе с отмеченными выше списками «Описания» из собрания Миллера, нам известно пока восемнадцать² списков этого летописного свода. Он встречается в рукописях чаще всего вместе с повестью о завоевании Сибири так называемой распространенной редакции Есиповской летописи, или реже ему предшествует та же повесть в так называемой краткой редакции Есиповской летописи, причем

¹ Чт. в Об-ве ист. и древн. Росс., 1906 г., кн. 1, стр. 307—313.

² Я не включаю в это число два списка из собрания Миллера (см. выше, стр. 152), где, вслед за краткой повестью о завоевании Сибири, приводятся отдельные летописные известия довольно случайного характера.

в двух случаях им является Головинский список Есиповской краткой летописи. Описание событий в этих списках начинается 7089 г., но начало «Описания» ни в одном из рукописных списков не похоже на то, которым «Описание» начиналось в сборнике № 8 Тобольского собора и сходном с ним, напечатанном в ДРВ; во всех списках оно читается так: «божиею милостию и пресвятые богородицы, заступницы христианские, и всех святых великих российских чудотворцов праведною молитвою великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа России самодержца и счастием его взято бысть Сибирское царство с прилежащими к нему ордами у бесерменского царя Кучума во обдержательство Российскому государству (в других — Московскому царству) атаманом Ермаком Тимофеевым сыном Повольским с его дружиною с пятью сты сорока человек казаков в лето 7089-го году октября в 25 (в других — 26) дня». Затем следуют приведенные в ДРВ, III, стр. 105—106, известия 7091 и следующих годов, причем количество известий за отдельные годы в разных списках весьма различно. Краткие известия одних списков разрастаются в других в большой рассказ, где составитель иногда определенно выступает в роли сводчика различных редакций известий, иногда же определенно редактирует первоначальные краткие известия.

Находящиеся в разных списках «Описания» известия о Сибири за XVI—XVIII вв. могут быть разбиты на несколько групп: 1) это краткие известия о покорении Сибири, о борьбе с Кучумом и т. п., которые находятся и в повестях о завоевании Сибири (Есиповской, Ремезовской и др.); 2) известия о назначении воевод и других должностных лиц в Сибирь и об их деятельности, главным образом, по поставлению городов и их последующей истории о борьбе с местными народами; 3) особо стоят известия о деятельности церкви в Сибири, отличающиеся наиболее точными датами; 4) отдельные этнографические заметки о тех народах, которые, по ходу событий, встречаются в летописи; 5) известия о событиях московских, к числу коих отношу и сообщения о посольствах к разным азиатским государям.

Сравнительное изучение всех списков — задача специального исследования. Некоторые предварительные результаты его могут быть отмечены уже теперь. Прежде всего надо указать, что списки оканчиваются разными годами: наиболее ранний по времени — в сборнике № 8 Тобольского собора оканчивался 1687 г. и, видимо, не имел продолжения, наи-

более поздний — 1791 г.; он был напечатан в Тобольске в 1792 г. К периоду 1687—1791 гг. может быть отнесено, таким образом, составление сводных летописей. За этот промежуток имеются, кроме того, списки, изложение которых заканчивалось в иные годы:

1690 (Головинский, см. выше); 1693 (ААН, ф. 21, оп. 5, № 8, ч. II); 1702 (а) напечатанный в ДРВ и б) ГАФКЭ портф. Миллера, № 505, I, тетр. 5, лл. 19—45) 1704 (Ивановский, см. выше); 1707 (а) Погодинский, см. выше, б) Киево-Печерской лавры, см. выше, в) Об-ва ист. и древн. Росс., см. выше); 1711 (а) Викторovsky, б) Карамзинский, в) ААН, ф. 21, оп. 5, № 8, ч. I); 1730 (там же, ф. 21, оп. 5, № 38); 1742 (Академический).

Вместе с тем устанавливается, что если некоторые списки представляют особую редакцию, как, например, список Академический (1742) или наиболее ранний по времени Головинский или Карамзинский, то другие являются или их копиями, или сняты с одного с ними оригинала (например, список ААН 1711 г., вполне сходный с Карамзинским), или же в основе их лежит какой-либо из этих списков, дополненный рассказом о позднейших событиях (например, список ААН, 21.5, 38, 1730 г., является в известной части копией Головинского списка, но события после 1690 г., которыми оканчивается Головинский список, заимствованы в списке 1730 г. из какого-то другого источника). Подобная же связь может быть установлена между Ивановским списком в сборнике Q. IV, № 26, Гос. Публ. библиот., Забелинским, оканчивающимся 1704 г., и Погодинским, где «Описание» оканчивается 1707 г., Карамзинским и списком ААН, ф. 21, оп. 5, № 8, ч. I, в которых то же «Описание» продолжено до 1711 г., причем в отношении этих пяти списков можно утверждать их томское происхождение. Об этом говорят не только две дополнительных статьи в них, которых нет в других списках: 1) Послание митрополита Игнатия к пастве 1697 г. с увещанием отстать от бунтовщиков Трифона, Конона и Алексея Ярлыковых, и 2) перечень томских воевод с 113-го (1605) по 207-й (1699) год, а особенно редакция известий о Томске, где, вопреки данным приложенного здесь же перечня томских воевод, из которого видно, что Томск основан в 1604 г., в тексте «Описания» основание его относится ко времени построения наиболее старых городов Сибири, именно к 1591—1594 гг., причем в 1602 г. в Томске будто бы был воеводой Василий Волынский (по перечню правильно указы-

ваются годы его воеводства с 1608 по 1613 г.); эти неверные известия перешли и в некоторые другие списки «Описания» (например, в тот, который напечатан в ДРВ, III, ср. стр. 118).

Впрочем, изучение отдельных списков «Описания» не оставляет сомнений, что текст его возник значительно раньше того времени, которым датируется самый ранний список — Головинский и сходный с ним — ААН, ф. 21, оп. 5, № 38, именно ранее 1689 г. Если судить по заглавию этого списка, как оно читается в экземпляре ААН,¹ то следует думать, что первоначальную основу «Описания» составлял тобольский летописец в узком смысле, не включавший или почти не включавший известий о других сибирских городах. Именно, путем увеличения в «Описании» сведений о других сибирских городах идет рост его текста. На раннее происхождение этого первоначального текста «Описания» указывает связь его в этих двух списках не с распространенной редакцией Есиповской летописи, а с памятником более ранним по происхождению, именно статьей о Сибири в «Новом Летописце»,² который, как показано уже давно, сложился около 1630 г., во всяком случае до 1636 г., когда Савва Есипов закончил свой труд, дошедший до нас в виде так называемых списков первой редакции Есиповской летописи. С. В. Бахрушин уже указал на большую близость этой статьи с двумя списками краткой Есиповской летописи. Действительно, Головинский список Есиповской летописи представляет большое текстовое сходство со статьей «Нового Летописца»,³ но в статье «Нового Летописца» имеются и существенные отличия: в ней текст, прежде всего, более краток, в нем опущено указание на «бои» на р. Вагае, о взятии в полон царевича Маметкула и отправке его в Москву, о пожаловании царевича и служилых людей новым царем Федором Ивановичем. В рассказе о татарине, ходившем по поручению Кучума в лагерь Ермака, имеется также отличие: по «Новому Летописцу» он взял у Ермака «три пищали да три вязни», а в «Кратком описании о Сибирской стране» (так называемый Головинский список) — «пищаль и лядунку». В тексте «Нового Летописца» нет и

¹ «Описание о поставлении града Тобольска и хто в нем были воеводи, архиереи, митрополиты, и какое в нем бывало действие, и в кое лето в Сибири, в Тобольску, устроися престол архиерейской и о иных вещах».

² С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 179—180.

³ Русская летопись по Никонову списку, осьмая часть, СПб., 1792, стр. 1—3.

конца Головинского списка: вместо — «ныне же в том Сибирском царстве и иные многие гради поставлены», в Головинском списке имеем не совсем удачное с географической стороны «распространение» этого текста: «... по рекам Иртышу и Оби и Енисею и по Лене и по Амуру и по Туре и по Тавде и по иным рекам великому государю всяк язык дань и ясак всякой звериной дают даже и до Китайского государства. И тако распространися Сибирская земля и до великого моря — Акияна». ¹ Следует заметить, однако, что отличия Головинского списка, относящегося к восьмидесятым годам XVII в., не позволяют утверждать, что эти отличия были также в его протографе.

Высказывая свое окончательное суждение о взаимоотношении кратких списков Есиповской летописи с повестью о Сибири в «Новом Летописце», С. В. Бахрушин полагал, ² что в них отразилось знакомство авторов их с этой повестью. Не было ли в действительности наоборот: не автор краткой редакции заимствовал у автора повести «Нового Летописца», а именно последний черпал из кратких сибирских летописей нужные ему сведения о Сибири. Мне кажется более правдоподобным следующее: на месте в Сибири, в Тобольске, еще до создания «Нового Летописца», т. е. до 1630 г., к которому приурочивают его появление, — существовали уже повести о завоевании Сибири: так называемый «Синодик» был создан еще при Киприане в 1622 г., но, как показал сам С. В. Бахрушин, синодик ссылается на другую повесть — «Написание». Трудно думать, чтобы эти местные произведения были известны только в Сибири; вполне возможно, что при помощи Киприана или других лиц, возвращавшихся в Москву, они сделались известны автору «Нового Летописца», который из тех же сибирских повестей и их продолжений заимствовал не только повесть о завоевании Сибири, но и некоторые другие последующие известия о Сибири. ³ Вполне естественно, что

¹ Сибирские летописи, стр. 311.

² Очерки, стр. 188.

³ Ср., например, у него (по изд. 1792 г., стр. 20): «множество же людей отведоша в Сибирь, и поставиша град Пелым и ими насадиша», — и то же, например, в «Сибирском летописце» (по изд. 1892 г., стр. 11), под 7100: «по убении... царевича... Дмитрия Иоанновича, сосланы с Углича в Сибирь многие люди, и поставиша град Пелым и угличскими людьми насадиша». Еще пример: в «Новом Летописце» (по изд. 1792 г., стр. 22): «царь же Федор, наипаче распростроня свою праведную молитву, видя такое божие дарование над собою, и за те ево праведные молитвы подаст ему бог вся полезная, распространяхуся ево царствию,

автор «Нового Летописца» для своих целей сокращал, опускал и даже изменял редакцию отдельных известий о Сибири, которые он находил в местных источниках. Именно так понимая дело создания сибирских летописей и летописных повестей, я считаю, что признаваемое правильным в отношении летописных сводов конца XVII в., именно, что они созданы на месте в Сибири, должно быть распространено и на раннее сибирское летописание. В этой связи нет ничего удивительного, что, кроме известных уже ранних повестей о завоевании Сибири, составленных на месте, типа «Краткого описания о Сибирской земле и о походе атамана Ермака»,¹ послуживших источником для составителя общерусского свода так называемого «Нового Летописца», там же на месте были созданы и некоторые другие повести летописного типа, до нас не дошедшие, как упомянутый выше «Летописец Тобольский» ротмистра Станкевича. В них редактор «Нового Летописца» мог почерпнуть и несколько иные известия, чем в упомянутом «Кратком описании», в частности — разноречие о количестве оружия и припасов, доставленных татаринном Кучуму, должно быть отнесено на счет того местного источника, которым пользовался автор статьи о завоевании Сибири в «Новом Летописце».

Но, независимо от разрешения вопроса о взаимоотношениях «Нового Летописца» и списков так называемой краткой редакции Есиповской летописи, едва ли последние могут считаться «редакцией» самой Есиповской летописи, разумея под ней тот текст, который читается в списках первой редакции,² как мне кажется, единственных, которые должны сохранить в дальнейшем название Есиповской летописи, так как только они (список Сычевский, Аввакумовский, Слобцовский и др.) могут считаться списками труда Саввы Есипова.

Есиповская летопись так называемой распространенной редакции, издания в Сибирских летописях на стр. 171—240, имеет в отличие от первой редакции вместо 37 обычно только 33 главы. Но следует заметить, что имеются списки этой

посылаху многие воеводы в Сибирскую землю, и многие орды к Сибирскому царствию [и] разные языки подведоша, и многие грады поставиша в Сибири: град Тару, Березов, Сургут и иные многие грады», — но этой же выпиской начинается так называемый «Сибирский летописец» (по изд. 1892 г., стр. 1).

¹ Позднюю редакцию этого «Краткого описания» читаем в Головинском списке (Сибирские летописи, стр. 307—311).

² Сибирские летописи, стр. 105—170.

редакции, в которых количество глав иное, иногда меньшее, иногда большее, — признак, что текст этой летописи неоднократно подвергался переработке и, как отмечено выше, последней статьей (обычно 35) этой редакции весьма часто встречаем статью «О сибирских воеводах, кто имяны во всех городех были и в которые лета и иных многих вещех, иже писаны в книге сей порознь статьями...»¹

С. В. Бахрушин замечает (Очерки, стр. 180), что статья «Нового Летописца» отразилась также очень сильно, местами дословно, на списках Есиповской летописи распространенной редакции. Он указывает, например, на гл. 7 распространенной редакции, текст которой, соответствуя по содержанию гл. 7 и 8 первой редакции Есиповской летописи, сильно отличается от последней и действительно близок (но не сходен) к соответствующему месту повести «Нового Летописца», или на гл. 24 — о татарине, дважды побывавшем в стану Ермака, рассказ о чем отсутствует в первой редакции Есиповской летописи,² но имеется в повести «Нового Летописца». Из этого С. В. Бахрушин делает вывод, что «Новый Летописец» служил одним из источников Есиповской летописи распространенной. Но и независимо от высказанного выше предположения, можно не настаивать на заимствовании Есиповской летописью распространенной редакции статьи о пришествии казаков в Сибирь и о Кучумовом татарине обязательно из статьи о Сибири в «Новом Летописце». Обе летописи могли, независимо друг от друга, заимствовать эти рассказы из общего протографа, каким для обеих могла быть повесть, близкая к «Краткому описанию о Сибирской земле» (Головинский список) тем более что в данном случае (в гл. 7) нет буквального заимствования, а имеется весьма распространенная передача первоначального текста, причем текст иногда сильно «изукрашен», и опущена одна важная подробность — упоминание о «присылке» Максима Строганова. Таким образом и здесь в качестве источника, которым неизвестный сводчик дополнил Есиповскую летопись, был источник местный — повесть типа «Краткого описания о Сибирской земле». В этом же

¹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 8, ч. 2, лл. 1—2.

² С. В. Бахрушин об этом говорит едва ли правильно: «рассказ отсутствует во всех лучших списках летописей», но почему же относить к «не лучшим» целую группу списков Есиповской летописи. Кроме списка Ундольского, по которому производилось сличение, было тогда известно еще семь других (см. предисловие к Сибирским летописям, стр. XXII—XXVI), ныне же число их увеличилось, и во всех имеется этот рассказ.

источнике тот же сводчик нашел и еще одно дополнение к Есиповской летописи: статью о «Поставлении града Тобольска и кто в нем были воеводи, архиереи... и какое в нем бывало действие и в кое лето... в Тобольску устроися престол архиерейский, и о иных вещех». Эту статью он также присоединил к переработанному тексту Есиповской летописи, который в дальнейшем переписывался без существенных изменений, статья же 35 этого нового летописца, дополненная данными других тобольских летописцев и летописцев иных сибирских городов (например, томских), постепенно разрастаясь, приняла вид свода общесибирских известий, что отразилось в новом заглавии этой статьи, как она читается, например, в том печатном «Описании», которым мы принуждены пользоваться за отсутствием другого лучшего издания.

Нет надобности говорить о недочетах издания «Описания» в третьей части ДРВ: они отмечались неоднократно. Текст, положенный в основу этого издания, пока не отыскан, но уже сделанные И. Тыжновым и А. Ионовым сличения его с рукописями «Описания», бывшими в их распоряжении, определенно говорят за то, что памятник, крайне ценный для истории Сибири и ее народов, должен быть издан, наконец, научно. Летописный свод, тесно связанный по своему происхождению с теми повестями о завоевании Сибири, которые научно изданы в Сибирских летописях, выпущенных в 1907 г. Археографической комиссией, должен составить естественное продолжение этого издания и, в смысле выполнения, отвечать тем высоким требованиям, которые ставит наука в этой области в наши дни.

VII. „СИБИРСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ“ И ДРУГИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ СВОДЫ, НЕ ВОСХОДЯЩИЕ К „ОПИСАНИЮ О ПОСТАВЛЕНИИ ГОРОДОВ“

1. Если большинство рассмотренных выше кратких сибирских летописцев заключают в себе текст «Описания о поставлении городов...» в разновременных его редакциях, то одна из ранних редакций этого «Описания», несомненно, была использована общерусским летописным сводом, именующимся «Новым Летописцем». Но в том же памятнике находим черты несомненного сходства с начальной статьей так называемого «Сибирского летописца», изданного, как уже отмечено, дважды. «Сибирский Летописец» является, как и «Описание о поставлении городов», летописным сводом, заключающим много известий, не вошедших ни в одну из редакций «Описания», но, наряду с ними, бесспорно заслуживающих внимания. И. И. Тыжнов, специально изучавший этот памятник,¹ признает его по преимуществу тобольским летописцем, но достоверность его известий о Тобольске склонен ставить в зависимость от совпадения их с таковыми же, находящимися в «Описании». Между тем, в «Летописец» вошли такие известия (их он насчитал 22), которых совсем нет в «Описании» (стр. 162—163), и, разбирая каждое в отдельности, нет оснований сомневаться в их достоверности. Правильно считая одним из источников «Летописца» — «современные записи о жизни церковной и о местных происшествиях г. Тобольска», И. И. Тыжнов, по отсутствию их и невозможности проверить известия «Летописца» этими записями, видимо, склонен был сомневаться в достоверности некоторых из них. Но мне кажется, что эти сомнения должны отпасть по ознакомлении

¹ Назв. соч., стр. 148—175.

• найденной мною рукописью «Сибирского Летописца», тексту которого в той же рукописи предшествуют те «современные записи», о которых шла речь выше.

Впервые, как известно, «Сибирский Летописец» был издан в «Сев. Арх.», 1826, ч. XIX, № II и III, по рукописи В. Н. Берха, известного собирателя древностей и автора нескольких полезных работ, имеющих отношение к истории Сибири. Принадлежавшую В. Н. Берху рукопись надо считать утерянной,¹ а потому до недавнего времени приходилось довольствоваться плохим текстом «Летописца», воспроизведенным в «Сев. Арх.», а в 1892 г. перепечатанном без изменений с печатного текста в Тобольске Е. В. Кузнецовым.²

Издание «Сев. Арх.», а следовательно, и перепечатку 1892 г. нельзя признать удовлетворительными, так как «Летописец» напечатан здесь с пропусками, в некоторых случаях происшедшими, несомненно, по вине первого редактора, кой-где плохо разобравшего имевшуюся у него рукопись. Но вместо утерянного списка «Сибирского Летописца» удалось отыскать совсем недавно другой, который может заменить первый.

В Археографической комиссии хранился сборник разных почерков XVII—XVIII вв., по описанию Барсукова — № 213,³ принадлежавший когда-то П. А. Словцову. В сборнике, на лл. 281—384, помещены летописные известия о Сибири XVII—XVIII вв., причем часть их имеет характер отрывочных известий, которые в обработанном виде вошли затем в текст летописца; в тексте на лл. 297—384 того же сборника, без труда узнаем «Сибирский Летописец», изданный в 1826 г., но в отличие от печатного наш список дает более исправный текст, который в конце (под 1715 г.) имеет несколько известий, отсутствующих в печатном тексте. Ценность списка не только в том, что он пока единственный, в котором, кроме того, находим «современные записи» о жизни церковной и о местных происшествиях в Тобольске,—это текст, лл. 289—296, где записаны разные события 7151—7186 гг., которые затем вошли в текст «Сибирского Летописца», помещенного

¹ После его смерти часть рукописей В. Н. Берха поступила в Академию наук (ААН, дела Археогр. ком. за 1835 г., № 4).

² Сибирский летописец, с пред. Е. В. Кузнецова, Тобольск, 1892.

³ Ныне этот сборник, № 213, хранится в отд. рукоп. книги Библ. Акад. наук.

на лл. 297—384. Судя по тому, что текст писан разными почерками,¹ можно относить записи не только к разным годам, но и к разным лицам, преемственно сменявшим в XVII—XVIII вв. друг друга в роли «тобольских летописцев». Говоря о достоверности известий «Сибирского Летописца», исследователи отмечали,² что «рассказ очевидца идет в «Летописце» приблизительно с царствования Федора Алексеевича, т. е. события последних 40 лет воспроизведены в разбираемом памятнике с замечательной достоверностью». На основании же отмеченной выше смены почерков и сортов бумаги можно думать, что и более ранние известия записаны очевидцами, а потому заслуживают не меньшего доверия, чем известия 1676 и следующих годов.

Таким образом в «Сибирском Летописце» мы находим оригинальный памятник сибирского летописания XVII—XVIII вв., который, в отличие от «Описания о поставлении городов...», не получил, видимо, широкого распространения (известен в двух списках, из которых один утерян), а потому и не подвергался тем многочисленным дополнениям и изменениям, которые отмечены выше в отношении «Описания».

По вопросу об авторе «Сибирского Летописца» и времени его составления имеем мнение А. Оксенова,³ который считает «что летописец составлен в царствование Петра I каким-то жителем Tobольска». Подобное же мнение до него было высказано первым издателем летописца — В. Н. Берхом, получившим его от соликамского жителя Акинфия Трофимовича Ливонова.⁴ Е. В. Кузнецов, в предисловии к его изданию «Сибирского Летописца», полагает, что копия летописца была у Г. Ф. Миллера, когда он жил в Соликамске, а «кто-либо из соликамских грамотеев, заинтересовавшись «Сибирским Летописцем», мог взять его у последнего (Миллера) для снятия списка, или же Миллер и сам как-либо случайно оставил его в Соликамске».⁵ Если для последней догадки нельзя

¹ Первым почерком писаны отдельные известия на лл. 289—296; начало «Летописца», л. 297, писано вторым почерком; лл. 297 и 298 — третьим почерком, — лл. 299—350 — четвертым почерком; лл. 353—384 — писаны разными почерками. Филигрانی бумаги, лл. 289—384 также разные.

² Е. В. Кузнецов в предисловии к изд. 1892 г., стр. 7, и С. А. Андрианов в статье — Торжество по недоразумению, «Ист. Вестн.», 1892 г., кн. 11, стр. 489 и след.

³ Литературный сборник, изд. ред. «Вост. обозр.», СПб., 1885, стр. 452.

⁴ «Сев. Архив», 1826 г., ч. XIX, № 11, стр. 109.

⁵ Сибирский летописец, Tobольск, 1892, стр. 6.

привести каких-либо подтверждений, то мысль о составителе «Сибирского Летописца» — жителе Тобольска — заслуживает внимания. Все известия о Тобольске описаны в «Сибирском Летописце» с такими подробностями и точностью, что представляется вполне вероятным видеть в авторе описания жителя этого города.

2. Но «Сибирский Летописец» является не единственным летописным сводом, в котором встречаем известия, не восходящие к известным редакциям «Описания о поставлении городов». Выше мною отмечены два летописца из собрания Миллера, которые также должны быть отнесены к этой группе. По составу и характеру приводимых в них известий они также стоят особо от прочих сибирских летописных сводов и не могут быть отнесены ни к одному из отмеченных выше.

Таким же особым летописным сводом следует признать «Летописец тобольской о Сибирской стране», принадлежавший штатному смотрителю Березовских училищ Н. А. Абрамову, автору многочисленных работ о Западной Сибири и особенно о Березовском уезде. Список этого летописного свода использован при издании «Сибирских летописей» (Абрамовский список); он хранится ныне в Учен. арх. Гос. геогр. об-ва (прежний шифр — А.19.1.19, ныне — разр. 114, оп. 1, № 107). В нем кроме повести о завоевании Сибири, напечатанной в Сибирских летописях, стр. 241—260, с. л. 23 об. по старой нумерации находим самостоятельный подбор известий 1588—1707 гг. или, по крайней мере, такой, какой не встречается в других продолжениях Есиповской «распространенной» летописи; некоторые же известия от второй половины XVII в. изложены здесь с любопытными подробностями. Видимо, в первой своей части этот летописный свод оправдывал свое наименование — «Летописец тобольской», так как заключал в себе преимущественно известия о Тобольске. Со второй же половины XVII в. в нем встречается немало общесибирских известий, причем некоторые из позднейших: 1696 г. — о сыскаемого дьяка Данила Полянского (лл. 54 об.—56 об.), 1707 г. — про «огонь, что за Камчаткою рекою горит из земли, и о теплых водах на Камчатке реке» (лл. 59 об.—61), — несомненно, записаны в Якутске и, возможно, что и весь свод (писанный одним почерком) составлен там же, причем сводчик дополнил известия, найденные в летописных сводах типа «Сибирского Летописца» (с которым у «Летописца тобольского» много сходства), известиями новыми, не имеющимися ни в одном из

известных летописных сводов. Время работы сводчика (свод его не включает известий позднее 1709 г., см. л. 58) 1709 и 1710 гг., так как сводчику неизвестен еще преемник митрополита сибирского Филофея Лещинского, судьба которого прослеживается им до принятия Филофеем схимы в 1709 г. (12 сентября), приезд же в Tobольск нового митрополита Иоанна Максимовича состоялся 14 августа 1710 г.¹

¹ В Списках иерархов П. М. Строева, ст. 318, годы первого правления Филофея и последующего Иоанна указаны неверно.

VIII. „ИСТОРИЯ СИБИРСКАЯ“ С. У. РЕМЕЗОВА И „ЛЕТОПИСЬ СИБИРСКАЯ КРАТКАЯ КУНГУРСКАЯ“

Сообщая о том, что архив в Тобольске не восходит ко временам завоевания, о чем приходится узнавать из летописей, которые весьма отличаются друг от друга подробностями, а потому возбуждают важные сомнения, Миллер в своей Истории Академии наук писал: «Я был так счастлив, что достал в Тобольске старинную сибирскую летопись с изображениями, которая разъясняет все недоумения и против которой невозможно возражать. По возвращении моем я преподнес эту рукопись академической библиотеке, как особенную драгоценность. С нее не существует ни одного списка, кроме того, который я велел сделать для собственного употребления. На ней основывается история завоевания Сибири, как она рассказана мною в 1-й части моей Истории Сибири».¹

Ранее того, в первом томе Истории Сибири, вышедшем на русском языке в 1750 г., Миллер писал (гл. 1, § 54): «Будучи я в Тобольске достал старой письменной на русском языке летописец с плохими картинками», а в примечании к этому месту заметил, что «сия книга сочинена тобольским дворянином Ремезовым».

В предисловии к первому тому Истории Сибири, написанному в 1749 г., но опубликованному в целом виде только в издании 1937 г., Миллер указывал, что из всех сибирских летописей, которые он видел в Сибири «у некоторых до истории своего отечества любопытных людей», ему удалось получить только списки. Но, кроме них, он «одну и подлинную... привез... с собою, понеже она в своем роде только есть одна, и списков с ней ни у кого еще нет...» Миллер

¹ Пекарский, История Академии наук, I, стр. 322; Материалы для истории Академии наук, VI, стр. 344.

назвал ее первоначально «Тобольскою летописью, для того что оную достал в Тобольске». «Не могу я при сем оставить, — продолжал он, — чтобы с похвалою не упомянуть о благосклонности и вспоможении тобольской губернской канцелярии, которая хозяина той летописи, не хотевшего лишиться сего сокровища, к тому склонила, что он помянутую книгу продал за сносную из казны цену». ¹

Из надписи на внутренней стороне переплета рукописи Ремезовской летописи, которая была сделана в 1759 г. по распоряжению Миллера кем-то из служащих Библиотеки Академии наук, видно, что «хозяином» рукописи, продавшим ее Миллеру в бытность его в Тобольске, был «коллежский ассесор и провинции Енисейской воевода Петр Федорович Минович». Следует заметить, однако, что в момент продажи Минович имел чин не «воеводы», а всего лишь сына боярского; он был сослан в Сибирь, в Тобольск, в 1732 г. после дела его в Тайной канцелярии, обвинявшей его в запрещенных сношениях с его отцом Федором Миновичем, бежавшим после 1709 г. вместе с Мазепой за границу и там проживавшим. Вместе с братом Федором (отцом известного впоследствии, в 1764 г., Василия Миновича, пытавшегося освободить из Шлиссельбургской крепости Иоанна Антоновича) Петр Минович, как бывшие ученики академической гимназии, ² были знакомы с Миллером еще в Петербурге.

Говоря о содействии тобольской губернской канцелярии в приобретении Ремезовской летописи, Миллер рассказывает об этом в связи с другими фактами своего первого пребывания в Тобольске, которое продолжалось с конца января по 26 мая 1734 г. ³

Значит, рукопись Ремезовской летописи в руках Петра Миновича находилась не более двух лет, так как только в 1732 г. он приехал в Тобольск, где в том же году или позже (в 1733 или 1734 гг.) он приобрел рукопись Ремезовской летописи. Неизвестно, от кого он получил ее, может быть от сыновей Ремезова, а может быть от третьего лица, к которому рукопись могла попасть ранее 1732 г. Судя по тому, что другая рукопись Ремезова — «Служебная чертежная книга» в 1730 г., во всяком случае, находилась еще в семье Реме-

¹ Миллер, История Сибири, Л., 1937, т. I, стр. 160.

² Материалы для истории Академии наук, I, стр. 219 (список учеников, принятых в 1726 г.), 229.

³ Пекарский, История Академии наук, I, стр. 321—323.

зовых,¹ а затем тоже была приобретена братьями Миновичами. Нужно скорее думать, что Миновичи вообще стремились собрать у себя рукописи Ремезова, ценность которых они понимали.²

Приведенные факты имеют значение для истории рукописи Ремезова, в которую неизвестное лицо сделало вставки, впервые замеченные уже Миллером, о чем он говорил в своей Истории Сибири. Высказано предположение, что вставки сделаны кем-то из семьи Ремезовых. Зная, что рукопись до 1734 г., когда она перешла к Миллеру, имела одного или нескольких владельцев, не принадлежавших к семье Ремезовых, можно думать, что и они принимали участие в работе, в результате которой из цельного произведения, вышедшего из-под пера С. У. Ремезова, получился исторический труд, который справедливо обвиняли в путаном изложении событий, связанных с завоеванием Сибири.

Из слов Миллера видно, что имеющаяся копия Ремезовской повести о завоевании Сибири, которая хранится в одном из его портфелей и отмечена в предисловии к Сибирским летописям, как отдельный список, использованный для вариантов в издании, сделана с того же единственного подлинника, который хранился с 1744 г. и продолжает храниться в Библ. Академии наук.³

Описание рукописи Ремезовской летописи, хранящейся и поныне в отд. рукоп. книги Библ. Академии наук (шифр. — 16.16.5), дано в предисловии к Сибирским летописям (стр. XXXIV—XXXVII); автором описания является В. В. Майков, но в его описании имеются некоторые неточности. Как уже не раз отмечалось, рукопись писана двумя почерками на 39 неполных листах или 77 страницах, причем вторым почерком писано семь вставных листов. Но в рукописи имеется и третий почерк; им писаны два слова на л. 4 об. (ст. 16) и на л. 39 об. слова: «Житие Ермаково как Сибирь взял с тружи-

¹ Самая поздняя запись в этой рукописи (Эрмит. собр., № 237, л. 9) сделана рукою одного из сыновей Семена Ремезова не ранее 1730 г., когда прибыл в Тобольск сибирский губернатор А. Л. Плещеев, но не позднее, 1735 г., когда он был уволен.

² Ср. у Миллера: «которая хозяина той летописи, не хотевшего лишиться сего сокровища, к тому склонила».

³ См. на листе, приклеенном к внутренней стороне верхней доски переплета рукописи: «1744 году принята от профессора Миллера. Привезена из Сибири». В предисловии к Сибирским летописям, стр. XXXIV, ошибочно указано, что подлинная Ремезовская летопись хранилась в б. Моск. гл. арх. Мин. ин. дел.

ною своею»; приписки же на лл. 32 об. и 38 об., вопреки описанию в Сибирских летописях, сделаны основным почерком. В связи со сделанными вставками (вклеенными листами, писанными вторым почерком) рукописи дана новая полистная нумерация, причем вкратились три ошибки: вместо 83 поставлено 84 (л. 21 об.), вместо 88—89 (л. 22 об.) и вместо 103—104; таким образом в рукописи оказалось не 154, а 157 статей. Это исправление листов, видное в подлинной рукописи, сделано поверх первоначальной нумерации, что, однако, не отражено в фотолитографском воспроизведении ее 1880 г. Так как стоящий над основным текстом заголовок «История Сибирская» на лл. 1 и 11 рукописи (ввиду их ветхости) заклеен, то при воспроизведении рукописи на лл. 1 и 11 оказалось белое место, тогда как в рукописи, под наклейкой, ясно читается обычный заголовок.

На основании исправления полистной нумерации, вызванной вставкой семи листов, можно утверждать, что в первоначальной рукописи, автором которой был Семен Ремезов, был 31½ лист с 126 рисунками.

При описании рукописи Ремезовской летописи В. В. Майков высказал мнение, что «в составлении этой рукописи, по всей вероятности, принимали участие и сыновья Ремезова».¹

Но на чем основано мнение о содействии Семену Ремезову в составлении «Истории Сибирской» его сыновей? Ведь, литторей в «конечной» 157-й статье, отчасти раскрытая еще А. И. Ермолаевым (для Н. М. Карамзина) и полностью А. Ф. Бычковым при издании фотолитографским способом «Истории» в 1880 г.,² определенно говорит за то, что «писал» «Историю» один Семен Ремезов, а указание на его четырех сыновей в родительном падеже отмечает лишь принадлежность рукописи этим четырем сыновьям. Следует заметить, что буквы литторей писаны тем почерком, которым сделаны надписи: «статья 157 конечная» и другие вставные, не принадлежащие тому лицу, которым писан весь основной текст летописи, и, значит, должны быть также признаны позднейшими приписками. О том, что автор был один, определенно говорится

¹ Сибирские летописи, стр. XXXV. Это мнение повторено С. В. Бахрушиным, Очерки, стр. 17 (пропущен у него сын Семена Ремезова — Петр).

² См. стихотворение А. И. Тимофеева в экземпляре «Краткой сибирской летописи кунгурской» в библиот. А. Ф. Быкова (ныне в рукоп. отд. Гос. Публ. библиот.).

также в конце основного текста, в ст. 157: «аз же в Сибирстей бытия о единомудрых казаках вкратце глаголах, налично всположих в Тобольске граде всенародному зрению нескрытно; аще и языка светлоречивого не стяжах, еже железным ключом отверзох, а златый впредь уготових ко утешней всенародной пользе. Имя же мое знаком сим зовом с природными прослытии в Сибирстей стране, в начальном граде», — и далее в 4 картушах написаны вязью инициалы:

1) П С У Р (писал Семен Ульянов Ремезов, 2) С Л Р (Леонтий Семенов Ремезов), 3) С С Р (Семен Семенов Ремезов), 4) С И Р (Иван Семенов Ремезов) и 5) С П Р (Петр Семенов Ремезов), что позднее было дополнено литтореей, разъясняющей значение всех этих инициалов и отношение отца и сыновей к данной рукописи.

В заключительной статье, названной его продолжателем «конечной», автор «Истории Сибирской» называет свою работу краткой повестью о пребывании казаков в Сибирской стране, которую он, автор, составил в Тобольске, изукрасив ее рисунками («аз же... вкратце глаголах, налично всположих в Тобольске граде всенародному зрению нескрытно»), изложив ее на этот раз языком не вполне литературным, но намереваясь сделать последнее в будущем («аще и языка светлоречивого не стяжах, еже железным ключом отверзох, а златый впредь уготовах ко утешней всенародной пользе»). В конце главы автор пишет, что имя его по приложенному знаку (т. е. рисунку, на котором картуш с инициалами автора — Семена Ульянова Ремезова) можно найти среди имен постоянных («природных») жителей «начального града» Сибирской страны, как бы противопоставляя этих «природных» тем пришельцам, о которых он вел речь в ст. 152.

Если на основании свидетельства самой рукописи нет повода сомневаться, что главную часть ее «писал» Семен Ульянович Ремезов, то почерк этой основной части едва ли может быть признан почерком его самого; с большим трудом в нем можно найти черты некоторого сходства с почерком Семена Ремезова, находящимся в рукописи № 237 Эрмит. собр. Гос. Публ. библ. и в кн. 1320-й (1710 г.) Сиб. прик. в ГАФКЭ. Таким образом термин «писал» приходится понимать скорее в том смысле, что Семен Ремезов старший сочинил повесть, а переписывал текст кто-то другой.

Вопрос о времени, к которому относится наша рукопись, можно бы разрешить отчасти на основании бумаги, на которой она написана. Знак бумаги основной части рукописи имеет

сходство с тем, который у Лаптева¹ и у Тромонина² помечен 1690-м годом.

Таким образом знак бумаги позволяет думать, что рукопись относится к девяностым годам XVII в. Но решающее значение в датировке труда Ремезова имеют также вставки в него, названные «Летописью сибирской краткой кунгурской», писанные на бумаге со знаком «герб Амстердама». Они относятся ко времени более позднему, чем основной текст, бесспорно принадлежащий С. У. Ремезову. Из биографии его известно, что в Кунгур для писцового описания он ездил вместе с сыном Леонтием в 1703 г.; ко времени его пребывания там относятся рисунки Кунгурской пещеры³ с ее изображениями, не раз воспроизводившимися без указания имени Ремезова; ко времени пребывания там Ремезова надо, как мне кажется, относить приобретение им списка той «Летописи сибирской краткой кунгурской», которая позднее была вставлена в основной текст Ремезовской повести. Если это так, то основной текст возник ранее 1703 г.

Исследователи, касавшиеся вопроса о времени написания Ремезовской повести, по-разному определяли его: так, Л. Н. Майков полагал,⁴ что она «составлена в самом конце XVII в.», С. А. Адрианов относил ее к «Петровской эпохе»,⁵ а С. В. Бахрушин считает ее произведением «конца XVII в.»⁶

Прямых указаний на время написания повести в самом тексте ее не имеется, но, мне кажется, что текст повести дает все же косвенное указание на время, когда С. У. Ремезов писал ее в Тобольске: в ст. 136, говоря «о проречении древле» пророка Исаии, которое «збытся на Кучуме», автор дополняет: «и се завещание скончается на турках в совершенство». Едва ли упоминание о победе над «турками» могло появиться ранее второго азовского похода и взятия Азова в 1696 г. Таким образом для труда Ремезова устанавливается *terminus post quem*, именно — 1696 г., и составление повести следует относить, именно, к этому или следующему году, принимая во внимание, что в 1696—1697 гг. Ремезов был усиленно занят не только собиранием материалов для своих географи-

¹ Опыт к старинной русской дипломатике, табл. 25.

² Знаки писчей бумаги, № 1627.

³ Они в рукописи № 237 Эрмит. собр. Гос. Публ. библ.

⁴ Хронологические справки по поводу 300-летней годовщины присоединения Сибири к Русской державе, СПб., 1881, стр. 7.

⁵ Журн. Мин. нар. просв., 1893 г., апр., стр. 523.

⁶ С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 17.

ческих и этнографических работ, но и обработкой их для чертежного описания, а также для «Описания о народах Сибири» и, как теперь можно утверждать, для своей «Истории Сибирской».

Из трех работ Ремезова, относящихся к 1696—1697 гг., наиболее раннею следует считать «Историю Сибирскую», основываясь, между прочим, на той традиции, которая существовала в XVIII в.: автор летописного свода середины XVIII в. тобольский ямщик Иван Черепанов, имевший в числе своих источников повесть Ремезова, называет ее «первым Ремезовым», в отличие от «второго Ремезова», другого труда его, носившего название «Описание о народах Сибири». В этом последнем труде Ремезов также касался первоначальной истории Сибири, в частности истории татарских ханов, причем использовал для этого те татарские сказания, которые стали известны ему, по всей видимости, после того, как те же темы, на основании других народных сказаний, нашли соответствующее отражение в его «Истории Сибирской». Излагая известия о Тайбуге по «первому Ремезову» (так называл Черепанов «Историю Сибирскую» Ремезова) и по «второму Ремезову» (т. е. по «Описанию о народах Сибири» того же автора), Черепанов обнаруживает между ними несогласие, которое не без основания объясняет тем, что Ремезов писал об одном и том же в разное время, почему у него оказались два разных и не согласных между собою рассказа.

О том, что Ремезов, написав «Историю Сибирскую» и «Описание о народах Сибири», продолжал собирать материалы по ранней истории Сибири, свидетельствует интересный рассказ об окончательной победе над Кучумом в 1598 г., который был написан им собственноручно в книге его чертежей.¹ Текст рассказа, сопровождаемый любопытным рисунком в красках,² отличается от текста, имеющегося в ст. 130—133 «Истории Сибирской»: противоречия между ними объясняются тем, что тексты Ремезова на одну и ту же тему, как это было уже с «Описанием о народах Сибири», относятся к разному времени.

Во всех названных работах Ремезов выступает перед нами не простым сводчиком, а настоящим ученым историком своего времени, пытливая мысль которого, хотя и облеченная

¹ Эрмит. собр. Гос. Публ. библ., № 237, л. 16.

² Там же, лл. 16 об. — 17: «Чертеж победа на Кучюма царя. Очищение Сибири»; см. прилож. к стр. 86 и 8.

в условную литературную форму того времени, не может не привлекать нашего внимания к его замечательным для своего времени историческим трудам. Анализ его научной работы, как историка, находим в труде С. В. Бахрушина,¹ к соответствующим страницам которого можно прибавить очень немного.

Не ранее 1703 г. в основной текст Ремезовской повести были сделаны вставки из другого самостоятельного источника, носившего заглавие «Летопись сибирская краткая кунгурская». Эти позднейшие вставки сделаны механически и, как писанные другим почерком и на бумаге с другим знаком, легко могут быть выделены из первоначального текста; это статьи: 5—8, 49—52, 73—80, 99—102; автору же вставок принадлежат также ст. 140—147, которые едва ли взяты им из «Летописи кунгурской», а скорее являются плодом его личного творчества (в них, в некоторой связи с предыдущим и последующим (ст. 148), приводятся примеры чудесной помощи христианам в борьбе с неверными). Кем сделаны эти вставки, неизвестно. С. В. Бахрушин полагает,² что «вставка была произведена самим Ремезовым или его сыновьями». Основанием для такого предположения служит для него то обстоятельство, что «сведения Кунгурской летописи о судах, брошенных Ермаком на Серебрянке, послужили материалом для соответствующей надписи на одной из карт Ремезовского атласа». Но чертеж, о котором идет здесь речь,³ составлен Ремезовым ранее того, как в его руки попала Кунгурская летопись. Кроме того, известие об Ермаковых судах, лежащих на р. Серебрянке, Ремезов мог почерпнуть не только из Кунгурской летописи. О судах, будто бы лежащих между Баранчей и Серебрянкой, рассказывали Г. Ф. Миллеру русские и вогулы, жившие в тех местах,⁴ — почему же Ремезов не мог получить подобные же известия от местных жителей, которые позднее о том же рассказывали Г. Ф. Миллеру?

Если основание для предположения С. В. Бахрушина нельзя признать правильным, то вопрос об авторстве Ремезова или его сыновей все же должен быть поставлен. Трудно предположить, чтобы сам Ремезов, если он был автором вставок, не довел бы работу до конца и не связал бы текст

¹ С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 17—24.

² Очерки, стр. 27, прим. 1; ср. стр. 19.

³ «Чертежная книга Сибири 1701-го года», л. 2: «Чертеж земли Тобольского города» или «части Сибири», составлен в 1696—1697 гг.

⁴ История Сибири, Л. 1937, I, стр. 220—221.

вставок с первоначальным, как отмечено уже, не стоящим часто хотя бы в слабой связи со вставками, а часто ему противоречащим. Более вероятно считать, что вставки сделаны кем-либо из лиц, близких к Ремезову, принадлежавших к составу его семьи, может быть, кем-либо из его сыновей.¹ Не исключена, конечно, возможность, что еще до приобретения рукописи П. Ф. Мировичем (он прибыл в Тобольск в 1732 г.), она ушла из семьи Ремезова, вероятнее всего после смерти С. У. Ремезова в 1715 г., и побывала в разных руках, причем кто-либо из владельцев рукописи до 1734 г. (год перехода ее к Миллеру) приложил к ней свою руку, в частности, сделал те вставки, которые по бумаге, на которой они писаны, и по почерку могут быть отнесены к 1715—1734 гг.

Если вопрос об авторе вставок приходится оставить пока открытым, то источник, из которого они заимствованы, (повидимому, был известен в XVIII в. не только автору вставок, но был использован еще одним лицом, именно Икосовым, автором «Истории о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых»,² написанной им в 1761 г. на основании разных письменных и устных источников. Приводимые Икосовым рассказы о пребывании Ермака на Сылве совпадают с тем, что находим в вставных 5-й и 6-й статьях Ремезовской повести; сходство объясняется, конечно, тем, что оба автора пользовались одним и тем же письменным источником — Кунгурской летописью, в которой одной имеются сведения о пребывании Ермака на Сылве.

Отрывки Кунгурской летописи, внесенные в Ремезовскую повесть, подверглись при этом переработке, так как изложены языком не литературным (языком летописи), а в большей части народным, но в который попали уже слова и выражения первой половины XVIII в., употреблявшиеся в делопроизводственном языке.³ С последней точки зрения любопытно то место ст. 5, в котором читаем: «Ермак же советом з дружиною,

¹ Как отмечено выше стр. 78—79, почерк его старших сыновей Леонтия и Семена нам известен, и он не похож на почерк вставных листов. Почерк двух младших сыновей Ивана и Петра установить не удалось. Следует отметить, что кому-то из близких к Ремезову, помогавших ему в чертежных работах 1703 г., принадлежат рисунки (Гос. Публ. библ., Эрмит. собр. № 237, л. 155 об.), по стилю весьма сходные с рисунками вставных листов.

² «Пермск. губ. вед.», 1880, № 88—101, 104 и 105.

³ Ср. в ст. 5 — «приказнили», «объимишенилися», «обогатели»; в ст. 51 — «урвал», «ухватом»; в ст. 52 — «озимеша»; в ст. 7 — «полномочным», «несостоятельная спона»; в ст. 8 — «подданные» и др.

услыша грозное слово и дело... здумали бежать». В подчеркнутых словах виден человек того времени, когда было хорошо знакомо знаменитое «слово и дело» тридцатых годов XVIII в., перенесенное им невольно в восьмидесятые годы XVI в. На основании этого случайного упоминания, время, к которому относятся вставки в Ремезовскую повесть (1703—1734), можно сократить и считать, что вставки были сделаны после 1730 г., но ранее первой половины 1734 г., когда рукопись попала в руки Миллера.¹

Текст обеих летописных повестей сопровождается рисунками, которые по отношению к тексту занимают в рукописи главное место. Они воспроизведены в печатном издании рукописи, вышедшем в С. Петербурге в 1880 г. под неточным заглавием «Краткой Сибирской летописи (Кунгурской)»; последняя, как отмечено выше, составляет лишь часть рукописи. В рукописи рисунки в красках, в печатном воспроизведении они сделаны одной краской. За этим исключением печатный текст при помощи фотолитографии довольно хорошо передает рукопись. Г. Ф. Миллер, первый научно изучавший рукопись, отозвался о рисунках, как о «плохих картинках». После того они почти не привлекали к себе внимания, если не считать заметки А. Н. Оленина.² В последние годы С. В. Бахрушин дал рисункам совершенно правильную оценку: по его словам, в рисунках «поражает сочетание условной стилизации... с большим реализмом. В частности, наряду со стилизованными изображениями татар и других «иноземцев», мы встречаем здесь поразительно точное воспроизведение их одежды и даже типа. По стилю рисунки основной части летописи резко отличаются от рисунков на вклеенных листах: последние менее вырисованы, зато отличаются большей живостью, несколькими штрихами передается впечатление фигуры, движения — в них меньше стилизованности, они реалистичнее, в них больше чувствуется таланта».³

По вопросу об авторах этих рисунков, единственных рисунков XVII в. безусловно русского происхождения, определенных данных не имеется. Если вспомнить, что С. У. Ремезов был также «изографом» — художником, то имеются все основания думать, что рисунки основной части рукописи при-

¹ Кунгурская летопись прекрасно изучена С. В. Бахрушиным, Очерки, стр. 26—30.

² «Сиб. вестн.», 1821, т. XIV, кн. 6, стр. 300—302.

³ Миллер, История Сибири, 1937, т. I, стр. 474.

надлежат ему самому. Следует заметить, однако, что по стилю и характеру выполнения они не похожи на тот замечательный рисунок в красках, который сопровождает в рукописи № 237 Эрмит. собр. летописный текст об окончательной победе над Кучумом, писанный самим С. У. Ремезовым. Имеем ли мы дело в этих двух случаях с двумя авторами или с одним, сказать трудно. Но во всяком случае рисунки вставных листов Ремезовской рукописи принадлежат не тому художнику, который сделал рисунки в основной части рукописи. Выше мною отмечено, что стиль этих рисунков очень напоминает тот рисунок в «Служебной чертежной книге» Ремезовых, который находится на л. 155 об.; это бросающееся в глаза сходство позволило мне выше утверждать, что автором рисунков на вставных листах рукописи мог быть один из младших сыновей Ремезова или лицо, близкое к семье Ремезовых. Независимо, впрочем, от разрешения вопроса об авторах рисунков, следует отметить исключительную ценность для историка и этнографа как рисунков основной части рукописи, относящихся к самому концу XVII в., так и рисунков вставных листов, сделанных в начале XVIII в.

ПОВЕСТЬ ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ПОКОРЕНИИ КУЧУМА, СОСТАВЛЕННАЯ С. У. РЕМЕЗОВЫМ

Победа на Кучюма царя. Очищение Сибири.

(подлинный текст, писанный им, см. на рис. 5)

Лета 7106-го году маия в 9 день в Тобольску велено итти в степь в поход по указной грамоте государя Бориса Федоровича тарскому воеводе князю Ивану Масальскому ополчением тремя городами Тобольскими, Тарскими, Тюменскими, ратных людей конницы 700 да 300 человек татар, по сту з города, в малость чаяше от них шатости в неустойке. Егда же доидоша в урочище до кочевья Кучюмова, до усть Нор-Ишима реки, и обретоша их, в нечаянии прихода русских, безопасных. И помолясь богу, в прикрыте вечера и наутрии дня недельного, за два часа до всхода солнца, ступиша на них ополчение тихо обыществом ургу его, вкруг. И первее на дом Кучюма царя, и взяша в полон 3 сына Кучюмовых и 2 дочери и 7 жен его Кучюмовых в воиловных юртах, и множество кучюмлян побивша, и ясырь мног полониша с ыменiem и со скотом. И по той победе возвратишася во свояси с пленом и приидоша на Тару того же лета июля в 28 день, славяще о помощи бога в Троицы и пречистую богородицу и всех святых.

И по поисци Кучюм царь не возможе стояти противу воли божии, нападе на них страх велий, и прочие бежаша с ним, обнажени всего имения своего и скота, в урочища Калмытские земли, в крепость к озеру Зайсан-Норту, и скитаяся по степи и места житию своему не обрете, бояся конечного распленения от сибирян. И по неколиком времени, шатаяся по степи иподкрачися в калмытские урги, отгнал от них коней и скота многое число, бежаше оттоль на иное место жити. Калмыцы же погнаша во след кучюмлян и достигоша его в урочище на Нор-Ишеме у озера Кургальчина, и ту многих кучюмлян побивша, и скот и кони своя стада и Кучюмовых отьяша и достальное имение похитиша и возвратишася во свояси. Кучюм же с достальными своими малыми людьми бежаше посрамлен и биен от калмык, бежаша в Нагайскую землю жити и кормитися у нагай нищетою. Егда же прииде Кучюм к нагайцам в землю их и явишася в воровстве со своими, нагаи же, видя его пришедша ссорщика и вора, нимало потерпеша: собрася с роды своими, глаголюще ему: ведомой ты и славной вор, Муртаз Алеев сын, и отец твой много зла соделал, и ты, аще и нищ, та же нам учиних.

И во второе лето по побоищи Кучюмовом во 107-м августа 29 день взятые в полон 3 сына Кучюмовых и 2 дочери и 7 жен присланы к Москве с воеводою съ Ефимом Варфоломеевым Бутурлиным с провожа-
тыми и с служилыми людьми. И приехав к Москве с полоном к царю
государю Борису Федоровичю, государь же принял их в честности, и
повеле построить им дома и крестиша их по христианству, и жениша их
у бояр и выдаша жен за князей московских. И вси прославиша о тако-
вом божиим даре бога в троицы и пречистую богородицу и московских
чудотворцев, яко таковые высококыйные орды подручных христианству
покорил.

А привезших сибирцов за верную и радительную службу милостивым
словом велми похвалил и довольным жалованием и кормом и золотыми
и сукнами всех пожаловал, и за поход ратных в Сибирь пожаловал, зо-
лотыми и сребренными деньгами пожаловал довольго.

И с того времени по скончании Кучюма и с прочими вся Сибирь
богом прославися, и священством и начальством утвердися, и святыми
божиими церкви украсися, и городами и слободами и весями устрои-
ся и людьми наполнися в славу пресвятаго имени божия и до конец земли
и по днесь разпростирается во обилии рек по странам.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. Географические источники о Сибири XVII века.	
1. „Отписки“ и „распросные речи“ служилых людей, открывавших новые „землицы“ в Сибири. „Росписи“ урочищ и чертежи. Сохранившиеся сибирские чертежи. Карта Исаака Массы и его сочинение о Тартарии	5
2. Чертежи всей Сибири. Неизвестный чертеж 1629 г. и „роспись“ к нему. „Книга Большого Чертежа“ и сведения ее о Сибири. Чертеж всей Сибири 1667 г. Сохранившиеся иностранные и русские копии. Известия С. У. Ремезова о происхождении чертежа 1667 г. „Ведомость о Китайском государстве“ 1668—1669 гг. „Чертежное описание“ 1667 г. Статейный список посольства в Китай Ф. Байкова 1652—1658 гг. Общий чертеж Сибири 1672—1673 гг. и описание его. Обстоятельства его составления и его источники. Копии этого чертежа в б. Военно-Ученом архиве и в альбоме Пальмквиста. Чертеж всей Сибири А. А. Виниуса, найденный в „Служебной чертежной книге“ С. У. Ремезова	8
3. Дозорные книги сибирских уездов XVII в. Описи 7131—7133 гг., 7188 и следующих годов. Описания пашенных уездов Сибири 1698—1705 гг. Ясачные книги 7133—1700 гг. . . .	25
4. Географические известия о Сибири XVII в. в летописных повестях, космографиях и т. п. „Описание новые земли Сибирского государства“, составленное в 1686 г. Никифором Венюковым. Переводы „Описания“. „Подлинное описание Сибирского государства“ неизвестного автора	28
5. Николай Спафарий и его труды о Сибири. Издание его трудов и пользование ими Ф. Аврилем и Невиллем. Карта Сибири и Китая Авриля.	31
6. Труд Н. Витзена о Северной и Восточной Тартарии и его карта. Время составления последней и ее источники. Значение карты Витзена. Источники его труда о Тартарии. Переписка Витзена с Купером	36
7. Избранд Идес и его описание путешествия в Китай через Сибирь в 1692—1695 гг. Издания этого описания и переводы его. Карта Сибири Избранда Идеса	41

II. Труды С. У. Ремезова по географии Сибири XVII в.

1. Биография С. У. Ремезова на основании вновь найденных материалов о нем 45
2. Приговор Сибирского приказа 10 января 1696 г. о составлении чертежей Сибири и его исполнение в Tobольске. Чертежи С. У. Ремезова 1696—1697 гг. Географическое „Описание всей Сибири“, составленное им 47
3. Составление Ремезовым чертежей каменных строений Tobольска и поручение ему руководства этими работами 55
4. Чертеж всей Сибири, сделанный Ремезовым в Москве в августе—сентябре 1698 г., и его копии 57
5. Новые чертежи, сочиненные Ремезовым в Tobольске в 1699—1700 гг. „Чертежная книга Сибири 1701-го года“ 59
6. Литература о „Чертежной книге Сибири“ и ее издание по Румянцевской копии 60
7. Неполнота данных для научной оценки „Чертежной книги“. Находка „Служебной чертежной книги“ Ремезовых 62
8. Голландские надписи на Румянцевской копии „Чертежной книги Сибири“ и влияние ее на карты Витзена и Избранда Идеса 63
9. Происхождение Румянцевской копии „Чертежной книги Сибири“ 65
10. Для чего была приготовлена эта копия? Известия о печатании русских книг и карт в Голландии (Тессинг и его издательская деятельность). А. А. Виниус и его участие в составлении описаний и чертежей Сибири 68
11. Работы Ремезова над дополнением „Чертежной книги Сибири“ 1701 г. 75
12. Рукопись № 237 Эрмитажного собрания Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде—сборник подлинных чертежей Ремезова и материалов о нем. Обзор содержания рукописи 76
13. Судьба рукописи после 1730 г. и связь ее с семьей Миновичей 87
14. Использование чертежей Ремезова Страленбергом и Мессершмидтом. Карты Сибири Мессершмидта в Архиве Академии наук СССР—копии чертежей Ремезова с исправлениями Мессершмидта. Карты Сибири Страленберга и их отношение к чертежам Ремезова 89

III. Этнографические труды и материалы XVII в. о Сибири.

1. Обилие этнографических сведений о Сибири XVII в. в документальных источниках и невозможность полного использования их. Необходимость составления обзора повествовательных источников 92
2. Сведения о народах Сибири в сибирских летописных повестях и в летописных сводах XVII в. и в памятниках московского летописания XVII в. 93
3. Этнографические данные о Сибири в космографиях XVII в. 98
4. Известия о народах Сибири в других географических источниках XVII в. 100
5. Труды Ю. Крижанича о Сибири. Этнографические известия Витзена. Спафарий и Избранд Идес и их сообщения о народах Сибири 103

IV. С. У. Ремезов как этнограф Сибири XVII в.

1. Этнографический чертеж Сибири в „Чертежной книге Сибири 1701-го года“ и время его составления 108
2. „Описание о народах Сибири“ — неизвестный труд С. У. Ремезова, сохранившийся в отрывках в Черепановской летописи 111
3. Причины ошибок, имеющихсЯ в этнографическом чертеже. Использование его Избрандом Идесом 115

V. Собрание и издание сибирских летописей в связи с их изучением.

1. В. Н. Татищев и его „Летописец Тобольский, сочиненный ротмистром Станкевичем“. Г. Ф. Миллер и летописи, привезенные им из Сибири. Его проект 1749 г. об издании Есиповской и Ремезовской летописей. Черепановская летопись, найденная Фальком в Тобольске. Издание Н. И. Новиковым сибирского летописного свода и С. Я. Румовским краткого сибирского летописца 118
2. Издания Сибирских летописей в первой половине XIX в. Спор о древнейшей сибирской летописи (мнения Карамзина, Небольсина и Соловьева) 120
3. Подготовка и издание сибирских летописей Археографической комиссией в 1869—1907 гг. Работы П. В. Павлова, Л. Н. Майкова и В. В. Майкова. Критический разбор „Сибирских летописей“, изданных Археографической комиссией в 1907 г. 122
4. Вопрос о древности Строгановской летописи: взгляды А. М. Ставрович, С. В. Бахрушина и А. А. Введенского и подтверждение правильности гипотезы о позднем происхождении Строгановской летописи. Известия об участии Строгановых в призвании Ермака и их критический разбор 131
5. Соотношение Есиповской и Строгановской летописей. О недостоверности некоторых известий Строгановской летописи. Строгановская летопись — образец сочинительства конца XVII в. по истории завоевания Сибири 137
6. Вопрос о редакциях летописных повестей, напечатанных в „Сибирских летописях“. Летописные повести о завоевании Сибири, не вошедшие в издание 1907 г. Списки летописных повестей, напечатанных в „Сибирских летописях“, не использованные в издании. Необходимость нового издания летописных повестей о завоевании Сибири 142

VI. „Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее“

1. Необходимость дополнительного изучения сибирских летописных сводов XVII в. и первой половины XVIII в. 145
2. Списки „Описания о поставлении городов..“, известные в литературе. 147
3. „Летописец Тобольский, сочиненный ротмистром Станкевичем“ и отзыв о нем В. Н. Татищева; замечания Г. Ф. Миллера по поводу „Летописца“ и других сибирских летописей. Списки сибирских летописей, известные Г. Ф. Мил-

леру. „Описание о поставлении городов...“—продолжение летописной повести, так называемой Есиповской летописи распространенной или краткой редакции	149
4. Краткое описание 18 списков „Описания“. Некоторые предварительные итоги сравнительного изучения этих списков. Время составления ранних списков. Соотношение кратких списков Есиповской летописи и повести о завоевании Сибири в „Новом Летописце“ в связи с вопросом о „редакциях“ Есиповской летописи. Использование автором „Нового Летописца“ в качестве источника „Описания о поставлении городов...“ и других местных сибирских летописей. Необходимость научного издания „Описания“	152
VII. „Сибирский Летописец“ и другие летописные своды, не входящие к „Описанию о поставлении городов“.	
1. Мнение И. И. Тыжнова о „Сибирском Летописце“. Вновь найденный список его. Автор и время составления „Сибирского Летописца“. Краткие летописцы из собрания Г. Ф. Миллера	163
2. „Летописец тобольский о Сибирской стране“ по списку Н. А. Абрамова	166
VIII. „История Сибирская“ С. У. Ремезова и „Летопись сибирская краткая кунгурская“.	
Судьба рукописи Ремезовской летописи до приобретения ее в 1734 г. Г. Ф. Миллером. Описание рукописи. Автор или авторы основного текста Ремезовской летописи. Кому принадлежит основной почерк рукописи. Время, к которому относится составление летописи. Вновь найденный летописный текст, писанный С. У. Ремезовым. Когда и кем сделаны вставки в основной текст рукописи. О рисунках „Истории Сибирской“ и „Летописи сибирской краткой Кунгурской“	168
Приложение	179

Ответственный редактор Н. М. Ковязин.

Техн. редактор М. М. Петерсон.

Корректор Е. Гофман.

Сдано в набор 4/VIII 1939 г.

Подписано к печати 25/XII 1939 г.

Бумага 82×110¹/₃₂. Печ. л. 11¹/₂. Бум. л. 27¹/₃. Уч.-авт. л. 10¹/₂. 152 000 тип. зн. в 1 б. л.

Леноблгортит № 6262.

Тираж 1500.

Издание 185.

Инд. П-188.

Заказ № 2798.

Типография „Коминтерн“, Ленинград, Красная ул., 1.